
Сило говорит

**Сборник выступлений,
лекций и комментариев**

(1969–1995)

Содержание

К ЧИТАТЕЛЮ	4
I	
МНЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ И ВЫСТУПЛЕНИЯ В ПУБЛИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ	6
ИСЦЕЛЕНИЕ ОТ СТРАДАНИЯ.....	8
ПОЛНОЦЕННОЕ ДЕЙСТВИЕ	11
О ЗАГАДКЕ ВОСПРИЯТИЯ.....	16
СМЫСЛ ЖИЗНИ	22
ДОБРОВОЛЕЦ.....	28
ОБЩЕСТВЕННОЕ МЕРОПРИЯТИЕ (МАДРИД).....	30
КОЛЛЕКТИВНОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В ШРИ-ЛАНКЕ	32
ОТКРЫТОЕ МЕРОПРИЯТИЕ (МУМБАИ)	36
О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ	38
РЕЛИГИОЗНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	40
II	
ПРЕЗЕНТАЦИИ КНИГ	50
НАПРАВЛЯЕМЫЕ ОПЫТЫ ЖИЗНИ	52
ГУМАНИЗИРОВАТЬ ЖИЗНЬ НА ЗЕМЛЕ	62
К ВОПРОСУ О МЫШЛЕНИИ	68
УНИВЕРСАЛЬНЫЕ КОРЕННЫЕ МИФЫ	75
МЫШЛЕНИЕ И ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО	82
ПИСЬМА МОИМ ДРУЗЬЯМ.....	90
III	
КОНФЕРЕНЦИИ.....	95
ГУМАНИЗМ И НОВЫЙ МИР	97
КРИЗИС ЦИВИЛИЗАЦИИ И ГУМАНИЗМ	99
ВЗГЛЯД НА МИР СЕГОДНЯШНЕГО ГУМАНИЗМА.....	104
УСЛОВИЯ ДИАЛОГА.....	111

ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ФОРУМ	116
ЧТО МЫ ПОНИМАЕМ ПОД УНИВЕРСАЛЬНЫМ ГУМАНИЗМОМ	118
ТЕМА БОГА	128

К читателю

Данный сборник включает публичные выступления Сило на протяжении трёх десятилетий.

Мы позволили добавить от себя некоторые пояснительные примечания. Первое – в начале выступления 4 мая 1969 года, где мы постарались проинформировать читателя об обстоятельствах мероприятия, в котором Сило было положено начало его мышления. Второе примечание вы можете найти в заголовке выступления 27 сентября 1981 года. Третье примечание содержит вступительные слова человека, который представил Сило перед публикой 6 июня 1986 года. Данный подход – примечания в начале выступлений вместо сносок в конце страницы или книги – отвечает намерению издателей познакомить читателей с контекстом, который иначе мог бы быть пропущен.

Мы исключили из сборника все выступления Сило в средствах массовой информации, так как материал требовал бы такого метода обработки, который отличается от использованного здесь.

В сборнике содержится транскрипция заметок, аудио- и видеозаписей выступлений.

Составители издания

I

Мнения, комментарии и выступления в публичных мероприятиях

Исцеление от страдания

4 мая 1969 г.

Пунта-де-Вакас в Мендосе (Аргентина)

Примечания:

1. Военной диктатурой Аргентины были запрещены все публичные городские мероприятия. Следовательно, для этого выступления было выбрано пустынное местечко возле границы Аргентины с Чили, известное как Пунта-де-Вакас. Ранним утром военные начали патрулировать все ведущие туда дороги. Там можно было видеть пулемётные гнезда, вооружённых людей и военные машины. Проход был разрешён только при предъявлении паспорта или удостоверения личности, что создавало некоторые сложности для представителей иностранной прессы. Окружённый прекрасными снежными вершинами, Сило начал своё выступление примерно для двухсот человек. Стоял холодный, но солнечный день. Около полудня мероприятие завершилось.

2. Здесь представлено первое публичное выступление Сило. В более-менее поэтической формулировке объясняется, что самое важное знание для жизни («настоящая мудрость») не соответствует знанию, содержащемуся в книгах, общим научным законам и др. Это вопрос личного, глубинного опыта. Наиболее важное знание для жизни касается темы страдания и способов его преодоления.

Сило изложил простой тезис, состоящий из нескольких частей:

1. Сначала устанавливается разница между физической болью с её последствиями (утверждая, что они могут отступать благодаря развитию науки и юстиции), и ментальным страданием, которое невозможно таким же способом устранить.

2. Страдание проявляется тремя путями: восприятия, воспоминания и воображения.

3. Страдание отражает состояние насилия.

4. Источником насилия является желание.

5. У желания различные степени и формы выражения. Сосредоточивая своё внимание на этих идеях («путём медитации») можно двигаться вперёд.

Дальше:

6. Желание рождает насилие («у более жестокого человека и желания всегда более чёрные»), которое не остаётся внутри человека, а заражает всё вокруг.

7. Наблюдаются различные формы насилия, а не только первичное, физическое.

8. Необходимо применять простую модель поведения в качестве ориентира для жизни: научиться нести собой мир, радость и, прежде всего, надежду.

Заключение: наука и юстиция необходимы, чтобы победить боль в человеческом теле; а преодоление примитивных желаний необходимо, чтобы побороть ментальное страдание.

Если ты пришёл сюда, чтобы послушать человека, от которого передаётся мудрость, то ты выбрал ошибочный путь, потому как настоящая мудрость не передаётся ни через книги, ни через торжественные речи; настоящая мудрость находится в глубине твоего сознания, точно так же, как истинная любовь находится в глубине твоего сердца.

Если ты пришёл, побуждаемый клеветниками и лицемерами, послушать этого человека, чтобы услышанное сегодня позднее можно было бы использовать против него, то ты выбрал ошибочный путь. Этот человек пришёл сюда не для того, чтобы что-то просить или использовать тебя, потому как он просто не нуждается в тебе.

Ты слушаешь человека, который не знает законов, управляющих Вселенной; который не посвящён в законы Истории; который несведущ в связях, управляющих народами мира. Высоко в этих горах, далеко от городов и их больных амбиций, этот человек обращается к твоему сознанию. Там, в городах, каждый день — это усилие, отсекающее смерть; любовь сменяется ненавистью; на место прощения приходит месть. Там на города богатых и бедных людей, на эти огромные поля человечества, опустился покров страдания и грусти.

Ты страдаешь, когда боль вливается в твоё тело. Ты страдаешь, когда голод овладевает твоим телом. Но ты страдаешь не только непосредственно из-за самой боли тела и голода, ты страдаешь также вследствие болезней твоего тела.

Ты должен отличать два типа страдания: страдание, которое порождается по «милости» болезни (и это страдание может отступать, благодаря достижениям науки, также как и голод может отступать, благодаря воцарению справедливости); и другой тип страдания, который не связан с телесными болезнями, но может проистекать от них. Если ты искалечен, если ты не можешь видеть или слышать, ты страдаешь. Хотя это страдание происходит от телесных болезней, тем не менее, оно связано с твоим разумом.

Есть страдание, которое не отступает ни перед достижениями науки, ни перед продвижением вперед справедливости. Этот тип страдания прочно связан с твоим разумом и отступает перед верой, перед радостью жизни, перед любовью. Ты должен знать, что это страдание всегда основано на насилии, которое есть в твоём сознании. Ты страдаешь, потому что боишься потерять то, что у тебя есть; или из-за того, что ты уже потерял; или из-за того, чего отчаянно стараешься достичь. Ты страдаешь, потому что нуждаешься во многом или потому что, вообще, чувствуешь страх... Вот враги человека: страх перед болезнью, страх перед бедностью, страх перед смертью, страх перед одиночеством. Все эти страдания свойственны твоему разуму; все они отражают внутреннее насилие; насилие, которое есть в твоём разуме. Обрати внимание, что это насилие всегда происходит от желания. У более жестокого человека и желания всегда более чёрные.

Я хотел бы рассказать тебе историю, которая произошла очень давно.

Жил-был один странник, который должен был проделать одно очень длинное путешествие. Он впряг коня в повозку, и начал свой долгий путь в назначенный пункт, в который должен был прибыть к определённому времени. Животное он назвал «Необходимость», повозку – «Желание», одно колесо – «Наслаждение», а другое – «Страдание». Итак, путешественник правил повозкой то вправо, то влево, но всегда двигался вперед по направлению к пункту назначения. Чем быстрее ехала повозка Желания, тем быстрее двигались колёса Наслаждения и Страдания, соединённые одной осью. Но путешествие было очень длинным, и через какое-то время наш странник заскучал. И тогда он решил украсить свою повозку, используя много разных и красивых вещей. Но чем больше украшалась красивыми орнаментами повозка Желания, тем тяжелее становилось Необходимости тащить её. На кривых и крутых склонах бедное животное лишалось сил и не могло более тащить повозку Желания. На мягкой песчаной дороге колёса Наслаждения и Страдания проваливались до земли. И вот однажды путник отчаялся, так как дорога его была очень длинной, а он всё ещё оставался далеко от места назначения. Решив подумать ночью над решением этой проблемы, вдруг в середине своих размышлений он услышал ржание своего старого друга – коня. Путешественник понял знак и на следующее утро, поднявшись очень рано, снял все украшения с повозки. Это облегчило вес повозки, животное рысью отправилось в путь. Тем не менее, путешественник потерял много времени, которое уже было не наверстать. На следующую ночь он опять стал обдумывать ситуацию и вновь получил новый знак от старого друга; тогда он решил, что должен принять вдвойне тяжелое решение, так как оно было связано с потерей. На рассвете он принёс в жертву повозку Желания. Конечно, сделав это, он потерял колесо Наслаждения, но с повозкой он потерял также и колесо Страдания. Лишившись повозки, он сел верхом на Необходимость и галопом помчался через зелёные луга к своей цели.

Задумайся над тем, как просто желания могут загнать тебя в угол. Следует отметить, что желания бывают разного качества. Есть очень примитивные желания, но есть и более высокие. Так возвышай свои желания, очищай, преодолевай их! Делая это, ты, конечно, пожертвуешь колесом Наслаждения, но также освободишься и от колеса Страдания.

Насилие, побуждаемое желанием, не просто остаётся как болезнь в сознании человека, но и воздействует и проявляется в мире других людей. Не думай, что когда я говорю о насилии, то имею в виду военные действия, когда одни люди уничтожают других. Это только одна из форм физического насилия. Существует также экономическое насилие. Экономическое насилие – это такое насилие, когда ты эксплуатируешь других людей; экономическое насилие встречается, когда ты крадёшь у другого, когда ты уже не брат или сестра другому; а хищник, питающийся жертвами. Есть также расовое насилие. Или ты думаешь, что не участвуешь в насилии, когда преследуешь другого, чья раса отличается от твоей? Думаешь, что не осуществляешь насилие, когда клеветешь на человека из-за того, что его раса отличается от твоей? Есть и религиозное насилие. Ты думаешь, что не занимаешься насилием, когда отказываешь в работе, или закрываешь двери, или увольняешь кого-то из-за того, что он не разделяет твою религию? Ты веришь, что это не насилие, когда ты используешь слова ненависти, чтобы выстроить стены вокруг других людей, исключая их из своего общества, потому что они не разделяют твои религиозные верования – изолировать их самих и их семьи, разлучить их с любимыми, потому что они не верят в твою религию? Есть и другие формы насилия, которые навязаны мещанской моралью. Ты хочешь навязать другим свой стиль жизни, ты хочешь навязать

другим свои стремления. Но кто сказал тебе, что ты и есть тот пример, которому надо подражать? Кто тебе сказал, что ты можешь навязывать другим твой стиль жизни, потому что он тебе нравится? Что делает твой стиль жизни моделью, правильным образцом, который ты навязываешь другим?.. Это всего лишь ещё одна форма насилия. Только внутренняя вера и медитация могут покончить с насилием внутри тебя, в других и в мире вокруг. А все другие двери фальшивы и не выведут из насилия. Этот мир находится на краю взрыва, и нет конца и края насилию! Не ищи фальшивые двери! Не существует политики, которая может решить это сумасшествие насилия. Нет на планете ни политических партий или движений, которые могли бы покончить с насилием. Не выбирай фальшивых решений, которые обещают вывести мир из насилия. Я слышал, что во всём мире многие молодые люди поворачиваются лицом к фальшивым дверям, пытаются избавиться от насилия и внутреннего страдания. Они повернулись к наркотикам как к решению проблемы. Не ищи фальшивые двери, пытаясь покончить с насилием.

Брат мой, сестра моя, сохрани эти простые заповеди, которые просты как эти камни, этот снег и это солнце, которое нас благословляет. Неси с собой мир и приноси его другим людям. Брат мой, сестра моя, обратившись к истории, ты увидишь человека с лицом страдания. Всмотрись в это лицо... Но помни, что необходимо идти вперёд и учиться улыбаться, необходимо учиться любить.

В вас, брат мой, сестра моя, я бросаю эту надежду, надежду радости, надежду любви, чтобы вы возвысили сердце и дух свой; а также и для того, чтобы не забыли возвысить тело своё.

Полноценное действие

29 сентября 1978 г.

Канарские острова (Испания)

Какое действие можно считать полноценным? Ответы (или попытки ответить) на этот вопрос были самыми разными, но при этом почти всегда учитывалось, какую цель (благую или злую) преследует действие. Полноценность действия пытались увязать с его благонамеренностью или злонамеренностью; иными словами, в таких ответах затрагивалась сфера, которая со времён античности известна как этика или мораль. В течение многих лет мы старались выяснить, что нравственно, а что безнравственно, что является добром, а что злом. Но главным образом нас интересовало, что такое полноценное действие. Нам отвечали по-разному: с позиций религии, юриспруденции, идеологии. Во всех ответах утверждалось, что люди должны поступать так и так, а других поступков избегать. Для нас очень важно получить ясный ответ, так как в зависимости от направления действия возникают различные жизненные пути человека. В жизни всё согласуется с её направленностью. Мои представления о будущем определяют и моё настоящее. Таким образом, вопрос о полноценности и ложности, о благонамеренности и злонамеренности касаются не только будущего, но и настоящего в жизни человека. Они также имеют отношение не только к отдельному индивидууму, но к целым коллективам, народам.

Религии предлагают своё решение вопроса. Так, по мнению верующих определённых конфессий, необходимо выполнять кое-какие законы и заповеди Господни. Это и есть для них полноценное действие. Более того, различные религии содержат разные заповеди. В одних не рекомендуется совершать те или иные действия, иначе события примут нежелательный оборот; другие пугают адом. Временами, эти религии, будучи, в принципе, универсальными, впоследствии разошлись в заповедях и указаниях. Но больше всего нас волновало следующее: что творилось, когда та или иная религия направляла мораль людей, а многие при всем желании не могли следовать этим заповедям, потому что не чувствовали их. Таким образом, неверующие, которые для любой религии также являются детьми Господа, не могли выполнять эти заповеди, словно Бог лишил их своей благодати. Религия должна быть универсальной не в географическом смысле, а главным образом потому, что она заполняет человеческое сердце независимо от происхождения и физической среды обитания человека. Таким образом, у религий есть некоторые трудности при ответе на вопрос об этике.

Тогда мы обратились к другим создателям норм поведения. Юридические системы формируют поведение человека, ограничивая его определёнными рамками. Они устанавливают, что следует делать и чего следует избегать в отношениях между людьми, в обществе. Существуют разнообразные кодексы, регулирующие эти отношения. Имеются даже уголовные кодексы, предусматривающие наказание за то или иное преступление, то есть за поведение, которое считается антиобщественным. Таким образом, юридические системы также пытались дать ответы на вопросы о человеческом поведении, какое считать хорошим или плохим. И как религии дали ответ, и это хорошо для верующих, так и юридические системы сделали своё заключение, и это хорошо для определённого исторического периода и типа общественной организации. Юридические системы ничего не говорят о ценности действий человека, а только указывают, как он должен поступать. Несомненно, разумные люди подметили, что регулирование общественного поведения существует для того, чтобы избежать всеобщего хаоса. Но, конечно, это всего лишь техника социальной организации, а не оправдание той или иной морали. И действительно, в зависимости от уровня развития и господствующих идей, человеческие сообщества вырабатывают различные юридически регулируемые нормы поведения, подчас диаметрально противоположные. Юридические системы не имеют универсальной ценности, они пригодны в определённый период, для определённого общественного устройства, но не годятся для всех людей на все времена и во всех географических широтах. И, самое главное, они ничего существенного не сообщают человеку про добро и зло.

Мы также обратились к идеологиям. Они более многословны и, конечно, предлагают более пространственные и эффектные объяснения по сравнению с лаконичными законодательными системами. И, может быть, даже по сравнению с заповедями и законами, ниспосланными с небес. Некоторые идеологические учения устанавливают, что человек — это своего рода хищный зверь, который

развивается за счёт остальных и идёт вперёд несмотря ни на что, даже не глядя на других людей. За этой моралью стоит своеобразное стремление к могуществу. В какой-то степени подобное учение может показаться романтическим, однако на самом деле оно хорошо только в случае успеха, ибо не объясняет человеку, как ему быть, если он в своём стремлении к могуществу потерпит неудачу.

Другая идеология утверждает, что, поскольку всё в природе находится в постоянном развитии, а человек является продуктом этого развития и отражением условий, сложившихся в данный период, его поведение указывает на тип общества, в котором он живёт. Так, например, у какого-то класса будет одна мораль, а у другого – иная. Таким образом, мораль определяется объективными условиями, общественными отношениями и способом производства. Получается, что у человека не остаётся возможности выбора, так как его поведение механически определяется внешними условиями, несмотря на то, что пропагандисты указывают на мораль одного или другого класса. Итак, если свести всё к механическому развитию, можно утверждать, что я делаю то, что делаю, потому что к этому меня подталкивают внешние условия. Где добро и где зло? Получается, что есть только механическое столкновение движущихся частиц.

Согласно другим идеологиям, мораль – это своего рода социальное давление, служащее для сдерживания импульсов. И всё это сдерживание, осуществляемое своеобразным супер-эго, это сжатие в котле сознания, позволяет основным первичным инстинктам как импульсам сублимировать в определенном направлении.

Так что наш бедный друг, глядя на парад идеологий, садится посреди улицы и говорит: «И всё же, что мне делать? Здесь на меня давит общество, а вот тут у меня импульсы; кажется, им можно сублимировать, если я артист или художник; иначе либо я лягу в кресло психоаналитика, либо дело кончится неврозом». Итак, получается, что в действительности мораль – это форма сопротивления такому давлению, помогающая избежать невроза.

Другие идеологии, основанные также на психологии, объясняли добро и зло адаптацией. Поведенческая, адаптивная мораль. Нечто, позволяющее вписаться в единое целое; и если кто-то выпадает из этого единого целого, отделяется от него, он сразу попадает в сложное положение. Так что для него же лучше стать умницей и вписаться в коллектив. В этом случае мораль определяет добро и зло в соответствии с тем, как человек должен адаптироваться к среде, вписаться в неё. Ну да ладно, ещё одна идеология...

Конечно, в периоды культурной усталости, как уже не раз случалось со многими цивилизациями, появляются краткосрочные, соответствующие моменту ответы на вопросы о том, что должен, а что не должен делать человек. Я имею в виду так называемые школы декадентской морали. На закате различных культур возникали фигуры таких моралистов, которые пытались быстро приспособиться (скорее, по необходимости, чем по идейным соображениям) и найти направление в своей жизни. Некоторые из них говорили примерно следующее: «Жизнь не имеет никакого смысла; а раз так, то я могу делать всё, что мне приятно (если, конечно, могу)». Другие утверждали: «Так как в жизни мало смысла, я могу делать всё то, что мне приятно, что доставляет мне удовольствие, даже за счёт других». Некоторые ещё заявляли: «Раз мне плохо, а жизнь – это страдание, я должен в своём поведении сохранять некоторые формы, я должен вести себя как стоик». Эти декадентские школы так и называются – школы стоиков.

Конечно, за этими школами, представляющими собой непосредственную реакцию на насущные проблемы, также стоит идеология. Например, что всё потеряло смысл и нужно срочно отреагировать на это.

Известно, что нельзя оправдать действие с помощью теории абсурда, в которую контрабандой проникает обязательство. Как будто я связан некоторым обязательством и потому должен выполнить его. Нечто вроде банковского принуждения. Я не могу принимать никаких обязательств, если мир, в котором я живу, – абсурден и заканчивается ничем. Помимо всего, это никоим образом не укрепляет убеждения того, кто декламирует эту позицию.

Итак, религии, юридические системы, идеологии, школы декадентской морали – все они потрудились, чтобы ответить на самый важный вопрос о поведении, установить свою мораль, этику. Ибо все они, конечно, подметили важность того, будет оправдано или нет то или иное действие.

Что же является базисом полноценного действия? Основа его не заложена ни в идеологиях, ни в религиозных заповедях, ни в верованиях, ни в социальном регулировании, хотя всё это очень важно.

Полноценное действие основано на внутреннем регистре. Существует принципиальное различие между двумя оценками действия: та, которая даётся каким-то образом извне человека, и другая, соответствующая регистру, который возникает у него от данного действия.

А каков же регистр полноценного действия? Это ощущение внутреннего единства и, одновременно, роста, а также такой вид действия, которое хочется повторять из-за хорошего продолжительного «послевкусия». Рассмотрим эти аспекты отдельно: регистр внутреннего единства, с одной стороны, и продолжительность во времени – с другой.

Когда я оказываюсь в сложной ситуации, то могу отреагировать на неё тем или иным образом. Например, если я подвергаюсь агрессии, то могу ответить насильственным образом, от раздражения, вызванного во мне внешними стимулами, и соответствующего напряжения я могу разрядиться, ответив насилием. В результате я почувствую облегчение, разряджусь. Казалось бы, таким образом выполняется первое условие полноценного действия: при появлении раздражающего стимула я устраняю его и в результате разрядки и освобождения получаю регистр некоего единства.

Полноценное действие нельзя оправдать только одномоментной разрядкой, когда это ощущение не продолжается во времени, а скорее наоборот, немного погодя я начинаю испытывать дискомфорт с самим собой. В момент *А* я вызываю разрядку, отреагировав вышеуказанным способом, но в момент *Б* я уже совершенно не согласен с тем, что я ранее сделал. Это вызывает во мне противоречие: разрядка лишена единства, так как следующий момент противоречит предыдущему. Поэтому действие должно выполнять и условие продолжительности во времени, свободного от противоречий и расколов. Мы могли бы привести немало примеров, когда в один момент действие представляется полноценным, а в следующий перестает быть таковым. И субъект не в состоянии продолжить такое поведение, так как он испытывает не единство, а противоречие.

Но есть и другой аспект – ощущение внутреннего роста. В течение дня мы совершаем разнообразные действия, многие из которых вызывают у нас облегчение при разрядке испытываемых нами напряжений. Такие действия нельзя назвать нравственными; совершив их, мы разряжаемся, испытываем некоторое удовольствие, и это всё. Если снова возникнет напряженность, нам придется снова разряжать её, получается эффект как бы в своего рода конденсаторе, в котором заряд растёт, пока не достигнет определённого предела, а затем сбрасывается. Таким образом, эффект конденсатора, в котором заряд накапливается и сбрасывается, вызывает в нас ощущение вечного круговорота повторяющихся поступков. В момент разрядки, сброса напряжения мы испытываем удовольствие, но оно вызывает у нас странное чувство: если бы жизнь сводилась только к этому круговороту повторов удовольствий и боли, она, конечно же, была бы полностью абсурдной. Сегодня при появлении напряженности я вызываю разрядку, завтра – то же самое, и так действия сменяют друг друга в этом круговороте, как день постоянно приходит на смену ночи, независимо от воли человека, от его выбора.

Однако есть действия, которые, быть может, мы совершаем нечасто в жизни. Они дают нам великое ощущение единства и кроме того вызывают в нас чувство, что в чём-то мы стали лучше, совершив их. Подобные действия показывают нам перспективу в будущее, в том смысле, что если бы мы смогли повторить их, то почувствовали бы определённый рост, некое улучшение. Эти действия вызывают в нас чувства единства, внутреннего роста и продолжительности во времени. Это и есть регистры полноценного действия.

Мы нигде не сказали, что лучше или хуже, или должно делаться в принудительном порядке. Мы скорее выдвинули свои предложения и системы регистров, соответствующие этим предложениям. Мы рассказали о действиях, порождающих единство или противоречие. И, наконец, мы поведали о совершенствовании полноценного действия благодаря повторению подобных поступков. И как бы обобщая систему регистров полноценного действия, мы сказали: «Если ты будешь повторять действия, направленные на внутреннее единство, уже ничто не сможет тебя остановить». Это последнее обстоятельство свидетельствует не только о регистре единства, об ощущении роста и продолжительности во времени, но и о совершенствовании самого полноценного действия. Понятно, что, как бы мы ни старались, у нас не всё получается. Часто мы пытаемся сделать что-то интересное, но терпим неудачу. И, конечно, мы понимаем, что всё в мире можно улучшать и совершенствовать, в том числе и полноценное действие. Повторение действий, которые вызывают в нас ощущения единства, роста и продолжительности во времени, – это и есть самосовершенствование полноценного действия. Всё это возможно.

Мы в самых общих чертах охарактеризовали регистры полноценного действия. Но есть и принцип высокого порядка, стоящий над всеми остальными и гласящий: «Относись к другим так, как ты хочешь, чтобы относились к тебе». Он не нов, у него тысячелетняя история. Он был известен во многих странах и культурах. Это универсальный принцип, хотя он и формулировался по-разному. Его рассматривали в негативном аспекте, говоря нечто вроде такого: «Не делай другим того, чего ты не хочешь, чтобы делали тебе». Другой подход к той же мысли. Или, например: «Возлюби ближнего как себя самого». Это ещё один подход. Разумеется, это не совсем то же самое, что и «Относись к другим так, как ты хочешь, чтобы относились к тебе», но в том же духе. Этот принцип восходит к глубокой древности. Это самый значительный из всех нравственных принципов, самый важный принцип полноценного действия. Но как я хочу, чтобы относились ко мне? На это я должен ответить: такое-то отношение делает мне добро, а такое-то отношение причиняет зло. Я должен буду ответить на вопрос о добре и зле. Мне придётся вернуться к вечному круговороту определений полноценного действия, данных той или иной теорией, той или иной религией. То, что хорошо для меня, для другого будет плохо. И всегда найдется кто-нибудь, кто, применяя этот же принцип, будет плохо относиться к другим, ибо ему нравится, когда с ним плохо обращаются.

Это хороший принцип, говорящий об отношении к другим, в соответствии с тем, что является добром для самого себя; но необходимо узнать, что же такое добро для себя самого.

Итак, мы хотели бы подойти к основе полноценного действия. А основа полноценного действия заключается в вызываемом этим действием регистре.

Когда я говорю себе, что я должен относиться к другим так, как я хочу, чтобы относились ко мне, то у меня сразу возникает вопрос: «Почему так?» Вероятно, есть некий механизм, некая форма функционирования разума, которая вызывает трудности у человека, когда он плохо относится к другим. Что же представляет собой этот механизм? Если я вижу кого-то в очень плохом состоянии, если у меня на глазах кто-то порезался или поранился, то это находит отклик во мне. Как может находить отклик во мне то, что происходит с другим? Это магия какая-то! Бывает, что с кем-то происходит несчастный случай, а я почти физически ощущаю регистр несчастья другого. Как специалисты по подобным явлениям вы прекрасно знаете, что каждому восприятию соответствует образ; вам хорошо известно, что образы являются носителями заряда, а также что одни образы способны вызывать напряженность в некоторых точках, а другие приводят к разрядке. Если любому восприятию соответствует представление, а у представления, в свою очередь, есть свой регистр, то есть новое ощущение, нетрудно понять механизм того, как при восприятии некоторого явления (образования и мобилизации внутреннего образа, соответствующему этому явлению) в разных частях моего тела или внутрителесного пространства возникают некие ощущения, вызванные действием предыдущего образа. Когда кто-то поранился, я испытываю те же самые ощущения, потому что зрительному восприятию этого явления соответствует мгновенно возникший зрительный образ, сопровождаемый многочисленными сенестетическими и осязательными эффектами. Последние, в свою очередь, вызывают новое ощущение, порождая во мне регистр ранения другого человека. Итак, незачем относиться к другим людям плохо, потому что при таком действии у меня возникает соответствующий регистр.

Попробуем объяснить технически. Для этого и не смотря на то, что мы знаем о целостной структуре и работе сознания, постараемся смоделировать его функционирование, наблюдая две различные цепочки. Первая цепочка соответствует восприятию, представлению, новому входу представления и внутреннему ощущению. Вторая относится к действию. Она означает примерно следующее: любому действию, которое я осуществляю во внешнем мире, во мне соответствует внутренний регистр. Данная обратная связь позволяет нам, например, учиться на своих делах. Без обратной связи от тех движений, которые я совершаю, я никогда не смог бы усовершенствовать их. Я учусь печатать с помощью повторения, благодаря тому, что моё сознание запечатлевает как удачу, так и ошибки. Но запомнить можно лишь то, что делаешь. Таким образом, регистр порождается действием. Среди интеллектуалов бытует предрассудок, охватывающий порой и педагогическую сферу. Он заключается в том, будто обучение осуществляется в результате обдумывания. Да, мы учимся чему-то, потому что получаем соответствующие данные. Однако они не просто остаются в памяти, а соответствуют образам, которые, в свою очередь, мобилизуют новые действия. Всё это показывает непрерывную работу сознания, а не пассивное сохранение фактов. Данная цепочка обратной связи позволяет нам сказать, например, следующее: «Я нажал не на ту клавишу». Таким образом, я регистрирую ощущения правильного и ошибочного, постепенно учусь, автоматизирую

правильные действия, связанные с печатанием на клавиатуре компьютера. Мы говорим о второй цепочке. Первая цепочка была связана с болью другого, которую я регистрирую в себе. Вторая цепочка свидетельствует о регистре действия, которое я осуществляю.

Вы знаете разницу между актами, называемыми катартическими, и трансференциальными актами. Катарсис главным образом относится к разрядке напряженности и больше ни к чему. А трансференция позволяет переводить внутренние заряды, интегрировать различные элементы мыслительных процессов, способствуя правильной работе психики. Мы знаем, что там, где существуют изолированные островки мыслительного содержания, не связанные между собой, всегда появляются трудности для сознания. Мы знаем, что если ты думаешь в одном направлении, чувствуешь в другом, а действуешь в третьем, то все эти процессы не согласуются между собой и регистр не является полноценным. Представляется, что только когда мы перекидываем мостики между внутренними содержаниями, психические процессы протекают как единое целое, что и позволяет продвигаться вперед. Мы знакомы с операциями трансференции, позволяющие мобилизовать и преобразовать проблематичные образы с явной пользой для человека. Пример данной психологической технологии представлен в литературной форме в «Направляемых опытах жизни» (см.: *Сило. Направляемые опыты жизни. М.: КИ «Весна», 2013*). Но мы также знаем, что действие, а не только работа с образами, может породить трансференциальные и самотрансференциальные явления. Разные виды действия имеют различные последствия. Бывают действия, которые позволяют интегрировать, гармонизировать психические составляющие, а также действия, провоцирующие внутренний распад. Иногда вследствие собственных поступков у человека возникает такой груз сожаления, такое раскаяние и внутренний раскол, такая глубокая тревога, что он никогда не повторит их. И, к сожалению, такие действия настолько связаны с прошлым, что, хотя они и не повторились бы в будущем, всё же продолжали бы давить из прошлого, не находя разрешения, не интегрируясь, не позволяя сознанию осуществить трансференцию (интегрировать содержания), которая дала бы возможность субъекту испытать ощущение внутреннего роста, упоминаемое выше.

Нам не безразлично, какие действия мы совершаем. Одни из них вызывают регистр единства; другие – противоречия, дезинтеграции. При внимательном изучении и с учётом имеющихся знаний в области катартических и трансференциальных техник вопрос о совершаемых действиях (в том, что касается интеграции содержаний и развития последних) прояснится во многом. Но моделирование цепочек для того, чтобы понять значение полноценного действия, – довольно сложная задача. А пока наш друг всё так и сидит посреди улицы и спрашивает: «Что же мне делать?» Полноценным действием является также донести до сидящего посреди улицы, лишенного внутренних ориентиров человека эти самые мысли, представленные простыми словами и делами. Если никто не сделает это, мы готовы на такой поступок, равно как и на многие другие, помогающие людям преодолеть боль и страдание. Действуя таким образом, мы совершенствуем и свою жизнь.

О загадке восприятия

1 октября 1978 г.

Лас-Пальмас-де-Гран-Канария (Испания)

Выступление перед исследовательской группой

Две с половиной тысячи лет тому назад в отличном мастер-классе по дескриптивной психологии Будда развил один из важнейших вопросов, касающихся восприятия и сознания, наблюдающего восприятие, на основе опытного метода. Данная психология отличается от западной классической психологии, которая, в основном, занимается объяснениями по поводу явлений. Если вы возьмёте западный трактат по психологии, то увидите, например, как, начиная с определённого явления, сразу начинается множество объяснений, но не даётся точная система регистров самого явления. Таким образом, психологи различных течений объясняют те же явления по-разному (в зависимости от того, как их концепции и данные меняются со временем, как их знания расширяются или сокращаются). Итак, если возьмём трактат по психологии столетней давности, то мы обнаружим много наивного, не приемлемого сегодня. Упомянутая западная психология без собственного костяка идей зависит в большой мере от поддержки других наук. Нейрофизиологическое объяснение явлений сознания – это уже на порядок интереснее. Проходит некоторое время и появляется еще одно объяснение, сложнее предыдущего. Итак, знание продвигается вперёд в том, что касается объяснений; а насчёт описания самого явления такие объяснения ничего нового не добавляют. Однако правильное описание, сделанное 2500 лет тому назад, даёт нам возможность присутствовать перед определённым ментальным явлением, именно так, как будто это описание было бы сделано сегодня. Таким же образом, правильное описание, сделанное сегодня, будет пригодным ещё спустя много времени.

Дескриптивная психология основана не на объяснениях (за исключением только тех случаев, когда оно является неизбежным), а на описании регистров (внутренних ощущений), сходных для всех тех, кто его читает. Дескриптивный подход делает современниками всех людей, даже если они принадлежат к различным историческим эпохам, и, конечно же делает их близкими, даже когда они находятся далеко друг от друга географически. Такое направление в психологии сближает между собой различные народы, поскольку не подчёркивает различия и не старается навязать схемы одной культуры остальным. Это направление в психологии сближает людей между собой. Следовательно, оно является большим вкладом во взаимопонимание между народами.

Возвращаемся к нашей теме. Будда был на встрече с группой специалистов и в виде диалога изложил учение, которое в дальнейшем стало известно как «Загадка восприятия».

Тогда на встрече Будда поднял руку и спросил своего самого прославленного ученика:

– Что ты видишь, Ананда?

Благодаря своему лаконичному стилю, Будда спрашивал и отвечал с точностью. Ананда был гораздо более многословный и велеречивый.

– О, благородный Лорд! Я вижу передо мной руку Просветлённого, которая сжимается.

– Хорошо, Ананда. Где ты видишь руку и откуда?

– О, Учитель! Я вижу руку моего благородного Лорда, которая сжимается и показывает кулак. Естественно, я вижу руку вне себя и от себя.

– Отлично, Ананда. И чем ты видишь руку?

– Конечно же, Учитель, я вижу руку именно своими глазами.

– Скажи, Ананда, восприятие находится в твоих глазах?

– Точно так, высокочтимый Учитель.

– Тогда, Ананда, что происходит, когда ты закрываешь глаза?

– Благородный Мастер, когда я закрываю глаза, восприятие исчезает.

– Ананда, такое не возможно. Разве, Ананда, когда в комнате остановится темно и тебе всё труднее видеть, восприятие исчезает?

– Именно так, Учитель.

– А разве, Ананда, когда в комнате остановится темно, то, хотя у тебя глаза открыты и ты ничего не видишь, восприятие исчезло?

– О, благородный Учитель! Я твой двоюродный брат! Вспомни, пожалуйста, что мы росли вместе и ты любил меня, когда я был ребёнком, так что не сбивай меня с толку!

– Ананда, если в комнате остановится темно, я не вижу вещи, но глаза продолжают работать. Так, если за моими веками, появится свет, я увижу этот свет, но если темнота полная, то я ничего не вижу, то есть восприятие не исчезает из-за того, что я закрываю глаза. Скажи, Ананда, если восприятие находится в глазах и ты представляешь себе, что видишь мою руку, то где ты видишь её?

– Наверное, Учитель, я вижу её, также воображая в моих глазах.

– Что ты имеешь ввиду, Ананда? Что воображение находится в глазах? Это невозможно. Если воображение было бы в глазах и ты представил бы себе руку внутри своей головы, то ты должен был бы повернуть глаза назад, чтобы увидеть руку. Такое невозможно. Следовательно, ты должен признать, что воображение не находится в глазах. Итак, где оно?

– Может быть, – говорит Ананда, – и зрение и воображение находятся не в глазах, а за ними. Поэтому, когда я воображаю, то могу оглянуться назад; а когда воспринимаю, могу видеть то, что находится перед глазами.

– Во втором случае, Ананда, ты видел бы не вещи, а сами глаза...

Так продолжался диалог. Дальше в «Загадке восприятия» регистры становятся всё более сложными, возникают всевозможные решения проблем. Наряду с этим, Будда делает всё более существенные возражения, вплоть до того, что Ананда, в конце концов, просит Учителя изложить приемлемое объяснение на вопрос о зрении, воображении и сознании в целом. Но, хотя Будда очень строго относится к описаниям, в своих объяснениях он делает немалые словесные обороты. Таким образом завершается глава, включённая в «Шурангама сутру», одно из наиболее интересных произведений этих исследователей.

Когда мы смотрим на руку, то видим её вовне и изнутри. Словом, объект находится в месте, отличном от точки наблюдения. Если моя точка наблюдения была бы вовне, то у меня не было бы даже понятия, что я вижу. Следовательно, точка наблюдения должна быть внутри, а не вовне; объект же должен быть вовне, а не внутри. Но когда я представляю руку внутри моей головы, получается, что и образ и точка наблюдения находятся внутри.

В первом случае, когда я вижу руку вовне и изнутри, кажется, что точка наблюдения почти совпадает с глазом. Во втором случае, когда рука находится внутри, точка наблюдения не совпадает с глазом; поскольку, если я представляю руку внутри своей головы, я могу видеть её из моих глаз во внутрь, из задней части моей головы во внутрь. Я могу также видеть мою руку сверху, снизу, со многих разных перспектив. Значит, когда речь идёт о представлении, а не о восприятии, точка наблюдения перемещается. Следовательно, в случае представлений точка наблюдения не закреплена за глазами.

Если я воображаю, что моя рука от середины головы выходит назад, я продолжаю представлять свою руку изнутри головы, несмотря на то, что я представил бы руку вне её. Можно подумать, что точка наблюдения в определённый момент выходит из головы. Но это невозможно. Если я представляю образ самого себя, как-то смотря из позиции напротив меня, я могу представить то, что смотрит на меня, оттуда, где я нахожусь. Также я мог бы представить, как выгляжу, как будто на меня смотрели бы оттуда, от того, кто на меня смотрит. Однако даже когда я представляю себя на месте того образа, что находится напротив меня, я регистрирую сенестетическое ощущение у меня, где я действительно нахожусь.

Я не могу сказать, что когда я смотрю на себя в зеркало, то я вижу себя внутри зеркала или ощущаю себя внутри его. Я стою здесь и смотрю на себя там. Я не нахожусь там и смотрю сюда. Мог бы человек перепутать, думая, что, так как он стоит напротив представления самого себя, то точка наблюдения находится там; но даже в этом случае такое не возможно. В определённых экспериментальных установках (таких, например, как в камере сенсорной депривации) при

уменьшение интенсивности раздражителей от внешних чувств теряет ощущение своего «я». Тогда, теряя ориентир тактильной границы, человеку кажется, что он находится вне тела и даже смотрит на себя извне. Но если обращать внимание на регистрации чувств, то можно наблюдать, что сенестетическая тактильная проекция всё-таки не ставит регистр вне себя. Скорее, человек не имеет возможность чётко зарегистрировать точку наблюдения, поскольку он потерял ориентир, тактильную границу тела.

Итак, я вижу руку вне себя и от себя; или вижу руку внутри меня и изнутри себя, в случае если я воображаю её. Кажется, это то же самое пространство. Существует пространство, где располагаются объекты, которые мы наблюдаем. Его можно назвать «пространство восприятия». Но также существует пространство, где располагаются представленные объекты. Оно не совпадает с пространством восприятия. Объекты, расположенные в двух разных пространствах, имеют и различные характеристики.

Когда я смотрю руку, то понимаю, что она находится на определённом расстоянии от моих глаз. Вижу, что относительно одних вещей она ближе, а от других дальше. Вижу, что руке соответствует определённые форма и цвет. А если я воображаю другие объекты вокруг руки, то преобладает восприятие их. Сейчас я представляю себе руку. Она может находиться до или за другим объектом, но я могу тотчас изменить расположение. В моём представлении рука может уменьшаться или увеличиваться на весь «экран», форма руки или её цвет могут меняться. Таким образом, расположение ментального объекта в пространстве представления меняется в зависимости от моих ментальных движений. В то же время расположение объектов во внешнем пространстве также может меняться, но не независимо от моих ментальных операций. Как долго я не думал бы, что эта колонна передвигается, это возможно лишь в моём представлении, но перцептуально не так легко. Итак, существует огромная разница между представляемыми и воспринимаемыми объектами. Соответственно, существует также большая разница между пространством восприятия и пространством представления.

Но сейчас я закрываю глаза и представляю свою руку. Всё понятно, если я воображаю свою руку внутри головы. Но когда я опускаю веки и вспоминаю мою руку вне своей головы, то где именно я представляю образ руки? Я представляю его внутри своей головы? Нет, я представляю её вне головы. А как получается так, что при вспоминании воспринятых объектов я могу представить их именно там, где они находились, то есть во внешнем пространстве?

Вспомнить объект внутри своей головы – это понятно. Но если вспомнить объект не внутри головы а вне её, когда мои глаза закрыты, в каком пространстве я увижу его? Либо объекты, которые вспоминаю, находятся внутри моей головы, и я уверен, что увижу их вовне; либо, когда закрываю глаза и вспоминаю объекты, мой разум выходит за пределы внутреннего пространства. Такое невозможно. Я точно различаю внутренние и внешние объекты. Я строго различаю пространства восприятия и представления. Но тогда, когда я представляю объекты именно там, где они находятся, то есть вне моего внутреннего представления, мои ощущения запутываются.

Как я различаю объекты, представленные внутри моей головы, и объекты, представленные или вспоминаемые вне головы? Я могу различать их, благодаря ощущению границы головы. А что именно определяет такую границу? Это тактильное ощущение кожи. В данном случае ощущение век поможет различить объект, представленный внутри, от другого, представленного вовне. Если это так, то представленный вовне объект не находится реально вовне, а расположен в самой поверхностной части моего пространства представления, что даёт мне регистр, в переводе на визуальный образ, сообщающий о внешнем расположении объекта. Итак, граница является тактильной, а не визуальной.

Представление бывает столь мощным, что даже меняет восприятие. Если вы смотрите на этот занавес, а затем представляете его очень близко от своих глаз, то как только посмотрите снова на реальный занавес, почувствуете, что необходимо, чтобы прошло некоторое время для корректировки зрения. Значит, вы представили занавес очень близко к глазам и при воображении они приспособляются к представляемому занавесу, а не к реальному. И наоборот, если вы представите, что сквозь занавес видите здание, как бы стоящее за ним вдаль, а потом снова посмотрите на занавес, то глаза приспособятся только через несколько мгновений; потому что до этого они адаптировались на расстояние, соответствующее образу, а не восприятию.

Образ, представление влияют на восприятие. Если это так, то данные восприятия могут быть серьезно изменены в соответствии с работающим в настоящий момент представлением. Например,

может случиться так, что наша система представлений изменила бы наше видение мира в гораздо большей степени, чем мы обычно думаем. Особенно, учитывая то, что явления, расположенные в пространстве представления, не совпадают с явлениями в пространстве восприятия. И, зная, что явления представления меняют восприятие, это же восприятие может быть изменено в соответствии с системой представления. Я имею в виду не особые случаи, а изменение восприятия в целом. Вышесказанное имеет колоссальные последствия, поскольку если моё представление соответствует определённому набору убеждений, согласно ему я именно так и модифицирую моё видение на внешний перцептуальный мир.

Я могу сориентировать моё тело к различным предметам благодаря восприятию. Но также я могу это делать благодаря представлению. Если бы я представил объект внутри своей головы, а не вовне, то ничего не смог бы направить на объект, никаких действий. Когда я бодрствую и глаза открыты, моя точка наблюдения совпадает с ними; однако не только с глазами, но и со всеми внешними чувствами. Когда же уровень моего сознания понижается (например, засыпаю), точка наблюдения передвигается во внутрь.

Получается что, по мере того, как уровень сознания снижается, перцептуальная полоса внешних чувств сужается и в то же время усиливается регистрация внутренних чувств. Следовательно, точка наблюдения, структурированная данными памяти и восприятия, при уменьшении количества раздражителей от внешних чувств и увеличении – от внутренних передвигается во внутрь. Когда при снижении уровня сознания точка наблюдения передвигается внутрь, то образы, мобилизующие тело к внешнему миру, блокируются. Например, на уровень сна. В случае, если бы все образы, появляющиеся в сознании во сне, допускали бы деятельность по отношению к внешнему миру, восстановительные процессы, характерные для этого уровня, были бы невозможны. За исключением случаев сонambuлизма или нарушенного сна, когда человек говорит, двигается, волнуется и, наконец, встаёт и начинает ходить. Такая ситуация возможна потому, что точка наблюдения не достаточно углублена и тело продолжает реагировать на образы.

Если внутренний конфликт психики выбрасывает точку наблюдения на поверхность или сильные внешние раздражители вытаскивают мою точку наблюдения на поверхность (даже во сне), то мои образы перемещаются к внешней полосе пространства представления и, следовательно, пускают сигналы во внешний мир. Когда сон становится глубже, точка наблюдения передвигается во внутрь, образы интернализируются (становятся внутренними) и общая структура пространства представления меняется. Таким образом, когда я бодрствую, вижу вещи от себя, но не вижу себя; а во сне я иногда вижу себя. Бывает, что во сне люди видят не самих себя, а так же, как в состоянии бодрствования. А это так потому, что их точка наблюдения расположена у границ пространства представления. У них не спокойный сон.

Но когда точка наблюдения нисходит во внутрь, в сновидениях, я вижу себя извне. Это не значит, что образ себя самого находится вне головы. Во внутрь переместилась только точка наблюдения, а я вижу на «экране» картину моих представлений, куда включён и я сам. В этом случае, я не воспринимаю мир «от меня», как это происходит в бодрствовании, а вижу себя в действии. Именно так происходит и с долговременной памятью. Давайте вспомним себя, когда вам было два-три года. Наверняка, в ваших воспоминаниях не вы смотрите на вещи «от себя», а видите сами себя извне, то есть в действии и в окружении вещей. Долговременная память, как и система представлений на уровне сна, отличается тем, что точка наблюдения углублена в пространство представления. Данная точка наблюдения не что иное, чем собственное «я». Это «я» перемещается, располагаясь на одном или другом уровне пространства представления. Из этого «я» наблюдается мир, из этого «я» наблюдаются соответствующие представления. Это «я» – изменчиво, оно адаптирует представления и меняет восприятия, как в вышеупомянутом примере.

Когда я представляю себе образы на различных уровнях глубины, например, когда я воображаю сам себя, спускающегося по лестнице в глубь или поднимающегося вверх, мои глаза соответственно спускаются или поднимаются. То есть несмотря на то, что глаза не нужны, поскольку нет необходимости смотреть на внешние объекты, глаза следуют за представлениями, как будто они смотрят на них. Я представляю себе мой дом в каком-то месте, и мои глаза идут туда. Глаза, которые поднимаются и опускаются, следуя за образами, встречают разные объекты. Поскольку к экрану представления, куда смотрит наше «я», подключены все системы импульсов тела. Таким образом, в одной полосе пространства представления отражаются импульсы одной части тела, в других полосах – иные и т. д. А как вам известно, данные импульсы переводятся, искажаются, преобразуются.

В известном примере отмечается следующее: наш субъект опускается со своими образами в пространстве представления. Он делает это через трубу и на своём пути неожиданно встречает большее сопротивление – кота с огромной головой, закрывающую дорогу вниз. Для преодоления препятствия субъект гладит кота по шее, при этом кот уменьшается. Одновременно субъект ощущает расслабление в собственной шее и проходит через трубу. Значит, кот является ничем иным, как аллегоризацией напряжения в шее самого субъекта. При соответствующем расслаблении меняется система сигналов, представленная как образ кота, сопротивление уменьшается, а наш друг спускается дальше.

Другой пример, в своих представлениях субъект начинает спускаться. Дойдя до глубины, он вдруг встречается с человеком, который передаёт ему маленький камень. Наш друг, в своём представлении, возвращается на средний уровень, так сказать, обычной, каждодневной деятельности, где видит ещё одного неизвестного господина, который даёт другой, похожий по форме предмет. Субъект продолжает восхождение к вершинам гор, где, потерявшись среди туч, вдруг встречает ангела, небесное существо, которое передаёт ему яркую, сияющую вещицу, также сходную по форме с предыдущими. Во всех трёх случаях наш друг чётко наблюдает одно и то же расположение объекта в пространстве представления. Объект не появляется в разных местах на каждом уровне, а во всех случаях он располагается посередине и чуть левее «экрана». Поясним теперь, что у нашего друга один позвонок искусственный, о котором он вдруг вспоминает. Позвонок подаёт сигнал, который непрерывно переводится в образ, хотя человек обычно может и не осознавать это явление.

Вот так системы аллегоризации преобразуют сигналы от интратора, переводя их в образы, которые располагаются в разных точках пространства представления. Не надо думать, что глаза, пока поднимаются или спускаются, смотрят, что происходит в интраторе. Это не глаза вошли внутрь пищевода, а скорее сигнал напряжения, переведённый в образ, дошёл до «экрана» репрезентации без участия глаз. Итак, когда я «спускаюсь» в моих представлениях, то устанавливаю контакт с переводами сигналов от низких уровней интратора, но это совсем не значит, что глаза входят в мои внутренности и видят, что там происходит.

По мере того, как представления спускаются в пространстве представления, общее освещение снижается. И наоборот, как известно, когда представления поднимаются в пространстве, освещение увеличивается. Затемнение при спуске и освещение при восхождении относятся к двум явлениям: первое – это приближение или отдаление от оптических центров, а второе – наша обычная система восприятия, где солнечный свет ассоциируется с небесами, а темнота с пропастью. Данная ситуация, конечно, меняется в местах, которые описывают жители холодных и туманных регионов, где практически постоянно яркий снег лежит внизу, а небо темнеет наверху. С другой стороны, наверху бывают тёмные объекты, не зависимо от того, что пространство представления более освещено, и также яркие объекты бывают в глубинах пространства представления. Однако как при восхождении, так и спуске в пространстве представления будут присутствовать границы. Но это тема отдельного разговора.

Итак, мы рассмотрели 14 пунктов:

1. Расположение точки наблюдения относительно внешнего объекта.
2. Расположение точки наблюдения, относительно объекта внутри.
3. Ситуация, когда точка наблюдения находится сзади.
4. О фальшивой точке наблюдения, когда человек представляет самого себя из позиции напротив себя.
5. Когда объекты расположены в самой поверхностной части пространства представления.
6. О разнице между внешним и внутренним в пространстве представления, которые отмечены тактильным барьером глаз.
7. Представление изменяет восприятие.
8. Что происходит с управлением телом при представлении объекта внутри.
9. Модификация (видоизменение) пространства представления в бодрствовании.
10. Модификация пространства представления во сне.
11. Что происходит с объектами внутреннего пространства.

12. Отношения пространства представления с разными точками интратора и проявление пространства представления в виде «экрана».

13. Освещение пространства представления при восхождении образов.

14. Потемнение пространства представления при спуске образов, хотя можно отметить и некоторые особые случаи.

Из всего этого можно сделать множество выводов.

Смысл жизни

10 октября 1980 г.

Мехико (Мексика)

Обмен мнениями с исследовательской группой

Благодарю вас за возможность обсудить некоторые точки зрения, являющиеся важными в нашей концепции жизни человека. Я говорю именно обсудить, поскольку сегодня у нас будет не лекция, а скорее обмен мнениями.

Первая точка зрения, которую мы рассмотрим, касается нашей концепции в целом. Является ли объект нашего исследования предметом, который изучает наука? Если это так, тогда последнее слово в этом вопросе осталось за наукой.

Мы сконцентрируем наше внимание на человеческом существовании, но не в качестве биологического или социального явления, а исходя из регистра повседневной жизни, исходя из личного ежедневного регистра своего существования. Потому что если кто-то и задаст вопрос о социальном и историческом явлении, которым является человек, то этот кто-то будет задавать такой вопрос, исходя из своей повседневной жизни, из своей конкретной ситуации. А делать это он будет, подталкиваемый желаниями, страхами и потребностями, любовью и ненавистью; подталкиваемый своими фрустрациями и успехами. Он будет поступать так, исходя не из какой-либо статистики и теории, а из самой жизни.

Итак, что является общим и, одновременно, частным в человеческом существовании? Поиск счастья, попытки преодоления боли и страдания, являются общими устремлениями, но также и частными у каждого отдельного человека. Это истина, ощущаемая всеми людьми и каждым человеком в отдельности.

А что такое счастье, к которому стремится человек? Счастье, в какое каждый верит. Это немного удивительное утверждение основано на факте, что люди по-разному ориентируются на идеалы, по-разному представляют своё счастливое будущее. А ещё идеал счастья меняется со временем в зависимости от исторической, социальной и личной ситуаций. Итак, мы пришли к выводу, что человек ищет то, что, как он думает, принесёт ему счастье; а также то, что, как он думает, будет отгонять от него боль и страдание.

И на пути стремления к этому счастью обязательно возникают сопротивления в виде боли и страдания. Как нам их преодолеть? Однако сначала надо задуматься над вопросом о природе боли и страдания.

Боль – это физическое, телесное явление. Все имеют сенсорный опыт этого явления. Голод, суровость климата, болезни, старость – всё это причиняет нам боль. Только путём совершенствования общества и используя достижения науки можно добиться того, чтобы боль отступила. А это именно та область, в которой общественные деятели, социальные реформаторы, учёные и конечно же сам народ – главный двигатель прогресса – могут приложить свои наибольшие усилия.

В свою очередь, страдание – это явление ментальное, а не сенсорное, как боль. Фрустрация, обида являются состояниями, которые мы также испытываем, но не можем найти их в определённом органе или в нескольких. А может случиться так, что, хотя боль и страдания являются явлениями разной природы, однако будут взаимодействовать между собой? Ведь иногда боль сопровождается страданием. В этой связи совершенствование общества и достижения науки также могут заставить отступить какую-то часть страдания. Но где мы найдём окончательное решение проблемы страдания? Только в обретении смысла жизни. Нет такой социальной реформы или научного достижения, способных решить проблему страдания, полученного от фрустрации, обиды, страха смерти, страха вообще.

Настоящий смысл жизни – это направление к будущему, которое даёт существованию человека гармоничность и крепкую основу, придаёт согласованность его деятельности. Жизненный смысл –

как поток света, под которым даже боль (в её ментальном составляющем) и конечно же страдание отступают и ощущаются уже как преодолимые.

Итак, каковы же истоки человеческого страдания? Это всё, что приводит к противоречию. Люди страдают из-за того, что живут в противоречивых ситуациях, а также и из-за того, что вспоминают или представляют их в будущем.

Эти истоки страдания называются «три пути страдания»; они меняются в зависимости от состояния, в котором находится человек относительно смысла жизни. Нам придётся рассмотреть вкратце данные пути, чтобы потом поговорить о значении и важности смысла жизни.

(Вопрос не слышен в записи мероприятия).

Известно, что предмет изучения социологии – поведение человеческих обществ. В свою очередь, естественные науки могут изучать как космические светила, так и микроорганизмы. Биология, анатомия, физиология, изучают человеческое тело с разных точек зрения. Психология исследует психическое поведение. Но учёные всех этих дисциплин обычно не берут в качестве объекта изучения их собственное существование. Наука не беспокоится о подробностях тех ситуаций, которые переживает человек, когда приходит домой, а с ним общаются плохо или, наоборот, ласково.

Со своей стороны, нас интересуют именно конкретные ситуации человеческого существования, а не научные дебаты на ту же тему. Видны серьезные недостатки в попытках науки определить, что именно происходит в бытии человека, какова природа человеческой жизни и её смысла, какова природа боли и страдания, какова природа счастья, какова природа поиска счастья. Всё это является объектом нашего внимания. Поэтому мы могли бы сказать, что у нас есть конкретная позиция относительно жизни, относительно бытия человека, что мы «не занимаемся наукой» по этой теме.

(Вопрос не слышен в записи мероприятия).

Понятно, что мы сделали акцент на то, что люди ищут, на то, что, как они считают, является счастьем. Дело в том, что они сегодня думают об этом одно, а завтра – совершенно другое. Если мы посмотрим на свой собственный пример, на то, что представляло для нас счастье, когда нам было двенадцать лет, и сегодня, – мы убедимся в перемене наших взглядов. Таким же образом, если мы проконсультируем человека десять, то найдём десять разных точек зрения. В Средневековье общая идея о счастье сильно отличалась от той, которая появилась в эпоху Промышленной революции. В общем, различные индивиды и всевозможные народы по-разному представляют счастье. Нет никакой определённости по поводу счастья как объекта. Кажется, такого объекта не существует. Скорее, то, что люди ищут, – это настроение, а не какой-то осязаемый объект.

Бывают формы рекламы, которые создают путаницу, когда предлагают, например, какое-либо косметическое средство как само счастье. Конечно, мы все понимаем, что, на самом деле, они стараются описать некое состояние, состояние счастья, а не объект, поскольку такого объекта нет в действительности. Впрочем, нет ясности, относительно того, что такое состояние счастья. Нет чёткого определения этого понятия, так что никто не может конкретно его описать.

Хорошо, давайте ответим на вопросы, прежде чем двинуться дальше.

(Вопрос не слышен в записи мероприятия).

Последний – это вопрос о преодолении боли и страдания. Почему боль можно преодолеть с развитием общества и науки, а страдание трудно преодолеть параллельно?

Существует люди, которые утверждают, что человек не продвинулся вообще. Но очевидно, что человечество продвинулось в том, что касается достижений науки, покорения природы, в своём цивилизационном развитии. Понятно, что разные цивилизации развиваются разнообразными путями и в различной степени. Вопрос, конечно, сложный, но нельзя отрицать продвижение человеческой цивилизации. Достаточно вспомнить те времена, когда распространение бактерий, эпидемии приводили к катастрофическим ситуациям. Сегодня своевременное применение соответствующего препарата быстро решает проблему. Половина населения Европы умерло от чумы. В настоящий момент этот вопрос решён. Учёные и врачи борются со старыми и новыми заболеваниями, но рано или поздно победят. Многое изменилось к лучшему. Но в то же время очевидно, что в вопросе о страдании у человека как пять тысяч лет назад, так и сегодня можно обнаружить всё те же разочарования, страхи, обиды. Люди от них страдают, как будто нет истории, как будто каждый

человек – первый. Боль отступает с развитием науки и общества, но со страданием дело обстоит совсем иначе. Всё-таки, как мы можем сказать, что у человека нет прогресса? Может быть, именно потому, что эволюционировал, он и стал задавать себе такие вопросы. По той же причине он старается найти ответ на эти вопросы, которые в другой эпохе не было необходимости задавать. Три пути страдания необходимы для человеческого существования, но их нормальное функционирование было каким-то образом искажено. Попробую получше объяснять свою мысль.

Ощущения от нынешних переживаний и восприятий, память о прошлом опыте и представление возможного в будущем – это три необходимых функции человеческого существования. Как только мы сокращаем какую-то из них, существование разрушается. Когда блокируется память, мы теряем возможность управления своим телом. Устранив ощущения, теряем всякое телесное регулирование. Остановив воображение, мы не можем ориентироваться ни в каком направлении. Три пути, необходимые для жизни, могут исказиться при функционировании и превращаться во врагов жизни, в носителей страдания. Таким образом, мы ежедневно страдаем от того, что воспринимаем, вспоминаем и воображаем.

Мы уже говорили о том, как мы страдаем из-за противоречивой ситуации, когда хотим вещи, противоположные друг другу. Также мы страдаем из-за того, что боимся не достичь желаемого или потерять то, что имеем. И конечно, мы страдаем от того, что уже потеряли или не достигли. Мы страдаем и от того, от чего мы уже мучились – того унижения, наказания, физической боли, которые остались в прошлом, того предательства, несправедливости или позора. И мы страдаем из-за этих призраков, которые приходят из прошлого, как будто они присутствуют в настоящем. Они являются источниками ненависти, обиды и разочарования, они обуславливают наше будущее, разрушают веру в себя.

Давайте обсудим проблему трёх путей страдания.

Если данные функции способствуют развитию жизни, то каким же образом они искажаются? Предполагается, что если человек ищет счастье, то он должен как-то управлять этими функциями для собственной пользы. Как же случилось, что вдруг эти функции превратились в его главных врагов? Кажется, что в момент, когда расширилось сознание человека, когда он ещё не был существом с яркими человеческими качествами, но вдруг расширились возможности его воображения, его памяти и исторического вспоминания, его восприятия окружающего мира, – именно в тот момент, когда новые функции появились, возникло и сопротивление. Таким же образом, как бывает с внутренними функциями. Когда мы начинаем новую деятельность, всегда рождается сопротивление. Так бывает и в природе. Как только прошёл ливневый дождь, вода устремляется в реки, а по пути обнаруживает сопротивление. Но преодолевая это сопротивление, в конце концов, она достигает моря.

Человек в своём развитии сталкивается с сопротивлением. Когда встречает противодействие, то становится сильнее, эта сила позволяет ему интегрировать трудности, благодаря чему он сумеет их преодолеть. Тогда все страдания, которые возникли в процессе развития человека, дали ему возможность стать крепче с их преодолением. Так что, на предыдущих этапах страдание помогло человеку в развитии, так как создало условия для преодоления.

Но мы не стремимся к тому, чтобы страдание продолжалось. Мы стремимся к примирению, даже с нашим человеческим биологическим видом, который столько пострадал, но благодаря которому мы можем перейти на новый этап развития. Страдания древних людей были не напрасны. Не напрасны были страдания стольких поколений, жизнь которых была обусловлена этим страданием. Мы благодарны нашим предкам. Несмотря на все сложности и страдания они развивались. Благодаря им мы можем сегодня идти дальше по пути освобождения от страданий.

Вот так страдание появилось не случайно, а вместе с развитием и расширением возможностей человека. Но несомненно, что мы не стремимся к сохранению страдания, а наоборот, хотим избавиться от него, преодолеть все сопротивления и открыть новые дороги в развитии человека.

Окончательное решение проблемы страдания мы найдём в смысле жизни. Мы определили этот смысл как направление к будущему, которое придаёт жизни гармонию, чёткие рамки для деятельности, основу для существования. Это направление в будущее – наиважнейшее, поскольку, если каким-то образом блокируется путь воображения, проектирования, устремления, человек в своём существовании теряет ориентиры, что является источником бесконечного страдания.

Всем понятно, что смерть может проявиться в будущем как предельное страдание. В таком случае, жизнь – это временное явление, и всякое человеческое деяние – бесполезное, заканчивающееся ничем. Наверно поэтому, отводя взгляд в сторону от смерти, можно жить так, как будто смерти не существует... Тот, кто думает, что всё для него закончится смертью, мог бы, наверное, успокоиться с мыслью о том, что люди будут помнить о нём благодаря его прекрасным деяниям, что дорогие, близкие люди или будущие поколения не забудут его. И даже если это так, все они, в конце концов, пришли бы так же к абсурдному концу, прерывающему всякое воспоминание. Также можно рассматривать всё, что мы делаем, как наилучший возможный способ ответа на потребности жизни. При этом, все потребности заканчиваются со смертью и тогда всякая борьба для выхода из царства необходимости теряет значение. Тогда можно сказать, что личная жизнь лишена значимости в контексте общей человеческой жизни. Следовательно, личная смерть также лишена смысла. В этом случае также лишились бы смысла и сама жизнь и действия каждого индивида. Всякий закон, всякая ответственность потеряли бы возможность оправдания и не было бы разницы между благородными и несправедливыми, добрыми и злыми действиями.

Если всё кончается смертью, то жизнь бессмысленна. Тогда единственный оставшийся способ для оправдания жизни – это временные смыслы, временные пути для наших усилий и действий. Обычно мы делаем именно так, но для такого подхода необходимо отвергнуть реальность смерти, сделать так, как будто она не существует вообще.

Если мы спрашиваем кого-то, что является для него смыслом жизни, то, наверное, он будет говорить про семью, других близких людей или про какое-либо правое дело, которое, как он считает, оправдывает существование. Эти временные смыслы придают направление его жизни. Но как только возникают проблемы с семьёй, как только человек разочаруется от любимого дела, как только что-то получается не правильно с временным смыслом, то абсурд и дезориентация возвращаются к нему.

В конце концов, неизбежно временные смыслы теряют свою силу, как только мы достигаем цель, или проваливаемся, ничего не добившись. В любом случае, они больше не пригодны в качестве жизненных ориентиров. Кстати, после провала временного смысла всегда есть альтернатива заменить его новым, возможно, противоположным к тому, что провалился. И так в переходе от смысла к смыслу проходят годы, все следы внутреннего единства исчезают, противоречия увеличиваются и в такой же мере растёт страдание.

Если всё кончается смертью, то жизнь бессмысленна. Но правда ли, что всё кончается смертью? Действительно, можно ли достичь настоящего смысла, такого, который не менялся бы несмотря на все жизненные хлопоты? Как стоит перед человеком проблема конечности жизни? Давайте все вместе рассмотрим эти вопросы.

(Перерыв, дискуссия).

Таким же образом, как мы выделили три пути страдания, можно различить и пять состояний, относящихся к проблеме смерти и трансцендентности. Каждый человек пребывает в какой-либо момент в одном из этих состояний.

Существует состояние, в котором человек приобретает неопровержимое доказательство трансцендентности, завоеванное собственным опытом, а не путём обучения или навязанное окружением. Ибо ему становится без сомнений ясно, что жизнь – это только переход, а смерть – небольшое препятствие.

Другие уверены в том, что человек идёт по пути к какой-то трансцендентности, однако это убеждение они приобрели через образование, от окружающих. Они стали верить в это, потому что их так научили, а не благодаря собственному опыту.

Существует третий вид отношения к смыслу жизни, а это именно те люди, которые хотели бы иметь такой опыт или поверить в него. Наверное, вы сталкивались с людьми, которые говорили: «Если я мог бы верить во что-то, моя жизнь была бы другой». Бывают разные ситуации. Например, есть люди, у которых было много несчастных случаев, бед, но они сумели преодолеть их, поскольку у них есть интуиция и они чувствуют, что всё это существование – временное, это переходное явление, когда жизнь не заканчивается, а наоборот, представляется вызовом, сопротивлением, позволяющем расти и накапливать знание. Даже можно найти людей, которые принимают страдание как некий способ обучения. Они не стремятся к страданию, это не те люди, которые, вроде как, любят страдать. Мы говорим о тех личностях, которые стараются приобретать пользу от болезненных

переживаний. Люди, которые не ищут страдание, а наоборот, в сложных ситуациях принимают их и решительно преодолевают.

Итак, бывают люди, которые находятся в этом состоянии: они не имеют веры или верования, но хотели бы иметь то, что придало бы им мотивацию и направление в жизни. И таких людей много.

Также бывают такие, кто интеллектуально предполагает существование некоего будущего после смерти, некой трансцендентности. Просто они считают, что такое возможно, но не имеют никаких ни опыта, ни веры, ни даже желания их иметь. Наверное, вы знакомы с такими людьми.

Бывают, в конце концов, и те, кто отрицает всякую возможность трансцендентности. Вы наверное знакомы с такими людьми, и среди вас наверняка тоже есть те, кто так думает.

Таким образом, в различных вариантах, действительно, каждый может встать на позицию или тех, кто имеет бесспорный опыт о трансцендентности или веру, обретенную в детские годы, или тех, кто хотел бы иметь опыт или веру, или тех, кто только интеллектуально рассматривает возможность трансцендентности, или, в конце концов, тех, кто отрицает эту возможность.

Однако тема об отношении человека к проблеме трансцендентности не закончена. Кажется, что у данной проблемы, возможно, несколько уровней глубины. Например, есть те, кто много говорит о вере, которую он имеет, но на самом деле ничего похожего он не чувствует. Всё только на словах. Мы не думаем, что это ложь, скорее, некое поверхностное отношение, которое может быстро измениться.

Так что в этих пяти позициях мы обнаруживаем разную глубину, а следовательно, изменимость или убежденность мнений. Нам встречались верующие люди, которые после смерти родственника полностью теряли веру и падали в бездну бессмысленности. Это была поверхностная, хрупкая вера. И наоборот, у тех, кто, попав в крупную катастрофу, укрепил свою веру, чтобы её преодолеть, всё получалось по-другому.

Мы встречали людей, полностью уверенных в отсутствии всякой трансцендентности. «Человек умирает и исчезает навсегда», – думают они. Можно сказать, они верят, что всё заканчивается смертью. Но иногда они, проходя мимо кладбища, тревожно уходят оттуда побыстрее... Как это понять, если они уверены, что всё заканчивается смертью? Таким образом, даже отрицая трансцендентность, люди стоят на поверхностной позиции.

Итак, человек может находиться не только в любом из пяти состояний, но и на разной глубине каждого из них. На определенном этапе жизни у нас было одно убеждение, а на другом – позиция изменилась. Это явление динамическое и меняется со временем. И не только на разных этапах, но и в разных ситуациях. Когда ситуация меняется, обычно также меняется и наше отношение к трансцендентности. Даже в течение нескольких дней оно может измениться. Или даже в течение одного дня. Именно по этому вопросу, столь важному для человеческого существования, наша позиция бывает предельно нестабильной, что отражается в дезориентации в повседневной жизни.

В этих состояниях на разных глубинах может находиться каждый человек. Но какая позиция самая правильная? Возможно правильное состояние или мы просто описываем эту проблему, не давая решение к ней? Можем ли мы сказать, как правильно относиться к данной проблеме?

Некоторые люди говорят, что вера у человека может быть или нет, появиться или нет. Но давайте рассмотрим это состояние сознания. Может быть, у человека вера полностью отсутствует, но он хочет иметь её, хотя бы и без опыта. Может даже он интеллектуально понимает, что это было бы интересно, что было бы полезно двигаться в этом направлении. Когда это случается, значит что-то уже начинает проявляться в данном направлении.

Те, кто достиг состояния веры, или имеет опыт трансцендентности, хотя, может быть, они и не могут передать это словами – как трудно бывает описать, что такое любовь, – они признают необходимость сориентировать других людей по направлению к настоящему смыслу жизни. Но они никогда не будут стараться навязать свой пейзаж тем, кто не согласен.

Итак, в соответствии со всем вышесказанным, я признаюсь перед вами в моей вере и моей уверенности, исходящей из личного опыта, в том, что смерть не остановит будущее, что смерть, наоборот, изменяет временное состояние нашего существования, посылая его к бессмертной трансцендентности. Я не навязываю другим свою веру и убежденность, мирно сосуществую с теми, кто пребывает в разных состояниях по отношению к смыслу жизни, но считаю, что обязан

поделиться с другими людьми посланием, которое, несомненно, освобождает человека и делает его счастливым. Ни в коем образом я не отказываюсь от ответственности в выражении своих убеждений, хотя они могут оказаться спорными для тех, кто погружен в преходящность жизни и абсурдность смерти.

Также никогда не спрашиваю других людей об их личных убеждениях. В любом случае, хотя лично занимаю чёткую позицию по этой важной теме, провозглашаю для каждого человека полную свободу выбора – верить или не верить в Бога, верить или не верить в бессмертие.

Среди тысяч женщин и мужчин, которые работают бок о бок с нами, встречаются и верующие и те, у которых атеистические убеждения, люди с сомнениями и без них. И мы никого не спрашиваем о вере, всё оставляем на усмотрение людей для того, чтобы они сами свободно выбирали путь, который наилучшим образом прояснил бы смысл их жизни.

Мужественный человек не отказывается от возможности провозгласить свои убеждения, но, в то же время, стараться навязать их другим людям – недостойно для духа солидарности.

Доброволец

11 октября 1980 г.

Мехико (Мексика)

Комментарии для исследовательской группы

Видимо, у многих участников нашего движения имеется опыт работы добровольцами. Среди них есть и социальные работники, и медсёстры, и учителя; это люди, получающие зарплату за свой труд, хотя сумма и не компенсирует их усилия. Конечно, когда они слишком мало получают, то выражают своё недовольство, требуют повышение зарплаты, но направление их деятельности, в общем, не ориентировано на получение материального вознаграждения. Деятельность направлена на пользу других людей, но поскольку повседневная жизнь держит их под игом материальной нужды, они неизбежно должны требовать зарплату. Конечно, они не витают в облаках! Но любопытно, что даже когда они не получают достаточно средств для нормальной жизни, их очевидная тенденция действовать для пользы других не останавливается. Чему они нас учат таким поведением? Также и социальные работники трудятся, не получая за это значительного материального вознаграждения. В нашем Движении много участников имеют такую же предысторию. Кто-то организовывал клуб в своём районе, другой создавал в детстве команду... Позже они пришли к нашему Движению и начали также много интересного делать, созидать. А другие – нет, они приходят в других условиях и с другими целями. Но через некоторое время они начинают понимать значение нашей работы, а также поддерживать или организовывать какую-то деятельность. Таким образом, многие люди начинают участвовать, утверждая смысл и внутреннее значение работы нашего Движения. В частности, продолжают своё предыдущее направление деятельности на основе накопленного опыта. Найдётся множество таких примеров. Я не знаю, как именно бывает здесь, но во многих странах много наших друзей сходны в данном качестве – способности организовывать, созидать. У них много подобного опыта.

Но почему некоторые люди действуют именно так, не обращая внимания на незамедлительное материальное вознаграждение их деятельности? Что это такое? Какие движения души толкают их действовать таким необычным образом? С точки зрения общества потребления, они ведут себя совершенно нетипично. Все те, кто родился, учился и рос внутри общества потребления обязательно ищет, как самому прокормиться в окружающем мире. Постараюсь объяснить. Я – потребитель, значит я должен всё пожирать. Я – мешок, который надо наполнить. В моей голове не возникает даже тени мысли о том, что я должен что-то передать другим. Наоборот, я говорю: «Я делаю слишком много и за это имею право на различные товары и услуги; я работаю в офисе столько времени; времени, которое я мог бы посвятить только для потребления; работая, я отдаю системе столько своего времени, вместо того, чтобы потреблять». Логично. Человек обменивает труд на зарплату. Но куда ставится акцент? Он не ставит акцент на деятельность, осуществляемую по отношению к миру. Он мнит её как необходимое зло для того, чтобы цепочка закрылась на себя. Таким образом устроены разные системы, у них всех одно общее составляющее – потребитель.

Люди становятся невротиками. Понятно, потому что всегда должен быть и вход и выход. Если загородить выход, тут же неизбежно начинаются проблемы. Это факт, что большинство людей живут для потребления. Идеология потребления столь распространена, что людям трудно понять, как другие могут заниматься какой-то деятельностью, не ожидая денежного вознаграждения. С точки зрения потребительской идеологии, такое поведение вызывает подозрение. Что может мотивировать человека к работе, если он не получает соответствующую оплату за свой труд? На самом деле, данное сомнение указывает на плохое знание человеческой души, так как прибыль рассматривается исключительно в денежном эквиваленте, а психологическая польза (жизненная важность определённых действий) игнорируется. Бывают даже те, кто, обладая высоким социально-экономическим уровнем (когда у человека нет проблем с трудоустройством, охраной здоровья, пенсией и т. д.), выбрасывается с балкона дома, живёт целый день в состоянии алкогольного или наркотического опьянения или даже убивает своего соседа.

Мы открыто поддерживаем того, кто сегодня дискредитирован. Поддерживаем человека, который выпрыгивает ночью из кровати, потому что соседний дом горит. Он не раздумывая

одевается, бежит, тушит пожар, а когда возвращается домой (в шесть утра, грязный, обугленный, израненный), жена ругает его: «Сколько тебе платят за это? Сегодня ты опоздаешь на работу и у нас будет столько проблем из-за твоей глупости!» А когда он ходит по улицам города, на него показывают пальцем и говорят: «Вон идёт пожарный-доброволец». Многие считают его простодушным по сравнению с теми «умниками», которые заканчивают свою жизнь, выбрасываясь из окна квартиры или с балкона. Такого не бывает среди пожарных-добровольцев. Значит, они эмпирически нашли способ направлять свою энергию на пользу других людей. Они не только сумели катартически расслабить свои жизненные напряжения (другие также могут это делать, например при помощи спорта, ссор и др. действий), но и ещё что-то. В отличие от других, они могут совершать гораздо более важные действия: перемещать ценные понятия из глубины своей души во внешний мир, что эмпирически выполняет «трансференциальную» функцию. Они объединяют элементы своего внутреннего мира и делятся ими с обществом, а не только просто реагируют на обычные ситуации.

Существует большая разница между тем, кто обязан выполнять определённую задачу, за которую он получает вознаграждение, и тем, кто выражает во внешний мир ценности своего внутреннего мира. Доброволец выражает в мир понятия, которые иногда сам не осознаёт до конца, такие, например, как «солидарность». Бедный доброволец, после стольких несчастий в его окружении, подумает: «Действительно, я дурак». И спросит себя: «Почему это всегда происходит со мной?» А если доброволец – женщина, то ситуация осложнится.

В конце концов, этих добровольцев унижают и подчиняют системе, и никто не объясняет им, как всё обстоит на самом деле. Они чувствуют, что отличаются чем-то от других людей, но до конца не понимают, что с ними происходит. А если вдруг мы спросим их: «Объясните же, пожалуйста, что вы получаете от того, что вы делаете?», – они начнут запинаться и пожимать плечами, как будто скрывают, как им неловко. Никто им не объяснил, никто им не дал «инструмента», позволяющего понять, почему им нужно делиться с миром тем огромным потенциалом, которым они располагают, не ожидая вознаграждения. А это, разумеется, очень экстраординарно.

Общественное мероприятие (Мадрид)

27 сентября 1981 г.

Спортивный павильон в Мадриде (Испания)

Примечание.

По приглашению представителей разных стран «Сообщества во имя человека» Сило предпринял мировое турне, участвуя в различных общественных мероприятиях. Его выступления сопровождались речами друзей-гуманистов: Биттяндры Айяппы Саки Бинудина, Петура Гудьонссона, Николь Майерс, Сальваторе Пуледды и Дэнни Зукерброта.

Идеи, представленные Сило в Мадриде, были повторены в Барселоне, Рейкьявике, Франкфурте, Копенгагене, Милане, Коломбо, Париже и Мехико. В данный сборник, включены только тексты его публичных выступлений в Мадриде и Бомбее.

Некоторое время назад меня спросили: «Почему вы не объясняете, что думаете?» Тогда я объяснил. Затем другие сказали: «Вы не имеете права объяснять, что думаете». Тогда я остановился. Прошло двенадцать лет, меня снова спросили: «Почему вы не объясняете, что думаете?» Так что я буду делать это снова, зная заранее, что ещё раз скажут: «Вы не имеете права объяснять, что думаете».

Ничего нового я тогда не сказал, ничего нового не скажу и сегодня.

Итак, что я сказал тогда? Я произнес: «При отсутствии веры внутри человека возникает страх, от страха рождается страдание, страдание ведёт к насилию, а насилие – к разрушению. Одним словом, внутренняя вера предупреждает разрушение».

Наши друзья говорили сегодня о страхе, страдании, насилии, а также о нигилизме как главном источнике разрушения. Они говорили о вере в себя, в других людей и в будущее. Они сказали, что необходимо менять разрушительное направление мировых событий, меняя направление человеческих действий. Кроме того, самое главное, они рассказали, как всё это делать. Так что, ничего нового я добавить не могу.

Я только хотел бы поразмышлять на три темы. Во-первых, о нашем праве на объяснение наших идей. Во-вторых, о том, как человечество пришло к нынешнему всеобщему кризису. А в-третьих, о возможности немедленного изменения направления нашей жизни. Это решение должно быть обязательно подтверждено всеми, кто согласен с предложенным.

Итак, какое у нас право объяснять нашу точку зрения и действовать согласно ей? С одной стороны, у нас есть право поставить диагноз о нынешнем кризисе в соответствии с нашим мировоззрением, которое может и не совпадать с общепринятым. В этой связи мы говорим, что никто не имеет право, ссылаясь на абсолютные истины, препятствовать кому-либо другому высказывать новые трактовки событий. А что касается нашего действия, то зачем кому-то обижаться, если мы не вмешиваемся в чьи-то дела? Если в каком-то месте блокируются или искажаются наши высказывания и наши действия, то мы можем подумать, что это происходит из-за недобросовестности, абсолютизма и лжи. Почему препятствуют свободно распространять правду? Почему мешают людям свободно получать информацию и выбирать то, что они считают разумным?

Итак, почему мы делаем то, что делаем? Я отвечу кратко: наше действие является наивысшим нравственным актом. Наша мораль основана на принципе: «Относись к другим так, как ты хотел бы, чтобы относились к тебе». Если как индивид я желаю всего наилучшего для себя, то моё нравственное устремление – отдать всё самое лучшее другим. А кто для меня эти «другие»? Это мои близкие люди. А мои близкие находятся там, где распространяются мои возможности преобразований. Если бы мои возможности распространялись бы по всему миру, тогда мои близкие были бы все жители Земли. Но нелепо с пафосом беспокоиться о мире, если мои реальные возможности достигнут только моего соседа. Следовательно, существует одно минимальное требование к каждому человеку, касающееся нашего морального акта, – распространять это нравственное действие на своё непосредственное окружение. Иное поведение противоречит нашей морали, ведёт в тупик индивидуализма. Наша мораль придаёт чёткое направление нашим действиям,

в то же время определяя, к кому они направлены. И когда мы говорим о морали, то подразумеваем акт свободы, возможность совершить его или нет. Данный акт выходит за рамки всякой необходимости и всякой механичности. Вот наш моральный акт, наш акт свободы: «Относись к другим так, как ты хотел бы, чтобы другие относились к тебе». И никакая теория, никакие отговорки не выше данного акта свободы.

Сегодня не наша мораль в кризисе, а другая. Наша мораль относится не к вещам, объектам, системам, а к направлению человеческого действия. И все суждения и сообщения, которые мы делаем, связаны с направлением человеческого действия.

Но я хотел бы обсудить ещё одну тему: кризисная ситуация, в которой мы находимся. Как мы до этого дошли и кто виноват? Я хотел бы провести нетрадиционный анализ. Он не будет научный, здесь не будет никакой статистики. Я буду выражаться образно, обращаясь напрямую к сердцу каждого.

Когда-то давно жизнь людей расцвела на этой планете. С тех пор на протяжении тысячелетий народы развивались отдельно друг от друга, были времена рождения, времена счастья и страдания, времена умирания. Индивиды и народы, созидая, сменяли друг друга до тех пор, пока не унаследовали землю и не утвердили господство над морем, и полетели быстрее, чем ветер, и пересекли горы, и голосом бури и светом тысяч солнц показали свою мощь. Тогда они увидели издалека свою планету, дружелюбно прикрытую облаками. Но какая энергия двигала всё это? Какой мотор двигал историю человечества, если не бунт против смерти? Ведь с древних времён смерть, как тень, сопровождала человека. И также давно она проникла в него и постаралась завоевать его сердце. Сначала у человека была непрерывная борьба за жизненные нужды, а затем была борьба из-за страха и желания. Две дороги открылись перед человечеством: дорога «да» и дорога «нет». Всякая мысль, всякое чувство, всякое действие колебались и сомневались между «да» и «нет». Через «да» было создано всё то, что позволило преодолеть страдание. Через «нет» – то, что добавило боль к страданию. Никакой индивид, никакие отношения, никакая организация не были уже свободны от своего внутреннего «да» и своего внутреннего «нет». Затем разобщённые народы начали сближаться и, в конце концов, цивилизации полностью соединились. «Да» и «нет» на всех языках вдруг вторглись во все уголки планеты.

Как человек должен поступить, чтобы одержать победу над собственной тенью? Разве он будет убегать от неё? Разве он будет противостоять ей в нелепой борьбе? Если двигатель истории – это бунт против смерти, восстань немедленно против разочарования и мести! Перестань впервые в истории искать виноватых! И те и другие ответственны за поступки, но никто не виноватит других за то, что произошло. Надеемся, что на этом универсальном суде будет объявлено: «Нет виноватых!», – и будет установлено моральное обязательство для каждого человека примириться со своим собственным прошлым. Процесс начнётся сегодня вместе с твоим решением, и только от тебя зависит, чтобы он продолжался и с твоими близкими. Таким образом, примирение дойдёт до самого далёкого уголка Земли.

Если направление твоей жизни ещё не изменилось, тебе необходимо этому поспособствовать, а если уже изменилось, то необходимо укрепить новое направление. Но для того, чтобы всё это стало возможным, присоединяйся ко мне для принятия свободного, мужественного и глубокого решения – стремиться к примирению. Иди к своим родителям, своей половине, своим коллегам, своим друзьям и врагам и скажи с открытым сердцем: «Сегодня в моей жизни произошло что-то небывалое и великое!», – и передай им это послание примирения. Я хотел бы повторить эти слова: «Иди к своим родителям, своей половине, своим коллегам, своим друзьям и врагам и скажи с открытым сердцем: "Сегодня в моей жизни произошло что-то небывалое и великое!", – и передай им это послание примирения».

Всем вам мира, силы и радости!

Коллективное сельское хозяйство в Шри-Ланке

20 октября 1981 г.

Коломбо (Шри-Ланка)

Беседа с Буддийской санххой в Сарводайе

Да здравствует Сангха!.. Приветствую братьев, сестёр, старейшин и всех присутствующих!

Доктор Арияратне был очень сердечен с нами и сказал слишком высокие слова про нас.

В самом деле, когда мы приехали к этому центру, нас впечатлила ваша простота и ценность труда. Мы часто говорили о гуманизации Земли, но гуманизацию надо осуществлять на практике. Бывает, что это остаётся только идеей, но здесь мы видим, как гуманизация приводится практически. Прежде всего, мы видим у вас нравственную силу в действии. И наоборот, на всех географических широтах можно обнаружить дегуманизацию Земли, дегуманизацию мира.

Я родился в деревенском крае, а в последние годы был свидетелем депопуляции села и скопления людей в больших городах. Я видел, как семьи начали разрушаться, как пенсионеры становились беспомощными. Сельское население уменьшается, а города переполняются участками, где люди – в нищете. Если доверять данным ООН, в 1950 году половина населения планеты проживала в селе, а другая половина – в городах или деревнях. Похоже, что если продолжится такая тенденция статистики, то к 2000 году более 90% сельских тружеников будут жить в городах. В любом случае, последствия такого явления – взрывоопасны.

Работа, которую мы видим в общественных организациях Сарводайе, относительно децентрализации и создания компактных сельскохозяйственных центров, является инициативой, открывающей новые возможности в мире. Вопрос в том, успеем ли мы привлечь людей нового поколения в центры, сходные с теми, что вы учредили здесь, где здравоохранение, образование и рабочие места всегда рядом, у всех под рукой? Центры, где даже высшее образование и культурные мероприятия могли бы проникнуть и в сельские районы...

Повсеместно наблюдается непрерывный процесс концентрации населения в городах; концентрации капитала в немногих руках, концентрации населения в городах... Концентрация происходит по всем параметрам. Кажущиеся процессы децентрализации могут только сломать предыдущий порядок и поспособствовать концентрации на другом уровне. Если государства разваливаются, то образуется концентрированное парагосударство; если централизованные предприятия разрушаются, то транснациональные корпорации и финансовый капитал набирают силу. То есть, по-видимому, нигде нет центробежного фактора.

Человек превратился в потребителя. Он думает, что всё заканчивается на нём, что всё находится на службе его существа. Здесь в Сарводайе рождаются новые идеи, новые формы поведения, прямо противоположные вышесказанному. Здесь не относятся к людям как к потребителям, однако стараются удовлетворять их жизненные нужды. Суть здесь – в децентрализации, в распространении культурных ценностей на сельскую местность. В конце концов, здесь стараются двигаться в направлении, противоположном навязчивому процессу, существующему в сегодняшнем мире. Очень важно осознать этот опыт. Независимо от окончательного итога этой попытки, всё это находится в будущем и представляет собой полноценное действие.

С другой стороны, думаю, я понял, какое видение человека и общества характерно для вас в Сарводайе... Кажется, здесь не считают человека существом, изолированным от других, его видят в социальном контексте. В основе этого мировоззрения – идея сочувствия, когда человек не замыкается на себе, а стремится помогать другим. Мне показалось, что главное для вас – это не собственное страдание, а переживания другого человека.

Именно данную точку зрения мы давно поддерживаем. Мы не думаем, что проблемы можно решить только в собственном сознании. Необходимо перепрыгнуть через свою проблему и перейти к боли других людей. Вот самая высокая мораль: «Относись к другим так, как ты хотел бы, чтобы относились к тебе».

Существуют люди, которые думают, что у них много задач личного характера, и по этой причине они никак не беспокоятся о проблемах других людей. Это удивительно – встретить на Западе людей с высоким уровнем жизни, которые не могут помочь другим, поскольку уверены, что у них самих слишком много проблем. Однако мы встречали и относящихся к самым бедным слоям населения, хоть и страдающих от подлинных жизненных невзгод, но в то же время способных помочь другим – поделиться едой, перескочить через своё собственное страдание, тем самым всё время совершая акты солидарности.

Здесь у вас мы заметили такую же нравственную силу, но более организованную и развитую. Силу, направленную на других, но улучшающую нас самих по мере того, как мы помогаем другим преодолеть их страдания... Понемногу мы узнаём ваш центр, мы очень внимательно смотрим в глаза детей, приведённых сюда с улицы; смотрим на улыбку и поведение тех, кто здесь работает, и понимаем, что за всем этим стоит движущая нравственная сила.

У вас колоссальное общественное движение; более того, это духовное движение, но я назвал бы его как приведённая в действие нравственная сила. Именно таким образом я мог бы выразить своё впечатление от того, что увидел в Сарвадае. Но мне, действительно, необходимо больше времени, чтобы освоить всё это.

Благодарю вас за внимание.

*– Мы хотели бы услышать Ваше послание. Понятие **Силы** в буддизме Тхеравады означает нравственное правило, приводящее к праведному действию; обязательно обратите на это всеобщее внимание.*

– Ваше святейшество, моё послание просто, и оно применимо в каждодневной жизни. Послание относится к человеку и его ближайшему окружению. Послание касается не мира в целом, а людей, которые любят, живут и страдают, общаясь со своими партнерами, членами семьи, друзьями, всеми окружающими.

Во всём мире сложные проблемы, но стараться изменить мир, не имея реальных возможностей для этого, является диспропорцией, несоответствием. Единственно, что я могу поменять, – это моё непосредственное окружение, а также могу каким-то образом изменить и себя. А если бы мои возможности изменения, преобразования распространились бы ещё дальше, тогда моим окружением будут являться уже не только мои партнёры, друзья, коллеги по работе.

Мы говорим, что необходимо осознавать собственные ограничения, чтобы действовать сознательно и эффективно. Поэтому во всех местах, которые посещаем, мы предлагаем людям образовывать небольшие группы из своего непосредственного окружения. Группы бывают разные, городские или деревенские, они объединяют всех добровольцев, стремящихся перескочить через свои проблемы, чтобы помочь другим. По мере того, как эти небольшие образования будут развиваться, они начнут связываться между собой, их возможности преобразования также будут расти.

На чём основан этот рост? Что именно объединяет эти группы? Рост основан на идее о том, что давать – лучше, чем получать; на идее о том, что всякое действие, заикленное на самом себе, приводит к противоречию и страданию; на идее о том, что единственные поступки, способные преодолеть страдание, – те, что направлены на пользу других людей.

Не только знания позволяют человеку преодолеть страдание. Быть может, у него праведное мышление и праведное намерение, но необходимы ещё и праведные поступки. Не будет праведного действия, если оно не вдохновлено состраданием. Такое отношение человека к миру на основе сострадания, когда деяния направлены на других людей, является основой всякого развития личности и общества.

Как вы знаете, мы говорим вещи, сказанные уже давно. Мы ничего нового не сообщаем, а только стараемся добиться большей осознанности в том, что индивидуализм, заикливание на себе, являются причинами всеобщей дезинтеграции современного человека. Однако столь простые идеи не везде хорошо до конца понимаются. В конце концов, многие люди думают, что ограничившись собственными проблемами, они избегут, по крайней мере, новых трудностей. Конечно это не так, скорее наоборот. Личные противоречия загрязняют ближайшую среду.

Под противоречием я понимаю действие, вредное для самого себя. Я предаю себя, когда делаю вещи, противоположные тому, что чувствую. Такое деяние ведёт к непрерывному страданию, которое поселяется не только в тебе, но и заражает всех вокруг. Кажущееся индивидуальное страдание, идущее от личных противоречий, превращается в дальнейшем в социальные бедствия.

Единственное действие, позволяющееся человеку разрушить противоречие и страдание, – нравственный акт, когда поведение человека устремлено к другим людям для преодоления их страданий. Когда я помогаю другим в преодолении их страданий, то затем буду помнить свою добросердечность. И наоборот, если я совершу противоречивое действие, то позже вспомню эту ситуацию как провал в моей жизни. Итак, противоречивые действия поворачивают вспять колесо жизни, тогда как поступки, устремленные на преодоление страдания других людей, придают верное направление колесу.

Любое действие, направленное на себя самого (зацикленное), неизбежно ведёт к противоречию и заражению непосредственного окружения. Даже чистое знание, интеллектуальное знание, приведёт к противоречию, если останется только в тебе. Наше время – это время действовать, помогая другим преодолеть их страдания. Это и есть праведное действие, сострадание, нравственный акт наивысшего качества.

– Если одни помогают другим, то нет ли опасности того, что «слепой помогает слепому»?

– Ваше святейшество, может быть, слепой пользуется другими чувствами. Быть может, слепой ночью расслышал шум далёкого водопада или скольжение змеи. Поэтому возможно, что слепой, опираясь на другие чувства, предупреждает остальных о близости опасности. А ещё я хотел бы добавить, что этот слепой в состоянии помочь не только другому слепому, но и тем, у кого зрение хоть и нормальное, но бесполезное глубокой тёмной ночью.

– Необходима работа над собой, для того чтобы развить в себе гармонию. Ребёнок развивается естественно, не думая ни о чём, но его поведение не имеет чёткого направления до тех пор, как он начнёт познавать себя. Так же и природные силы действуют без направления, не осознавая свои собственные деяния.

– Ваше святейшество, человек учится благодаря собственным поступкам, чем больше делает, тем больше учится. Например, чтобы научиться писать на машинке, ему нужна практика для рук, методом проб и ошибок он оттачивает свои движения. Мы говорим, что человек учится благодаря собственным действиям. Фактически, мышление представляет собой первичное действие сознания. Конечно, надо различать рассеянное мышление от направленного. Под направленным мышлением подразумевается интенциональное действие сознания. Если я заставляю себя прекратить думать, чтобы в голове образовался вакуум, то я буду действовать интенционально (намеренно).

– Спрашивается, действие превалирует над мышлением или мышление предшествует действию?

– Ваше святейшество, с нашей точки зрения, здесь нет линейности в причинах и следствиях. Скорее, это можно представить как цепь положительной обратной связи, где обе части взаимодействуют между собой, что приводит к общему росту. Образно говоря, если смотреть сверху, то процесс похож на вращение колеса. А если с боку – то мы поймём, что это движущаяся спираль, которая растёт с каждым оборотом. Таким образом, человек может быть не просвещён в определённой тематике, но по мере того, как он работает над ней, его опыт обогащается, возникают новые идеи, которые в свою очередь будут применимы в той же области. Благодаря этому, люди намного опередили другие существа. Они росли, непосредственно ощущая боль своего собственного тела, стараясь найти тепло, укрытие, еду, предусмотреть различные физические увечья, получаемые от окружающей природы. Таким образом, методом проб и ошибок человек преобразовывал природу. Сейчас он должен сбалансировать рассогласование... Беспредельно действовать, учиться, расти. Вот как я ответил бы на ваш вопрос о мышлении и действии.

– К сожалению, противостоя природе, человек испытывает трудности, что доставляет ему страдание.

– Ваше святейшество, к сожалению, вы правы. Человек страдал, противостоя природе, даже сегодня он продолжает из-за этого мучиться, но нужно вспомнить, что благодаря этому он многому научился. Прогресс, на самом деле, являлся следствием бунта против страданий, против смерти. Двигателем человеческой истории был бунт против смерти. Хотя, конечно, человек много претерпел.

Мы знаем, что между болью и страданием – огромная разница. Боль – телесная, она будет преодолеваться по мере развития науки и социальной организации. Безусловно, физиологическую боль можно преодолеть, медицина подтверждает это, социальный прогресс так же. Но ментальное страдание – это совсем другое дело. Нет науки, нет социальной организации, которые могут решить вопрос, как преодолеть ментальное страдание. Человек рос по мере того, как во многом преодолевал физическую боль, однако ментальное страдание не сумел пересилить. А огромная роль великих посланий и великих учений заключается в том, чтобы помочь людям осознать, какие на самом деле условия необходимы для преодоления страдания. И к этому больше нечего добавить. Мы чтим учения такими, какие они есть.

Но в этом мире перцептуального, в этом прагматическом мире, в этом мире агрегатов сознания, где иллюзорное восприятие и иллюзорная память дают мне иллюзорное сознание, – сознание своего «я» также иллюзорно. В мире, в котором я временно нахожусь, в этом самом мире я стараюсь помогать преодолевать боль, стараюсь, чтобы наука и социальная организация обрели направленность к улучшению жизни людей. Также я понимаю, что когда человеку на самом деле будет нужно преодолеть ментальное страдание, он обратится к знаниям, позволяющим сорвать завесу Майи, развеять иллюзию. Но по праведному пути необходимо идти, сострадая другим, помогая им преодолеть боль.

Открытое мероприятие (Мумбаи)

1 ноября 1981 г.

Пляж Чоупатти в Мумбае (Индия)

В небольшой деревне у подножия самых высоких западных гор в далёкой Южной Америке мы дали наше первое послание.

Что мы сказали тогда?

Мы сказали, что когда нет внутренней веры, нет веры в себя, то царит страх; страх провоцирует страдание; страдание – насилие; насилие – разрушение. Следовательно, вера в себя предупреждает разрушение.

Мы также сказали, что существует множество форм насилия и разрушения: физическое, экономическое, расовое, религиозное, психологическое, моральное насилие. Мы осудили все формы насилия, и тогда нас заставили замолчать. И мы умолкли, но прежде мы объяснили: «Если то, что мы сказали, было неправдой, оно скоро исчезнет без следа; но если это истина, то нет такой власти в мире, способной её остановить».

Прошло двенадцать лет, и мы снова заговорили. И сейчас нас слушают тысячи и тысячи людей на различных континентах Земли.

А на безнравственном Западе теперь говорят нам: «Это невероятно, что кто-то вас слушает, ведь вы не обещаете деньги, не обещаете счастье, не совершаете чудеса, не исцеляете больных; ведь вы не учитель, а простой человек, как все. В вас нет ничего особенного, вы не являетесь примером для подражания, вы не мудрец, не человек, открывающий новую истину... Вы даже не говорите на нашем языке. Это немыслимо, что кто-то захочет вас слушать».

Братья и сёстры Азии! Они не понимают голос, говорящий от сердца к сердцу!

Они достигли определённого уровня материального развития. Того материального развития, которое нам тоже необходимо. Мы хотели бы такого же, как у них развития и прогресса, но без их самоубийств, их алкоголизма, их наркомании, их безумия, их насилия, их болезней и смерти.

Мы – народ простой, но мы не циники, и когда мы обращаемся от сердца к сердцу, добрые люди во всех широтах понимают и любят нас.

Что же мы говорим сегодня из Индии, пульсирующего сердца мира? Из Индии, в которой духовным фондом было учение, дающее ответы миру с большим разумом. Мы говорим: «Относись к другим так, как ты хотел бы, чтобы относились к тебе!» Нет человеческого поступка выше этого, нет морали выше этой. Когда человек понимает данный принцип и начинает применять его на практике каждый день и каждый час в течение дня, то он прогрессирует и помогает другим развиваться вместе с ним.

И Земля дегуманизируется, и жизнь тоже, люди теряют веру в себя и в саму жизнь. Поэтому гуманизировать жизнь на Земле значит очеловечить ценности жизни. Что может быть важнее, чем преодоление боли и страдания в самом себе и в других людях? Развитие науки и накопление знаний могут стать значимыми, только будучи направленными на жизнь. Производство и справедливое распределение средств существования, широкое распространение медицины и образования, формирование социально-восприимчивой интеллигенции – это задачи, которые необходимо решить, действуя с таким энтузиазмом и верой, которые заслуживают усилия по преодолению боли других людей.

Добро – это всё, что улучшает жизнь. Зло – всё, что направлено против самой жизни. Добро – это всё, что объединяет народ. Зло – всё, что разъединяет его. Добро – это когда утверждается девиз: «Есть будущее!» Зло – это когда говорят: «Нет будущего, нет смысла в жизни». Добро – это поддержание у народа веры в себя. Зло – это фанатизм, который против жизни.

Гуманизировать жизнь на Земле – это гуманизировать также имеющих влияние на принятия решений, чтобы они слышали голос тех людей, кому необходимо преодолеть болезни и нищету. Наше Сообщество черпает вдохновение из великих учений, которые проповедуют согласие между

людьми. Данная толерантность идёт ещё дальше, поскольку провозглашает как наивысшую ценность всякого человеческого действия принцип: «Относись к другим так, как ты хотел бы, чтобы относились к тебе». Только когда данный принцип, противоположный бесчувственности, эгоизму и цинизму, наберёт силу на практике, – можно будет гуманизировать жизнь на Земле. Наше Сообщество является моральной силой, толерантной и ненасильственной, проповедующей как высшую ценность: «Относись к другим так, как ты хотел бы, чтобы относились к тебе». Вот нравственная движущая сила, которой нужно делиться с новым поколением, и её должен воплощать на практике тот, кто действительно готов начать гуманизировать жизнь нашей Земли. Многим интересно самосовершенствование, многие люди стремятся преодолеть внутреннее смятение, свои духовные недостатки. Они думают, что это возможно, не глядя на окружающий мир. Я думаю, что они смогут развиваться духовно только в том случае, если начнут помогать другим в преодолении боли и страдания. Поэтому мы предлагаем действовать в коллективе: не уходить от партии или организации, где человек состоит, а наоборот. Если человек уверен, что его организация способна внести свой вклад в преодоление боли и страдания людей, то он должен активно участвовать в ней, а если находит недостатки, то стремиться исправить их, поставить всё на службу гуманизации жизни. Поскольку, если не обновляется вера в себя, в то, что он сам может поддержать развитие общества; если не обновляется вера в возможности других людей меняться к лучшему (даже при наличии недостатков), то мы остаёмся парализованными перед будущим, а тогда – да восторжествует дегуманизация жизни на Земле (!).

Сформировывать семейные сообщества, сообщества с коллегами по работе, с друзьями, соседями; создавать их в городах и деревнях в виде нравственной силы, дающей веру в себя индивидам и народам, – всё это значит духовно расти и в то же время поддерживать рост своих братьев и сестёр. А если ты веришь в Бога, думай о Его бесконечной благодати, о Его намерении, чтобы человек, в конце концов, встал на ноги и начал уважать Землю, гуманизируя её.

Ты должен обновлять свою жизнь и верить в то, что ты на это способен. Но чтобы всё это стало возможным, присоединись ко мне, дабы принять свободное, мужественное и глубокое решение – стремиться к примирению. Иди к своим родителям, своей половине, своим коллегам, своим друзьям и врагам и скажи с открытым сердцем: «Сегодня в моей жизни произошло что-то небывалое и великое!», – и передай им это послание примирения. Я хотел бы повторить эти слова: «Иди к своим родителям, своей половине, своим коллегам, своим друзьям и врагам и скажи с открытым сердцем: "Сегодня в моей жизни произошло что-то небывалое и великое!", – и передай им это послание примирения».

Всем вам мира, силы и радости!

О человеческом

1 мая 1983 г.

Тортугитас, провинция Буэнос-Айреса (Аргентина)

Беседа в исследовательской группе

Осознание человеческого как явления в общих чертах – это одно. А совсем другое – это мой собственный регистр человеческого, который я ощущаю в ком-то другом.

Давайте изучим первый аспект – понимание явления человеческого в целом.

Когда говорят, что для понятия человеческого характерно социальность, язык или передача опыта, то такое суждение о человеческом не имеет чёткого определения, поскольку мы найдём все эти явления (хотя бы в зародыше) и в мире животных. Можно проследить, как некоторые организмы объединяются в улей, рой или стадо и химически узнают своих, соответственно привлекая или отторгая кого-то. У определённых видов есть гостевые, паразитарные и симбиотические организации. У них мы обнаруживаем элементарные формы поведения, которые в дальнейшем можно увидеть в гораздо более ярком проявлении у некоторых человеческих групп... Также можно заметить у животных некую «мораль» и карательные меры для правонарушителей, хотя, глядя со стороны, мы объяснили бы, что такое поведение основывается на инстинкте сохранения вида или на переплетении условных и безусловных рефлексов. Зачатки техники не чужды животному миру, как и чувство любви, ненависти, горя и солидарности между членами группы, между группами или видами.

Итак, что определяет человеческое как таковое, если не отражение социально-исторического процесса в качестве личной памяти? Любое животное – оно всегда как первое животное, у него нет истории, нет социальной памяти как у людей; но человек способен ещё и размышлять над своей историей и преобразовывать окружающую его среду.

Животное находится в природной среде, а человек – в исторической и социальной, преобразовывая её и, конечно, приспособлявая природу к потребностям, как сегодняшним, так и будущим, в долгосрочной перспективе. Реакция человека на непосредственный раздражитель может быть отсрочена; относительно к планируемому (или воображаемому) будущему у его поступков есть определённый смысл и направление, – всё это представляет собой совершенно новые явления, отличные от системы «мышления», поведения и стиля жизни животного мира. В сознании человека временной горизонт расширен, что позволяет ему задержать реакцию на раздражители, отложить их в своём сложном ментальном пространстве, где можно разместить размышления, сравнения и выводы, они – вне сферы прямого восприятия.

Другими словами, у человека нет человеческой «природы», если только данную «природу» не рассматривать как способность, в отличие от животного мира, передвигаться сквозь разные времена, вне пространства восприятия. Иными словами, «природное» у человека выражено не в смысле минерального, растительного или животного, а в том, что «естественным» в нём является изменение, преобразование, его история. Данная идея «изменения» не согласуется с идеей «природы», поэтому мы предпочитаем не использовать такое слово (природа), как делали те, кто этим оправдывали многочисленные преступления по отношению к человеку. Например, поскольку коренные жители отличались от иностранных завоевателей, то туземцы были названы «урожденными» или аборигенами; поскольку у представителей расы есть определённые морфологические или рудиментарные отличия, то они были уподоблены другому сорту в пределах человеческого вида, и так далее. Таким образом, существовал некоторый «естественный» порядок, и менять этот установленный раз и навсегда порядок считалось грехом. Различия рас, различия полов, различия социальных позиций – всё это было поставлено в рамки якобы естественного порядка, который следовало бы сохранить на веки вечные.

Таким образом, понятие человеческой природы было полезно для порядка, соответствующего натуральному способу производства, но оно исказилось в эпоху промышленной революции. Даже сегодня есть остатки зоологической идеологии человеческой природы, например в научной психологии, где ещё говорится об определённых естественных способностях, таких как «воля» и др.

Естественное право, государство как часть человеческой природы и т. д. – все они только добавили в историю инерцию, сохраняя установленное и отрицая всякую трансформацию.

Если в человеческом сознании явление соприсутствия функционирует благодаря его огромному временному расширению, если интенциональность сознания позволяет придавать смысл своему будущему, то для человека свойственно – быть смыслом мира и создавать смысл мира. Об этом говорится в моей книге «Гуманизировать жизнь на Земле»: *«Ты, который наполняешь жизнь смыслом и преображаешь мир... Твои родители и родители твоих родителей продолжают в тебе. Ты не падающий метеорит, а сверкающая стрела, летящая в небеса. Ты – смысл мироздания, и когда ты обретаешь смысл жизни, ты тем самым освещаешь Землю <...> Я скажу тебе, каков смысл твоей жизни в этом мире: гуманизировать жизнь на Земле! Что это означает? Это значит – преодолевать боль и страдание, постоянно совершенствовать свои знания, любить ту реальность, которую ты сам создаёшь»* (цит. по: Сило. Гуманизировать жизнь на Земле. М.: КИ «Весна», 2013. С. 56).

Итак, идея человеческой природы от нас далека. Скорее, мы придерживаемся противоположной позиции. По нашему мнению, если в своё время естественное задушило человеческое, благодаря порядку, основанному на идее постоянства, то мы сейчас говорим обратное: естественное должно быть гуманизировано, и данная гуманизация мира превращает человека в созидателя смысла, направления, преобразования жизни. Если данный смысл освобождает человека от условий, кажущихся «естественными», боли и страдания, то истинное человеческое – это всё то, что превосходит естественное: твой проект, твоё будущее, твои дети, твой ветерок, твой рассвет, буря твоя, гнев твой, ласка твоя. Это твой страх и твой трепет за будущее, за нового человека, освобождённого от боли и страданий.

Теперь давайте рассмотрим второй аспект – мой собственный регистр человеческого, который я ощущаю в других людях.

Пока я ощущаю другого человека только как его «естественное» присутствие, это является для меня не больше, чем присутствием предмета, или специфически животным присутствием. Пока я заблокирован для восприятия временного горизонта кого-то другого, значение этого человека будет не больше, чем «для-меня». Природа другого будет только в качестве «для-меня». Но как только я представлю другого как «для-меня», то сам останусь запёртым и отчуждённым от других в своём собственном «для-себя». Значит, когда «я есть для-себя», я тем самым закрываю свой горизонт возможных трансформаций. Кто объективирует других, тот сам превращается в объект, закрывая тем самым этот свой горизонт.

Пока я не ощущаю другого человека за пределами этого «для-меня», моя жизнедеятельность не будет гуманизировать мир. Другой человек должен бы быть для моей внутренней регистрации тёплым ощущением открытого будущего, ни коем образом не заканчивающегося объективирующей бессмысленностью смерти.

Ощущать человеческое другого человека означает ощущать жизнь другого в виде великолепной разноцветной радуги, которая всё больше отдаляется по мере того, как я стараюсь её остановить, поймать, схватить её образ. Ты уходишь, но я спокоен, если помог тебе порвать твои цепи, преодолеть боль и страдание. А если ты идёшь со мной, то потому, что в акте свободы ты стал человеком, а не просто потому что ты родился как «человеческое». Я в тебе ощущаю дух свободы, ты можешь стать Человеком! А цель моего деяния – поддержать твоё освобождение. Тогда даже твоя смерть не остановит действий, которые ты в жизни запускал, поскольку твоя суть – это время и свобода. Поэтому я люблю растущую в человеке гуманизацию. И в это время кризиса, вещиизма, дегуманизации, я верю в возможность его будущего восстановления.

Религиозность в современном мире

6 июня 1986 г.

Швейцарский дом в Буэнос-Айресе (Аргентина)

Предисловие. Презентация лектора одним из основателей Сообщества во имя человека

Когда представляют лектора, то обычно рассказывают о его предыдущих выступлениях и при каких обстоятельствах он выступал... Именно так мы и поступим сегодня.

Первое публичное выступление Сило не было разрешено из-за осадного положения, установленного военным режимом того времени. Организаторы проконсультировались в правительстве, можно ли провести мероприятие вне городских центров. Оно дало разрешение, саркастически добавляя, что нет препятствий, для того чтобы «говорить, обращаясь к скалам». Итак, 4 мая 1969 года в горном местечке провинции Мендоса, известном как Пунта-де-Вакас, Сило выступил перед небольшим количеством людей, окружённых вооружёнными солдатами. Во всяком случае, американская телекомпания CBS передала послание далеко за пределы скал к ещё 250 телеканалам на всей планете. 20 июля того же года в Яле в провинции Жужуй (и также под открытым небом) полиция разогнала собравшихся. Мероприятие не состоялось. 26 сентября в районе Япежу, в городе Кордобе, полиция применила газ и было 60 задержанных, мероприятие также не состоялось. 21 октября в Буэнос-Айресе после небольшого инцидента на пресс-конференции сообщили о решении повторить попытку на другой день. 31 октября на площади Онце (также в Буэнос-Айресе) полиция опять применила газовую атаку и были задержаны люди. Сило не смог выступить.

После изменения в составе военного правительства разрешили провести семинар по ограниченной тематике и в частном закрытом месте. Мероприятие прошло с 16 по 19 августа 1972 года. Некоторое время спустя к власти пришло гражданское правительство, по сути демократическое, так как было избрано народом. Тогда Сило прочитал небольшую лекцию в Кордобе. Это было 15 августа, задержали 80 человек. 17 августа в Мар-дель-Плата полиция прервала конференцию. В результате оказалось 150 задержанных. Последняя попытка в том же зале 13 сентября 1974 года закончилась трагично: 500 задержанных и Сило – в тюрьме Вилла Девото (Буэнос-Айрес). И это было при «демократическом» правительстве...

Далее, 15 октября 1974 года взорвали дом последователя Сило в Мендосе; 24 июля 1975 года лишили свободы на полгода 11 товарищей и двух убили в городе Ла-Плата. Преследования происходили и путём увольнений с работы сотен товарищей, изгнанием других; в конце концов, многие переехали жить за пределы Аргентины.

После очередного военного переворота никто не думал, что можно организовать новые мероприятия, однако распространилась новость о том, что Сило собирается сделать серию выступлений в Европе и Азии, так как в нашей стране нет возможности. За неделю до поездки, 12 августа 1981 года, произошло нападение на Сило неизвестного с оружием. После возвращения Сило из Азии издательство Бругера, опубликовав одну из книг, попросило его презентовать её на VIII Международной книжной ярмарке в Буэнос-Айресе 10 апреля 1982 года. Но в конференц-зал было разрешено пройти всего 20 человекам, так как, согласно объяснению руководства ярмарки, «пол зала был в плохом состоянии».

К вышесказанному можно добавить непрерывное и злонамеренное искажение слов Сило прессой прошлых режимов, и тогда мы можем понять, каким же было до сих пор в этой стране отношение властей к пацифистской проповеди и методологии ненасилия.

Так как мы снова находимся при демократическом режиме, то Сило сегодня выступает, чтобы высказать своё мнение о религиозности, в следующий раз он будет говорить о политике, а в дальнейшем – на другие темы. Мы надеемся, что больше не будет препятствий.

Какая польза от изучения темы о религиозности в современном мире? Относительная. Кого беспокоит развитие социальных явлений, тому какое-либо изменение в убеждениях и религиозности людей может оказаться интересным. Политику, наверное, это безразлично... Но только в том случае, если религиозность общества со временем не возрастает. А если наоборот, религиозность усиливается, тогда нужно на это обратить внимание. Нам же, простым людям, всё это может показаться привлекательным, если связано с каким-то поиском или неким стремлением за пределы повседневности. Я не уверен, что в этом выступлении смогу удовлетворить такие разнообразные интересы.

Итак, я не собираюсь делать строгое научное изложение, используя социологический подход, но постараюсь проиллюстрировать свою точку зрения. Конечно, я также не собираюсь давать определение понятиям «религиозность» или «религия», скорее я предпочёл бы, чтобы эти понятия витали бы в воздухе сообразно интуиции простого гражданина. И конечно мы не будем путать религию, церковь, культ и теологию с религиозностью или религиозным чувством, очень часто далёким от всякой религии, культа или теологии. Данное чувство, данное состояние сознания, наверное, будет соответствовать определённому объекту, так как в любом состоянии сознания (а, соответственно, в любом чувстве) присутствует структура, где акт сознания связан с объектом.

Итак, начиная с этого момента, я надеюсь, что специалисты по данной тематике с благожелательной улыбкой простят нам наивность, не допустив жеста упрёка. Давайте рассмотрим различные мнения и обсудим, насколько они полезны.

Я считаю:

- 1) новый вид религиозности начал развиваться в последние десятилетия;
- 2) новая религиозность возникает на фоне некоего мятежного настроения;
- 3) вследствие влияния данной религиозности и, конечно, вследствие головокружительных изменений, происходящих в обществе, возможно, что традиционные религии будут в значительной степени приспосабливаться и видоизменяться;
- 4) вполне возможно, что население планеты будет страдать от психо-социальных потрясений, в которых в значительной доле будет участвовать новая религиозность.

С другой стороны (хотя моё мнение может показаться противоположным мнению большинства специалистов по социальным вопросам), я не думаю, что религии потеряли свою динамику. Я не думаю, что религии отходят от политической, экономической и социальных властей, и не думаю, что религиозное чувство перестало затрагивать сознание народа.

Я постараюсь подтвердить данное мнение некоторыми фактами.

Учебники утверждают, что между 20 и 40 градусами северной широты и между 30 и 90 меридианами восточной долготы находится регион Земли, где рождались мощные религии, которые в дальнейшем распространились по всей планете. А если быть более точными, то можно обнаружить три географические точки, известные сегодня как Израиль, Иран и Индия, которые уже тысячелетиями являются центрами особого «атмосферного давления» человеческого духа, где рождаются циклоны. Не раз такие циклоны стирали с лица земли целые политические системы, устаревшие формы социального устройства и нравов; в то же время эти же циклоны распространяли веру и надежду среди тех, кто ощущали себе неудачниками в условиях умирающего уклада жизни.

Иудеи создали своеобразную национальную религию, а также универсальную миссионерскую религию – христианство. В свою очередь, мудрость арабского народа рождала, в матке его разнообразных племенных верований, столь же универсальную миссионерскую религию – ислам. Известный также и как мусульманство, ислам с момента своего рождения в долгу перед иудаизмом и христианством из-за значительной базовой поддержки. Иудаизм как национальная религия, а христианство и ислам – как мировые сегодня живы и находятся в процессе трансформации.

Подальше к востоку, в Иране, древнее национальное вероисповедование рождало другие конфессии, миссионерские и универсальные. Сегодня от первичной религии осталось только 100 000 приверженцев в Индии, в частности в Бомбее. На своей родине она не играет никакой роли, так как Иран оказался в объятиях ислама. Что касается миссионерских религий Ирана, до IV века нашей эры они широко распространились на восток и на запад, и даже одно время казалось, что христианство им уступило. Но последнее победило и те религии были упразднены так же, как и древнее язычество. Вот так, религии, рождённые в этом регионе, казалось, умерли навсегда. Тем не менее, многое из их понятий повлияло на иудаизм, христианство и ислам, произведя множество различных ересей в противовес ортодоксальности этих религий. Шиитская секта ислама, которая является сегодня официальной религией Ирана, приняла тяжелые удары; и там же в девятнадцатом веке возникла новая религиозная сила – Ба, а затем вероисповедование Бахаи.

В Индии от изначальной национальной религии произошло несколько различных течений, среди которых можно выделить буддизм, так как для него характерны универсальность и миссионерство. Как первичная религия, так и другие (рождённые до нашей эры), продолжают

действовать сегодня очень активно. Впервые в двадцатом веке индуизм (национальная религия Индии) начал продвигаться на Запад, направляя туда различные миссии, среди которых мы признаём движение Харе Кришна. Данное движение является, наверное, одним из ответов на прибытие христианства в Индию (в своё время) под крылом английского колониализма.

Не забудем упомянуть и значимые религиозные движения Китая, Японии, Африки, а также и уже исчезнувшие на американском континенте. Хотя они не успели образовать большие транснациональные течения, как христианство, ислам или буддизм. Итак, выселенное из Европы исламом, христианство было ввезено в Америку. Ислам перешёл через барьеры арабского мира и распространился по всей Африке, а ещё и в Турции, России, Индии, Китае и Индокитае. Буддизм, в свою очередь, открыл себе дорогу к Тибету, Китаю, Монголии, России, Японии и ко всему азиатскому Юго-Востоку.

После возникновения крупных мировых религий через некоторое время начались расколы, то есть религии были разделены на секты. Ислам разделился на суннитов и шиитов; христианство на несторианство и монофизитство и т. д. После реформ Кальвина, Лютера, Цвингли и англикан христианство разделилось на две крупные секты, обычно называемые протестантизм и католицизм, к тому же необходимо добавить и православие. Таким образом, при фрагментации мировых религий появились крупные секты. Если борьба за светскую власть между религиями была долгой и кровавой (как Крестовые походы, например), то война между основными сектами одной и той же религии достигла невероятной степени. Реформы и все виды контрреформ ударяли по обществу много раз. Так продолжалось до эпохи великих революций, которая в учебниках называется историей Нового времени.

На западе французская, английская и американская революции смягчают перегибы, новые идеи свободы, равенства и братства пронизывают общество. Это эпоха буржуазных революций. Возникают любопытные тенденции, такие как Богиня Разума (форма рационалистической религиозности). Более или менее научные течения провозглашают эгалитарные идеалы. При переходе к планированию идеалы общества часто обретают характер Социального Евангелия... Индустриализм набирает силы, пока наука реорганизовывается согласно новым схемам. Тем временем официальная религия потеряла своё влияние.

В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс великолепно описывают ситуацию вокруг этих изобретателей социальных евангелий. Привожу цитату 3-го пункта из третьей главы: «Социалистические и коммунистические системы, системы Сен-Симона, Фурье, Оуэна и т. д., возникают в первый, неразвитый период борьбы между пролетариатом и буржуазией». И далее: «Так как развитие классового антагонизма идёт рука об руку с развитием промышленности, то они точно так же не могут ещё найти материальных условий освобождения пролетариата и ищут такой социальной науки, таких социальных законов, которые создали бы эти условия. Место общественной деятельности должна занять их личная изобретательская деятельность, место исторических условий освобождения – фантастические условия, место постепенно подвигающейся вперёд организации пролетариата в класс – организация общества по придуманному ими рецепту» (<https://www.marxists.org/russkij/marx/1848/manifesto.htm#ch3-3>).

Среди течений Социального евангелия появляется писатель по имени Огюст Конт. Он работает в журнале Сен-Симона и сотрудничает с ним в составлении «Катехизиса промышленности». Конт известен как родоначальник течения мышления – позитивизм. Также и как создатель концепции социальных наук под названием Социология. В дальнейшем Конт написал «Позитивистский катехизис» и учередил «Религию человечества». В Англии данный культ проживёт недолго, а во Франции, на месте происхождения, его уже больше нет. Однако религия распространилась в Америке и дошла до Бразилии, где она действительно укоренилась и оказала влияние на формирование нескольких поколений позитивистов, не столько с религиозной, как с философской точки зрения.

Новые течения уже приобрели характер воинствующего атеизма, как, например, Бакунин и анархисты, враги бога и государства. В этих случаях это не просто проявления нерелигиозности, а яростные нападки на всё то, что звучит как религия, особенно христианство. Между тем, уже дало о себе знать высказывание Ницше: «Бог умер».

Однако происходят и другие перемены. В Швейцарии Леон Ривайл – организатор идей Песталоцци (один из создателей современной педагогики). Под именем Аллана Кардека он стал основателем одного из самых влиятельных религиозных движений последних лет – спиритизма.

«Книга Духов» Кардека публикуется в 1857 году; и в результате движение распространяется по всей Европе, Америке вплоть до Азии.

Затем появляются теософия, антропософия и другие течения, которые группируются в пределах оккультизма, но не религий. Ни у спиритизма, ни у оккультных организаций нет характера сект внутри религий. Это другой вид образований, но всё-таки не чуждый религиозному чувству. У этих сообществ, куда мы включаем также розенкрейцерство и масонство, самые большие достижения были в девятнадцатом веке, за исключением спиритизма, который продолжает активно развиваться и до настоящего времени.

Уже в XX веке ситуация становится хаотичной. Возникают новые христианские секты, как, например, мормоны и свидетели Иеговы, и многие другие секты из сект. То же самое произошло в Азии, где «социальные евангелии» также склонялись к мистике. До того такое уже случалось с тайпинами в Китае в 1850-х годах, когда они оккупировали значительные территории и им не хватало только взятия Пекина, чтобы объявить социалистическую республику, коллективизировать средства производства и уравнивать условия жизни людей. «Небесный царь», глава движения, провозгласил свои политические идеи, пропитанные даосизмом и христианством. Борьба против Империи унесла жизни миллионов людей...

В России в 1910 году ушёл из жизни Лев Николаевич Толстой. Он отклонился слишком далеко от Православной церкви и Священный синод принял решение отлучить его. Он был убеждённый христианин, но по-своему. Толстой провозгласил своё евангелие: «Не отвечать злом на зло, не противиться злу насилием». И он оставляет всё: книги, дом, семью. Это уже не гениальный писатель, всемирно признанный автор «Анны Карениной» и «Войны и мира», а христианин-анархо-пацифист, мистик, основатель новой концепции и новой методологии борьбы – ненасилия. Анархо-пацифизм Толстого, наряду с идеями Раскина и «Социального евангелия» Фурье (который упоминается Марксом в Манифесте) объединяются в мировоззрении молодого индийского адвоката, который борется за недискриминацию в Южной Африке, – Мохандаса (Махатмы) Ганди. Руководствуясь моделью Фурье, он основывает фаланстер, но прежде всего решает попробовать новую форму политической борьбы. Ганди возвращается в Индию и в течение следующих лет движение за независимость Индии формируется вокруг него. С ним появляются пацифистский марш, неповиновение, голодовка, мирная оккупация зданий – всё то, что он называет «гражданским сопротивлением». Это уже не захват наиболее важных центров (согласно революционной тактике Троцкого), а наоборот, образование вакуума. И тогда возникает любопытная диалектика: нравственная сила против экономического, политического и военного высокомерия. Кстати, у Ганди мы уже видим не просто пассивный пацифизм, а активное сопротивление. Возможно, это наиболее мужественный вид борьбы, когда люди с пустыми руками стоят против пуль западных захватчиков и колонизаторов. «Голый факир», как его назвал английский премьер, выиграл эту войну, но затем вскоре был убит.

В других регионах мира совершились колоссальные повороты. Разразилась Первая мировая война; и в то же время свершилась Социалистическая революция в России. Последняя показала, что идеи, считающиеся интеллектуальной элитой той эпохи «утопическими», не только применяются, но и преобразуют социальную действительность. Новая структура общества и переход к планированию экономики в России меняют политическую карту Европы. Начинается решительное шествие по всему миру философии, прославляющей идеи революции. Марксизм распространяется уже не только по разным странам, но и с одного континента на другой.

Хорошо бы вспомнить некоторые события, которые происходят в ту эпоху войны в 1914–18 годы. В любом учебнике истории сообщается приблизительно следующее: Ричардсон представляет свою электронную теорию материи; Эйнштейн даёт Теорию общей относительности; Виндхаус исследует биологическую химию; Морган – механизмы наследования, открытые Менделем; Мейергоф исследует физиологию мышц; Хуан Грис совершает революцию в изобразительном искусстве; Барток пишет «Венгерские танцы», а Сибелиус – Симфонию № 5; Зигбан изучает спектр рентгеновского излучения; Парето пишет свою социологию, Кафка – «Метаморфозу», Шпенглер – «Закат Европы», Маяковский – «Космическую тайну», Фрейд – «Тотем и табу», а Гуссерль – «Идеи к чистой феноменологии».

Начинаются войны в воздухе и подводные; используются удушливые газы. В Германии появляется группа «Спартак», в Палестине ломается турецкий фронт; Вильсон провозглашает «Четырнадцать пунктов»; японцы завоёвывают территории до Сибири; в Австрии и Германии

происходят революции; провозглашаются республики в Германии, Венгрии и Чехословакии; рождается югославское государство, а Польша добивается независимости; в Англии предоставляется право голоса женщинам; открывается Панамский канал; в Китае восстановлена Империя, пуэрториканцы становятся гражданами США; провозглашается Мексиканская конституция.

Мы приходим к времени рассвета технологической революции, крушения колониализма и начала империализма на планетарном уровне. Решающие события множатся в последующие годы, только упомянуть о них уже было бы нереальным. Всё же для нашей цели необходимо выделить несколько из них. В науке Эйнштейн сделал разум эластичным: абсолютных истин больше нет, всё относительно к определённой системе. Фрейд утверждал, что сам разум побуждается тёмными силами, которые в противоборстве с суперструктурами морали и обычаев определяют человеческую жизнь. Модель атома Бора показывает материю, в которой преобладает пустота... Всё остальное – это ничтожно малая масса и электрический заряд. Вселенная (по мнению астрофизиков) расширяется от первоначального взрыва и формирует галактики, скопления галактик и вселенные-островки, идя к энтропии и катастрофе в конце... В спиральной галактике, малонаселенной, где около 100 000 миллионов звёзд, желтоватое солнце обитает в сторонке, на расстоянии 30 000 световых лет от центра спирали. Абсурдная частица диаметром 12 000 километров вращается вокруг него на незначительном расстоянии в восемь световых минут. И на этой частице разразилась ещё одна война, охватившая самые дальние точки на ней...

Растёт фашизм. Один из его представителей уже провозгласил: «Да здравствует смерть!» Но данная война является не религиозным конфликтом, а борьбой предпринимателей и бредовых идеологий. Геноциды и холокосты, болезни, голод и разрушение достигают невиданного ранее уровня. Человеческая жизнь сводится к абсурду. Многие спрашивают: «Зачем жить? Что такое существование?» Мир взорвался. Чувства обманывают, реальность – не то, что мы видим. Молодой физик Оппенгеймер, одновременно изучая санскрит, чтобы понять индуистскую ведическую религию, возглавляет и Манхэттенский проект. На рассвете 16 июля 1945 года учёный входит в историю. На Земле вспыхнуло миниатюрное солнце. Началась ядерная эра. Но в то же время закончилась Вторая мировая война. Другие люди уничтожили Хиросиму и Нагасаки. Нет цивилизации, нет точки на планете, изолированной от остальных. Сеть коммуникаций покрывает мир. Это не только обмен произведённых вещей воздушными, морскими, железнодорожными путями. Речь идёт также о связи при помощи языковых кодов в виде человеческой речи и информации, вмиг достигающих любую точку планеты. В то время, когда мир залечивает свои раны, Пакистан и Индия становятся независимыми и начинается война в Индокитае. Провозглашаются государство Израиль и Китайская народная республика во главе с Мао.

В 1951 году европейским социалистическим блоком создан Совет экономической взаимопомощи, а в Западной Европе – Европейское объединение угля и стали. Разгар войны – в Корее, а другой форме, известной как «холодная война», – между капитализмом и социализмом. В Соединённых Штатах сенатор Маккарти начинает «охоту на ведьм»: происходят аресты, увольнения и гибель подозреваемых или мелких шпионов, таких как семья Розенберг. В свою очередь, сталинизм вершит зверства и репрессии. Умирает Сталин, на его место приходит Хрущёв и объявляет на весь мир подлинную ситуацию. Доверчивая интеллигенция, которая считала всё это пропагандой Запада, направленной на то, чтобы дикредитировать СССР, – ошеломлена. Затем начинаются беспорядки в Польше, Гомулка возвращается к власти. Происходит венгерское восстание. Руководству СССР приходится выбрать между государственной безопасностью и международным имиджем. Выбирается безопасность – советские танки входят в Венгрию. Это «шок» для Компартий всего мира.

Начинают дуть другие ветры. Новая вера находится в кризисе. Африканские освободительные движения следуют друг за другом. Меняются границы стран. Арабский мир в состоянии смятения. В Латинской Америке усугубляется несправедливость, усиливаются тиранические режимы вследствие запоздалого влияния европейского фашизма. Путчи, перевороты и свержения диктаторов продолжаются. У ставших империей США есть в Латинской Америке свой тыл. Огромные богатства Бразилии находятся в руках немногих. Страна развивается, но в то же время усиливается возмутительное социальное неравенство. Это спящий гигант, который пробуждается. Границы Бразилии касаются почти всех стран Южной Америки. Её культы, такие как Умбанда и Кандомбле, происходящих из Анголы и других регионов Африки, распространяются на Уругвай, Аргентину и Парагвай. «Американская Швейцария», как звался Уругвай, становится банкротом.

Сельскохозяйственная Аргентина преобразовывается. Именно на её территории возникали самые крупные массовые движения в истории Америки. Популярный президент и его харизматичная жена провозглашают «социальную мистику» своей политической доктрины. Другой бывший президент, стоявший почти на противоположной позиции (но также популярный), занимался спиритизмом и придерживался краусизма. В этом месте в 1955 году поджигают несколько католических церквей... Что же там происходит? Эта тихая страна, которая больше не является «житницей мира», изо всех сил пытается стряхнуть обломки британского колониализма в экономики. В этих конфликтных условиях формируется мировоззрение Эрнесто «Че» Гевары. Позже он придёт к власти на Кубе в конце революции, которая в 1959 году свергла режим Батисты. «Че» будет участвовать в революционной борьбе и в других странах и на других континентах. Восстание геваристов в Шри-Ланке будет неудачным. В разных местах мира его влияние поджигает молодёжь к партизанской борьбе. Он – и теоретик и человек действия. Используя древние слова Апостола Павла, он стремится выработать понятие «нового человека». Почти поэтически скажет: «Отныне История должна рассчитывать на бедные слои населения Америки...» Постепенно он отходит от своих первоначальных концепций. Фотоснимок с его изображением обходит весь мир. Он убит в Боливии. Это – Христос и смоковница.

Тем временем католическая церковь опубликовала множество статей по социальным вопросам и организовала христианско-демократический интернационал под различными названиями в разных государствах. В нескольких странах Европы побеждают Христианско-демократические партии. С этих пор в европейских странах власть колеблется между социал-демократами, социал-христианами и либерально-консервативными партиями. Социал-христианизм распространяется и в Латинской Америке. В Японии шинтоизм, как официальная религия Империи, претерпел настоящий кризис. В буддизме зарождается небольшая секта – Сока Гаккай, которая за шесть лет достигает численности в шесть миллионов верующих. Тогда буддистская секта создаёт партию Комэйто, которая быстро превращается в третью политическую силу страны.

В СССР в 1957 году выведен на орбиту первый искусственный спутник Земли. Для общественности становятся очевидными, по крайней мере, два факта:

1. Межпланетные путешествия возможны.
2. По телевидению можно связаться со всем миром, используя спутники в качестве антен и передатчиков.

Теперь изображения могут доходить до любой точки планеты, где находится приёмник. Революция в электронике сметает границы. Тут же начинаются новые проблемы: использование утонченных средств пропаганды и манипулирование информацией. Ныне Система доходит до каждого дома, но вместе с ней входит и информация.

После ядерных испытаний на атолле Бикини вошли в моду имеющие такое же название женские купальники. В одежде – воротник Мао Цзэдуна внедряется в неформальный стиль рубашек. Великолепия Мэрлин Монро, Аниты Экберг, Джинны Лоллобриджиды уступают место другой моде под названием унисекс, которая имеет тенденцию к нивелированию половых различий. У молодежи в качестве нового примера для образца появляются «Битлз». Ребята везде ласкают свои джинсы. В Европе в демографической пирамиде произошло значительное сокращение доли мужчин. После войны женщины начали занимать рабочие места и руководящие должности. Но это же наблюдается в США и других странах, где не было столь значительных потерь мужчин в войне. Очевидно, это явление мирового масштаба, несмотря на упорное сопротивление дискриминаторов... Но данный процесс не столь быстрый. Опять же, в Швейцарии терпит неудачу попытка ввести возможность голосования для женщин. В любом случае, девушки – уже в средних школах, колледжах и университетах. Они участвуют в политической борьбе и выступают против истеблишмента.

В конце 1960-х годов по всему миру вспыхивает молодёжная революция: сначала студенты в Каире, затем в Нантере и Сорбонне. Волна достигает Рима и распространяется по всей Европе. В Мексике органы безопасности убивают 300 студентов. События мая 1968 года заставили замолчать политические партии. Никто не может объяснить происходящее, даже главные действующие лица... Это психо-социальное явление. Молодёжь заявляет: «Мы не знаем, что мы хотим, но мы знаем, чего мы не хотим». «Что нам нужно?.. Воображение к власти!» Студенческие и рабочие демонстрации повторяются в нескольких странах. В Беркли они приобретают антивоенный характер против войны в Вьетнаме. В Европе и Латинской Америке они имеют разные мотивации, однако удивляет их

одновременность. Новое поколение показывает первые признаки всемирной унификации. Во французской забастовке 20 мая 1968 года участвуют шесть миллионов рабочих. Правительство организует контрманифестации, режим де Голля под угрозой. В США убит лидер гражданских прав, религиозный священник по имени Мартин Лютер Кинг. Хиппи, «непослушная» мода и музыка, много музыки, – всё это вокруг новой молодёжной среды. Группировки из этого поколения пробуют три разных направления: партизанская борьба, употребление наркотиков и мистические практики. Каждый путь совершенно независим от другого. Как правило, они вступают в столкновения между собой, однако кажется, что все они бунтуют против установленного. Партизаны группируются в команды, такие как РАФ, Красные бригады, Тупамары, Монтонеры, Движение левых революционеров и т. д. Для многих из них примером для подражания является образ Че Гевары. Они убивают и сами сводят счёты с жизнью. Для других ориентиром становятся учения таких великих приверженцев психоделиков, как Олдос Хаксли и Бодлер. Многие также совершают самоубийство. Наконец, третьи исследуют любую возможность внутреннего преобразования себя. Образцами для них служат Алан Уотс, святой Франциск Ассизский, а также востоковедение в целом. Многие из них также идут по пути самоуничтожения. Конечно, эти группы пренебрежимо малы для целого поколения, но они являются знаменем нового времени. Реакция системы незамедлительна: «Все молодые люди – подозреваемые». Охота на юных начинается повсюду, с использованием жестоких или изощрённых методов, имеющихся в каком-либо крае. Такие явления, как Ирландское освободительное движение или организация басков ЕТА, корсиканское движение или, наконец, Организация освобождения Палестины (ООП), не отвечают в точности той схеме поколения, которую мы описываем. Это разные явления, хотя иногда они и перекрещиваются.

В 1969 году в США произведён запуск первого человека на Луну. Прилунение транслируется в реальном времени. Начиная с «Войны миров», которая посеяла панику в Соединённых Штатах, фантастика получает широкое распространение. Дело не только в марсианских пришельцах, борющихся с представителями Земли. Во многих рассказах, фильмах и сериалах главными действующими лицами являются роботы, компьютеры, мутанты, андроиды или полубоги. Напомним, начиная с 1945 года люди из разных регионов сообщали о странных объектах в небе. Иногда трудно понять, что там светится. Их начинают называть «летающими тарелками», или НЛО. Они появляются прерывисто. Этим вопросом занимаются психологи (как, например, Юнг). Физики и астрономы дают скептические объяснения. Некоторые писатели, такие как Кокто, утверждают даже, что это «существа будущего в поисках своего прошлого». Повсюду создаются наблюдательные центры, обычно связанные между собой, и начинаются попытки установления «контакта» с существами как бы из других миров. Ныне данное убеждение очень крепко. Такое часто наблюдалось на Канарских островах, на юге Франции, на юге СССР, в западной части Соединённых Штатов, Чили, Аргентине и Бразилии. В 1986 году правительство последней официально объявляет о визуальном и радиолокационном контакте с НЛО. Впервые правительство делает такое утверждение. Кроме того подчёркивается, что и в дальнейшем бразильские ВВС будут отслеживать эти явления...

Если, как мы уже говорили, католицизм опять увеличивает своё влияние с помощью конфессиональных политических партий, то необходимо также упомянуть о похожем явлении и со стороны ислама. Свергаются множество монархий и слабых правительств, число исламских республик начинает увеличиваться. Таким образом, уже за десятилетие (1970–1980) мировые религии возвращают себе значительное политическое и экономическое пространство. Однако продолжается озабоченность по поводу веры. Все понимают, что недостаточно вернуть себе то пространство, которое политические силы заняли, когда превратились в посредников между людьми и государством, между проблемами и их решением. Мусульманские наблюдатели отмечают, что ситуация во многом изменилась. Старая племенная организация ослабла. Во многих местах промышленность развивается благодаря доходам от нефти, возникают крупные города. Семьи уменьшаются, живя в кондоминиумах. Вместе с тем, увеличивается отток рабочих из беднейших стран в Европу в поисках новой работы. Изменяется социальный облик молодежи. Мусульманские страны начинают процветать, благодаря нефтяному богатству, но в то же время испытывают влияние общественных институтов западной культуры, обычаев и моды, особенно в господствующих слоях. В этих условиях социальных изменений иранский шах ввел принудительную «вестернизацию» в стране. Он делает это самовластно, поскольку имеет самую вооружённую армию на Ближнем Востоке. Сельскохозяйственное производство поглощается нефтяными центрами. Города растут из-за внутренней массовой миграции. Похоже, что всё под контролем... Есть только один лидер. Однако он не политик и живёт в изгнании во Франции, пока все политические партии, контролируемые

иранскими спецслужбами САВАК, пляшут под дудку своих иностранных хозяев. Конечно, никто не обращает внимание на старого богослова университета Кума. «Это не серьёзно», – считают аналитики СССР и Запада. Внезапно в древнем Иране снова закручивается циклон. Опять в том же народе, который в истории был творцом универсальных духовных течений, создателем ересей, инициатором религиозных войн. В течение недели весь мир ошеломлено наблюдает психосоциальную цепную реакцию... Это похоже на сон. Правительства в Иране сменяются одно за другим, государственное управление разрушено изнутри. Армия парализована. Царит только религиозный порядок. В мечетях муллы и аятоллы руководствуются велениями мифического Имама. Все, что происходит потом, – это очень печальная история, кровавая и совсем недавняя.

Аятолла Хомейни сказал: *«Исламское правительство – это правительство Божественного права и его законы не могут быть изменены или обсуждены. В этом и заключается коренное различие между исламским правительством и различными монархическими или республиканскими правительствами, где представители государства или же избранные народом, являются теми, кто предлагает и голосует за законы; в то время как в исламе единственный авторитет – это Всемогущий и Его божественная воля»*. В свою очередь, Муаммар Каддафи заявил в своей речи в октябре 1972 года в Триполи: *«Ислам – непреложная истина, это даёт человеку чувство безопасности, так как она возникает от Бога. Теории, изобретённые человеком, могут быть результатом безумия, например та, которую объявил Мальтус. Закон, прагматически продиктованный человеком, в любой момент может стать ложью и безрассудством. Поэтому в корне неправильно управлять человеческим обществом от имени временных законов или конституций»*.

Я процитировал эти выступления, разумеется, вне контекста. Но я хотел бы донести понимание исламского религиозного феномена, подчиняющего себе всю социальную динамику, включая, конечно же, политическую. И данная позиция, по-видимому, не ослабляется, а усиливается. Нам известно, что в США ислам активно развивается. Во Франции к сегодняшнему дню более 200 000 человек обратились к исламу, не говоря об арабах по происхождению или их потомках. Конечно, я упоминаю про это только в качестве примера. Также ислам существенно преобразился для того, чтобы передвинуться на Запад. Дервиши и другие представители суфизма – частные случаи этого веяния.

В христианстве можно заметить мобильность между основными сектами. Таким образом, в тех странах, где протестанты, так или иначе, являются представителями «официальной религии», они сконцентрированы вокруг власти, а католики преобладают на периферии. Наоборот, в так называемых «католических» странах католики уходят из периферийных слоёв общества, а секты протестантов занимают их место. Такие изменения случаются достаточно быстро, они заметны, чтобы вызывать тревогу в обеих сектах, но с противоположным смыслом в соответствии с их доминирующим местоположением. В этой борьбе между сектами иногда бывают «удары ниже пояса»... Нельзя обвинять протестантизм за то, что сумашедший под именем Чарльз Мэнсон разгуливает с крестом и Библией, убивая людей; или за то, что протестанты из «Храма народов», как будто в пародии на Масаду, заканчивают тем, что совершают в Гайане убийства и массовые самоубийства... Данные явления, на мой взгляд, соответствуют некой социальной дезинтеграции, они являются симптомами более обширных событий, которые, кажется, вскоре затронут современное общество.

На мой взгляд, католицизм может вернуть себе часть своего бывшего влияния в Латинской Америке, а заодно и в Африке. Это возможно, благодаря развитию «Теологии освобождения». В этом случае христианство совместимо с Социальным евангелием. Сегодняшнее Никарагуа – лучший пример этого. На первой встрече Фиделя Кастро и Фрая Бетто в Гаване в четверг 23 мая 1985 года в 21 час священник заявляет: «Коменданте, я уверен, что впервые глава государства социалистической страны даёт эксклюзивное интервью на тему религии. В этой связи единственным прецедентом является документ, который опубликовало Национальное управление Сандинистского фронта национального освобождения в 1980 году, он также на тему религии. Это было в первый раз, когда правящая революционная партия сделала такое заявление. С тех пор нет более содержательного и глубокого документа на тему религии, даже с исторической точки зрения. И, принимая во внимание время, когда в Латинской Америке религиозная тематика играет главнейшую идеологическую роль, когда существуют многочисленные базовые церковные общины, состоящие из индейцев Гватемалы, крестьян Никарагуа, рабочих Бразилии и многих других стран; также принимая во внимание

наступление империализма, который, начиная от «Документа Санта-Фе», напрямую стремится к борьбе с теоретическими высказываниями церкви, отвечающих интересам бедных людей, такими как, например, «Теология освобождения», – я думаю, что данное интервью и Ваш вклад в эту проблему очень важны...» и т. д. В свою очередь, Армандо Хард, министр культуры Кубы, в своем предисловии к книге «Фидель Кастро и религия» говорит, приветствуя христианско-марксистский диалог: «И это само по себе является знаковым событием в истории человеческой мысли. В этих строках проявляются этический и нравственный моменты, наполненные человеческим смыслом, который характеризует борцов за свободу и защитников бедных и эксплуатируемых людей. Как могло случиться такое чудо? Социальные теоретики, философы, богословы и весь обширный слой интеллигенции в разных странах – все должны задать себе этот вопрос».

...А мы, со своей стороны, уже не задаём себе этот вопрос. Нам ясно, что религиозность усиливается и в Латинской Америке, и в США, и в Японии, и в арабском мире, и в социалистическом лагере, будь то Куба, Афганистан или СССР. Вот вопрос, на который мы ищем ответ: сумеют ли официальные религии адаптировать этот психо-социальный феномен к новому городскому пейзажу, или они потерпят поражение? Ведь может случиться так, что неструктурированная религиозность вдруг начнёт расти в небольших хаотических группах, не оформляясь в церковь, так чтобы не легко было понять подлинное значение этого явления. Хотя сравнение может оказаться не совсем справедливо, но я хотел бы напомнить давний антецедент: в столицу Римской империи с окрестностей начали стекаться представители совершенно разных культов и суеверий, в то время как официальная религия теряла доверие людей. И одна совершенно незначительная группа в дальнейшем обернулась мировой религией... Сегодня становится ясным, что данная неструктурированная религиозность сможет вырасти, если сумеет совместить пейзаж и язык эпохи (язык программирования, технологии, космических полётов) с новым Социальным евангелем.

Большое всем спасибо.

II

Презентации книг

Направляемые опыты жизни

3 ноября 1989 г.

Атенеум в Мадриде (Испания)

Второго мая 1916 года здесь, в Мадриде в Атенеуме, Ортега-и-Гассет представлял Бергсона. Он объяснял тогда, что общество Атенеум учереждено для культивирования и для культа идей. И поэтому здесь, в Атенеуме, мы будем говорить не о литературе, что, казалось бы, соответствует характеру книги, которую мы представляем, не о рассказах и других сочинениях, составляющих её, а об идеях, лежащих в основе произведения.

Разумеется, мы не хотим сказать, что при представлении литературы идеи не принимаются во внимание. Дело в том, что обычно в подобных случаях превалирует эстетический подход.

Литературное произведение часто представляется с точки зрения формы и, конечно, содержания. Автор анализирует свой жизненный опыт, приоткрывает перед нами свою биографию, свои чувства и восприятие мира. В каком же смысле мы будем говорить об идеях? Данное произведение является практическим воплощением оригинальной теории сознания, согласно которой особое значение имеет динамика образов. Для тех, кто не знаком с данной книгой, необходимо сделать ряд предварительных замечаний, которые, однако, ни в коей мере не затрагивают структуру идей, составляющих указанную теорию.

Итак, предварительные сведения о книге.

Она была написана в 1980 году, исправлена в 1988 и предложена вашему вниманию совсем недавно. Здесь я хотел бы процитировать комментатора:

Эта книга делится на две части. Первая называется «Рассказы» и включает в себя тринадцать историй с насыщенным и сложным сюжетом. Вторая часть – «Игра образов» состоит из девяти более простых, но, тем не менее, своеобразных описаний.

Предлагаемый материал может рассматриваться с различных точек зрения. Согласно первой (поверхностной) точке зрения – это ряд коротких рассказов со счастливым концом. К ним можно отнестись как к черновым разработкам сюжетов, которые не лишены определенной доли «развлекательности». Исходя из этого, рассказы можно рассматривать как чисто литературные упражнения. Другая точка зрения позволяет определить эти произведения как психологическую практику, облаченную в литературную форму. Такой подход требует пояснений, которые и содержатся в комментарии, данном в конце книги.

Мы знаем немало самых разнообразных повествований, написанных от первого лица. Как правило, «первое лицо» подразумевает не читателя, а автора. В данной книге Сило отходит от этой давней традиции, превращая читателя в участника описываемых событий, который может дополнить их своим воображением. Подобные литературные упражнения сопровождаются в тексте звездочками, обозначающими паузы, что позволяет читателю мысленно создать собственный образ и превратиться из пассивного наблюдателя в актера и соавтора. Такая оригинальная форма, в свою очередь, помогает кому-то читать вслух, соблюдая указанные паузы, в то время как другие, слушая текст, могут создавать собственные литературные «узлы». То, что здесь побуждает к мысли, в других рассказах привело бы к разрушению сюжета.

Следует сказать, что в любом литературном произведении (если речь идёт о театральных представлениях, кинофильмах или телевизионных постановках) читатель или зритель в более или менее полной степени может отождествлять себя с персонажами. Но одновременно, или позднее, он отдаёт себе отчет в различии между актером, исполняющим роль, и наблюдателем, который находится «снаружи», вне произведения, и является самим собой. В данной книге всё происходит наоборот: человек становится действующим лицом, «сопереживателем».

Хотим мы того или нет, но следует признать, что эта книга представляет собой новое веяние в литературе, и без сомнения, такие события не происходят каждый день.

Конец пояснений комментатора.

Итак, как уже было сказано, речь идёт о небольших рассказах, в которых звездочки позволяют читателю приостановить повествование и привлечь свои образы, соответствующие его восприятию. Ход мысли при этом не прерывается, а напротив, введенные образы получают развитие. Рассмотрим один из подобных случаев, например из первого рассказа «Ребёнок»:

Теперь я уже нахожусь в Луна-парке. Поздний вечер, везде сверкают и искрятся бесчисленные огни аттракционов... Но вокруг никого нет. Неожиданно возле себя я обнаруживаю мальчика лет десяти. Он стоит ко мне спиной. Я придвигаюсь поближе, мальчик оборачивается ко мне лицом, и я вдруг понимаю, что это я сам, когда был ребёнком. Звездочка! Иначе говоря, пауза, чтобы представить себя в виде образа, как того требует повествование. История продолжается: Я спрашиваю, что он здесь делает, и он бормочет что-то насчёт несправедливости, жертвой которой он стал. Мальчик плачет, а я его утешаю и обещаю ему всяческие развлечения. Он продолжает твердить о несправедливости. Тогда, чтобы понять его, я начинаю вспоминать, какую же несправедливость я пережил в том возрасте? Звездочка!

Сказанное выше поясняет технику чтения «направляемых опытов жизни». Кроме того все «опыты» строятся по единой конструктивной схеме. Первый компонент – введение в тему; затем следует усиление так называемого драматического напряжения; третий компонент вводит некоторую жизненную проблему; четвёртый – развязку как решение проблемы; пятый – ослабление общего напряжения и шестой – плавный выход из опыта, обычно с обратным прохождением через предыдущие этапы рассказа.

Необходимо сделать также ещё несколько замечаний относительно контекстуально-ситуативных рамок, обрамляющих каждый опыт. Если нам требуется поместить читателя в такую точку, где он обретет контакт с самим собой, мы вынуждены искажать временную и пространственную структуры в соответствии с опытом наших собственных сновидений. Необходимо освободить динамику образа, убрав рациональное, препятствующее свободному и плавному развитию. Если же нам удастся также лишить тело устойчивости в пространстве, нарушив «телесный регистр», мы сможем поставить вопросы, относящиеся к любому времени жизни читателя, в том числе даже к будущему. Эти вопросы могут касаться возможных в будущем поступков и действий читателя. Рассмотрим пример, иллюстрирующий сказанное выше. Для этого мы выбрали опыт, озаглавленный «Спасительное действие».

Мы мчимся с головокружительной быстротой по широкому шоссе. За рулём сидит человек, которого я раньше никогда не видел. На заднем сидении расположились две женщины и мужчина, которые мне тоже незнакомы. Мимо нас несутся машины, не соблюдая правил движения, будто их ведут пьяные или безумные люди. Я не могу понять, то ли рассветает, то ли наступает ночь.

Я спрашиваю своего спутника, что происходит. Он бросает на меня быстрый взгляд и отвечает на непонятном языке: «Rex voluntas!»

Я включаю радио и слышу громкие щелчки и шумовые помехи. Тем не менее мне удаётся различить слабый металлический голос, который монотонно повторяет: «Rex voluntas... rex voluntas... rex voluntas...»

Движение машин замедляется, и я вижу на обочине дороги множество опрокинутых автомобилей, охваченных пламенем. Как только машина останавливается, мы выскакиваем из неё и бежим к полю вместе с обезумевшей толпой, сметающей всё на своём пути.

Я оборачиваюсь назад: в дыму и пламени я вижу несчастных, попавших в смертельную ловушку. Но я не могу остановиться, человеческий поток увлекает меня за собой. В этом море безумия я безуспешно пытаюсь пробраться к женщине, которая прикрывает собой ребёнка от бегущих людей. Многие из них падают на землю, другие топчут их ногами.

Паника и беспорядок нарастают, и я решаюсь передвигаться по диагонали, что позволяет мне отделиться от остальных. Я направляюсь к самой верхней точке. Многие, теряя силы, хватаются за мою одежду, которая тут же превращается в лохмотья. Но я замечаю, что толпа потихоньку редет.

Мне удаётся вырваться из их рук и теперь, едва дыша, я продолжаю подниматься вверх. Остановившись на мгновение, я вижу, что толпа движется в противоположном направлении. Наверное люди решили, что внизу они скорее спасутся. Я с ужасом обнаруживаю, что впереди их ждёт огромная пропасть. Я кричу изо всех сил, чтобы предупредить о неминуемой катастрофе

хотя бы тех, кто находится ближе ко мне. Тогда один из мужчин отделяется от остальных и бегом направляется ко мне. Одежда на нём разорвана, и весь он изранен. Я счастлив, что он сейчас вне опасности. Подойдя ко мне, он хватая меня за руку и, причитая, показывает пальцем вниз. Я не понимаю его языка, но догадываюсь, что он просит кому-то помочь. Я говорю ему, чтобы он немножко подождал, потому что сейчас это невозможно... Вижу, что он меня не понимает. Его отчаяние меня очень расстраивает, разрывает мне сердце. Тогда он поворачивается, чтобы пойти обратно, но я толкаю его, и он падает навзничь. Лежа на земле, он горестно стонет. Со своей стороны, я понимаю, что спас ему жизнь и освободил от будущих угрызений совести, потому что он тоже хотел кого-то спасти, но я ему помешал.

Я поднимаюсь ещё выше и останавливаюсь перед вспаханным полем. На рыхлой земле видны совсем свежие борозды. Издалека доносятся ружейные выстрелы и, кажется, я понимаю, что происходит. Я поспешно удаляюсь от этого места. Вскоре я останавливаюсь. Вокруг царит тишина. Я смотрю в сторону города и вижу злое дерево.

Вдруг земля у меня под ногами начинает колебаться, и из глубин доносится нарастающий гул, который возвещает о скором землетрясении. Я теряю равновесие и падаю. Я лежу на земле, сжавшись и глядя в небо; у меня кружится голова.

Земля перестаёт дрожать, и на небе появляется огромная кровавая луна. Становится нестерпимо жарко. Я вдыхаю раскаленный и разъедающий горло воздух. Я по-прежнему не понимаю, то ли светает, то ли наступает ночь...

Когда я, наконец, сажусь снова, слышится подземный гул. Вскоре сотни самолётов, похожих на смертоносных насекомых, застилают небо. Они пролетают мимо и скрываются вдали, устремлённые навстречу неизвестной судьбе.

Возле меня появляется огромная собака и воеет на луну, совсем как волк. Я окликаю её. Та робко приближается, ложится возле меня. Я ласково глажу её вздыбленную шерсть и чувствую, как она вся дрожит.

Собака встаёт и покидает меня. Я тоже встаю на ноги и иду за ней. Мы проходим по каменистой дороге и останавливаемся перед небольшой речушкой. Собака, мучимая жаждой, бросается к воде и начинает жадно лакать, но тотчас отступает и падает на землю. Я приближаюсь, трогаю её и убеждаюсь, что она мертва.

Новый толчок, и я еле удерживаюсь на ногах, но всё успокаивается.

Я оглядываюсь вокруг и вижу, что на небе, вдали, появляются четыре тучи, которые приближаются с глухим гулом. Первая туча – белая, вторая – красная, третья – вороня и четвёртая – жёлтая. Они похожи на четырёх вооружённых всадников, скачущих верхом на буре и объезжающих небо, уничтожая жизнь на Земле.

Я бросаюсь бежать, чтобы тучи не настигли меня. Мне ясно, что если я попаду под дождь, то подвергнусь облучению. Поэтому я уже лечу во весь дух, но вдруг дорогу мне преграждает колоссальная фигура. Великан угрожающе машет огненным мечом. Я кричу ему, что очень спешу, так как приближаются радиоактивные тучи. Он отвечает, что он всего лишь робот, поставленный здесь, чтобы не дать пройти разрушительным силам. Он добавляет, что вооружён смертоносными лучами, и предупреждает, чтобы я не приближался. Я вижу, что великан чётко разделяет два пространства: то, в котором нахожусь я, мертвенное и каменистое, и другое, наполненное яркой растительностью и жизнью.

Тогда я кричу ему:

- Ты должен меня пропустить, потому что я совершил добрый поступок!
- А что это за добрый поступок? – спрашивает робот.
- Это спасительное действие, которое сохранило жизнь.
- Так что же за действие ты совершил? – вопрошает он.
- Я спас человека от неминуемой смерти, кроме того, я освободил его от мук совести.

Великан тотчас отступает в сторону, и я прыгаю в благословенное пространство в тот момент, когда начинают падать первые капли дождя...

Остановимся здесь. В «Примечаниях» имеется следующий комментарий:

Общая разреженность сюжета достигается неопределённостью времени («Я не могу понять, то ли рассветает, то ли наступает ночь»); противопоставлением пространств («Я вижу великана, который чётко разделяет два пространства: то, в котором нахожусь я, мертвенное и каменистое, от другого, наполненного яркой растительностью и жизнью»); исключением возможной связи между людьми или созданием вавилонского смешения языков («Я спрашиваю своего спутника, что происходит. Он бросает на меня быстрый взгляд и отвечает на непонятном языке: "Rex voluntas"»)). И, наконец, героя бросают на милость неподвластных ему сил (жара, землетрясение, странные астрономические явления, радиоактивные воды, война, вооруженный великан и т. д.).

Тело героя постоянно пребывает в неустойчивом положении из-за толчков, хождения по свежевспаханной земле или из-за землетрясения.

Упомянутые рамки присущи многим Опытам, но каждый из них несёт свои образы и выделяет свой особый «узел». Например, в опыте «Самая большая ошибка» осью повествования является своего рода недоразумение, которое рассматривается с точки зрения смешения перспектив. С другой стороны, речь идёт о факте, который следует изменить в прошлом, о факте нашей жизни, который, как нам бы хотелось, свершился бы по-другому. Следовательно, мы должны в какой-то степени нарушить пространственно-временные отношения, для того чтобы изменились и подход к прошлому и перспектива. Таким образом, нужно вносить изменения не в сами факты, а в точку зрения на них, что в свою очередь и приводит к значительным переменам в общем видении. Рассмотрим один фрагмент этого рассказа:

Я стою перед судом. В переполненном зале царит тишина. Со всех сторон меня окружают суровые лица. Напряжённое молчание собравшихся прерывается голосом Секретаря, который надевает очки, берёт бумагу и торжественно провозглашает: «Суд приговаривает обвиняемого к смертной казни». Зал взрывается криками. Кто-то аплодирует, кто-то свистит. Какая-то женщина падает в обморок. Затем один из служащих требует, чтобы все замолчали.

Секретарь впирается в меня мутным взглядом и вопрошает: «Вы хотите что-нибудь сказать?» Я отвечаю, что да, хочу. Тогда все возвращаются на свои места. Я прошу принести мне стакан воды, в зале происходит какое-то движение, и мне подают стакан. Я подношу его к губам и полощу рот, а затем громко прополаскиваю горло. После чего я произношу: «Вот теперь всё» Кто-то из судей резко спрашивает: «Что значит: "вот теперь всё"?». Я отвечаю: «А вот это и значит: теперь всё». И чтобы немного успокоить его, я говорю, что здешняя вода очень вкусная – кто бы мог подумать! – и ещё несколько любезностей...

Секретарь заканчивает читать бумагу: «Согласно вышесказанному, приговор будет приведён в исполнение сегодня же и без промедления. Обвиняемый будет брошен в пустыне без пищи и воды. Особенно без воды. Я всё сказал!» Я подскочил на месте: «Что значит "я всё сказал"?» Секретарь, подняв брови, подтвердил: «Я сказал, что всё сказал».

Спустя некоторое время я уже еду на машине по пустыне в сопровождении двух пожарных. Машина останавливается, и один из них приказывает мне: «Выходите!». И я выхожу. Машина разворачивается и отъезжает. Она становится всё меньше и меньше, пока совсем не исчезает за дюнами.

Дальше в рассказе возникают некоторые происшествия, и в конце концов, происходит следующее:

Но вот, наконец, песчаная буря улеглась, и солнце зашло. В сумерках передо мной возникает огромное белёсое полушарие, похожее на многоэтажное здание. Сначала я подумал, что это мираж, но всё же решил подняться и направиться к нему. Подойдя поближе, я увидел, что это конструкция из мягкого материала, напоминающего зеркальный пластик, возможно, она наполнена сжатым воздухом.

Меня встречает человек в одежде бедуина. Мы входим в устланную коврами трубу. Я чувствую, как меня освежает прохладный ветерок. Мы внутри конструкции. Здесь всё перевернуто: потолок – это пол, с которого свисают различные предметы; круглые столы опрокинуты ножками вверх, струи воды изгибаются и снова бьют вертикально вверх, а где-то высоко – фигуры сидящих людей. Увидев моё изумление, бедуин подаёт мне очки и говорит: «Наденьте их!» Я подчиняюсь, и

сразу всё встаёт на свои места. Напротив меня – большой фонтан, из которого бьют тугие столбики воды. Здесь много столов и других предметов, изысканно сочетающихся по цвету и форме.

Ко мне подползает на четвереньках Секретарь. Он говорит, что его страшно укачало. Тогда я ему объясняю, что он видит весь мир наоборот, и ему надо снять очки. Он снимает и, вздыхая, говорит: «Действительно, сейчас всё в полном порядке, просто у меня близорукость». Затем он добавляет, что искал меня, чтобы объяснить: я не тот человек, которого надо было судить, просто получилась досадная ошибка. Сказав это, он вышел в боковую дверь.

Я иду вперёд и вскоре встречаю группу людей, сидящих кружком на подушках. Это старики и старухи разных национальностей и в самых разнообразных костюмах. У всех прекрасные лица. Каждый раз, когда они открывают рот, раздаются звуки, напоминающие то скрип шестерёнок, то шум гигантских машин, то «тик-так» огромных часов. Но я слышу также раскаты грома, треск разрушающихся скал, грохот снежных лавин, ритмический гул вулканов, перестук дождя, глухие удары сердца... И всё это гармонично и совершенно, как в самом великолепном оркестре.

Бедуин протягивает мне наушники и говорит: «Наденьте. В них вы услышите перевод». Я надеваю и ясно слышу человеческий голос. Я понимаю, что это симфония одного из стариков, переведённая специально для меня. И когда он открывает рот, я слышу: «Мы часы, мы минуты, мы секунды... Мы различные формы времени. По отношению к тебе была совершена ошибка, и поэтому мы дадим тебе возможность начать жизнь сначала. В каком месте ты хочешь начать? Может быть, с момента рождения?.. Может, в минуту, предшествующую поражению? Подумай хорошенько». Звездочка! И т. д. и т. д.

Теперь необходимо сделать замечания о типе использованных образов. Может сложиться впечатление, что наши описания опираются на сильный визуальный компонент, в то время как значительная часть людей обычно оперируют слуховыми, сенестическими, кинетическими или комбинированными представлениями. В этой связи я хотел бы процитировать несколько абзацев из «Психологии образа» – первой части моей книги «К вопросу о мышлении»:

Издавна психологи очень много писали об ощущениях и восприятиях, а в настоящее время, после того как были открыты неизвестные ранее нервные окончания, начали говорить о термоцепторах, бароцепторах, внутренних детекторах кислотности и щелочности и так далее.

К ощущениям от внешних органов чувств мы добавим исходящие от других, более расплывчатые, такие как кинестетические (связанные с телодвижениями) и синестетические (регистрация общих сигналов интратора, температуры, боли и так далее, которые, хотя и понимаются как внутренние тактильные органы чувств, однако не могут быть сведены только к такому определению).

Всё вышеизложенное является для нас достаточным объяснением, хотя и не претендует на исчерпывающее изложение всех возможных регистров, соответствующих внешним и внутренним органам чувств, и многочисленным перцептуальным комбинациям тех и других.

Поэтому важно провести параллель между представлениями и восприятиями, которые в самых общих чертах классифицируются как «внутренние» или «внешние».

К сожалению, частенько разговор о представлениях сводился только к зрительным образам и, кроме того, пространственность почти всегда соотносилась со зрительным восприятием, в то время как слуховые восприятия и представления также указывают на то, что источники раздражителей локализируются в определенном «месте», как это происходит и в случаях с источниками осязательных, вкусовых, обонятельных ощущений и, конечно, с теми, что относятся к положению тела и к феноменам интратора.

Уже в 1943 году в лабораторных условиях было замечено, что отдельные индивиды проявляют большую склонность к слуховым, осязательным и синестетическим образам, чем к зрительным. На основании этого в 1967 году Вальтер сформулировал классификацию типов воображения с разной доминантой. Независимо от того, оказался ли удачным этот шаг, среди психологов начала распространяться идея о том, что опознание собственного тела в пространстве или воспоминание о каком-либо объекте очень часто основывается не на зрительном образе. Кроме того, стали серьезно рассматриваться случаи, когда совершенно нормальные субъекты описывали свою «слепоту» с точки зрения визуального представления. При этом, нет доказательств, чтобы перестать рассматривать зрительные образы как ядро в системе представления, а остальные

формы воображения выбросить на свалку «эйдетической дезинтеграции» или оставить их на откуп литературным произведениям, в которых идиоты и умственно отсталые произносят, например, такое, как описано в романе «Шум и ярость» У. Фолкнера: «Мне туфельку не видно, а рукам видно, и я слышу, как ночь настает, и рукам видно туфельку, а мне себя не видно, но рукам видно туфельку, и я на корточках слушаю, как настает темнота».

Продолжая наше исследование о направляемых опытах, мы должны согласиться с тем, что хотя преобладает зрительный опыт, любой человек в состоянии приспособить к ним свою систему восприятия. С другой стороны, в некоторых опытах со всей очевидностью разрабатывается другой тип образа. Например, в «Звере», который я частично процитирую:

Я нахожусь в абсолютно тёмном месте. Чувствую под ногами неровную полурастительную-полукаменистую поверхность. Я догадываюсь, что где-то рядом меня поджидает пропасть. Но самое неприятное, я ощущаю, что поблизости притаился тот самый зверь, который вызывал у меня ни с чем не сравнимое чувство ужаса и отвращения. Может, это один зверь, а может их много... Но я совершенно уверен: что-то неотвратимо приближается. Вокруг стоит мёртвая тишина, но в ушах у меня раздаётся какой-то шум, порой сливающийся с отдалённым рёвом ветра. Мои открытые глаза ничего не видят, сердце учащённо бьётся, дыхание прерывается, в горле сжимается горький комок...

Что-то приближается. Что же там такое позади, отчего я чувствую, как по телу бегут мурашки и холодеет спина? Ноги мои делаются ватными. Если кто-то схватит меня или набросится сзади, я даже не смогу защититься. Стою неподвижно... И жду.

Рассмотрим другой случай, иллюстрирующий другие типы образов и другой тип перевода из одной системы в другую. В этом нам поможет отрывок из опыта «Фестиваль»:

Я лежу на койке в больничной палате. Слышу, как из плохо закрытого крана капает вода. Пытаюсь шевельнуть головой и другими частями тела, но они мне не повинуются. Глаза вот-вот закроются. Потолок надо мной белый и гладкий, и каждая капля падающей воды отражается на нём подобно лучику света. Капля – лучик. Снова капля. Затем много лучиков, которые волнообразно расходятся по поверхности потолка. Он начинает меняться, следуя ритму моего сердца. Может быть, это вызвано пульсированием крови, проходящей по глазным артериям. Постепенно на поверхности проступает лицо молодой девушки.

И ниже, в этом же опыте, восприятие выходит за рамки визуального и образует более сложную систему, переводимую на другие типы восприятия, а затем и представления.

Моё внимание привлекает цветок, соединённый с веткой тонким стебельком с прозрачной кожицей, внутри которого переливается зелёный свет. Я протягиваю руку и мягко провожу пальцем по этому упругому нежному стебельку с едва заметными уплотнениями. Передвигаясь таким образом между изумрудными листьями, моя рука приближается к лепесткам, которые открываются, взрываясь ослепительным многоцветьем. Лепестки подобны окнам величественного храма, они как рубины и как огонь догорающих в костре головешек... В переливе цветов и оттенков словно живёт какая-то часть моего существа. И с цветка, вздрогнувшего от моего прикосновения, падает капля сонной росы и цепляется за последний лист. Капля, вибрируя, становится овальной, затем удлиняется и уже в воздухе сжимается, чтобы снова округлиться, падая в безграничное время... Падая, падая в вечное пространство... Наконец, ударившись о шляпку гриба, она скатывается по ней как тяжёлая ртуть и соскальзывает к самому краю. Там, в экстазе свободы, она бросается вниз, в маленькую лужицу, поднимая грозные волны, омывающие каменно-мраморный остров...

А фестиваль идёт полным ходом, и я знаю, что с помощью музыки я соприкасаюсь с той девушкой, рассматривающей свою одежду, и с тем молодым человеком, который, прислонившись к дереву, гладит голубого кота. Я знаю, что когда-то это уже было в моей жизни, мне были знакомы уже и морицинистый силуэт дерева, и объёмность тел...

Бархатные бабочки, порхающие передо мной, воскрешают в моей памяти нежность губ и хрупкость счастливых снов.

И т. д.

Но образы в «опытах» размещаются не только перед субъектом или вокруг него, но и внутри него. Уместно признать, что в некоторых снах спящий как бы видит себя на сцене среди других

объектов, то есть обладает «внешним» взглядом. Но также случается, что иногда спящий видит сцену как бы от себя, будто он бодрствует. Взгляд его становится внутренним. В повседневном восприятии мы видим внешние по отношению к нам вещи как «внешние», иначе говоря, наш взгляд находится «позади» осязательного телесного предела, заданного регистром собственных глаз, лица и головы. Таким образом, я могу закрыть глаза и представить виденное раньше. Однако я ощущаю его как бы «вовне», хотя я в действительности смотрю не вовне, как при зрительном восприятии, а «внутри» моего пространства представления. В любом случае мой взгляд отделён от объекта: я вижу его вне себя, хотя представляю его себе, так сказать, «внутри своей головы».

Когда в опыте «Ребёнок» я вижу самого себя маленьким, я в действительности вижу ребёнка с позиции моего сегодняшнего «я» и узнаю в нём себя. Иными словами, я вижу ребёнка снаружи относительно себя, своим внутренним глазом. Ребёнок («я» в прошлом) рассказывает о некоей несправедливости по отношению к нему, и чтобы узнать, о чём идёт речь, я силюсь вспомнить («я» сегодняшний, а не ребёнок, которого я вижу) то, что произошло со мной в детстве (тот-что-я-прежде). Когда мне это удаётся, мой взгляд проникает «внутри» меня, в мои воспоминания, и ребёнок, которого я вижу, находится за пределами направленности моих воспоминаний.

Таким образом, когда я встречаюсь с самим собой в сцене детства, как я узнаю, что это действительно я? Несомненно, с помощью внешнего взгляда на себя, но также и внутреннего, относительно внешнего мира, в нашем случае, ребёнка в Луна-парке.

Это обстоятельство порождает интересные вопросы, но чтобы закрыть тему, скажем лишь, что я могу говорить о представлениях, расположенных как «вовне», так, и «внутри», помня о том, что понятия «вовне» и «внутри» мы рассматриваем в плане различий, налагаемых осязательно-сенестетическим пределом глаз, лица и головы. Разобравшись с этим, рассмотрим примеры различий в расположении взглядов и сцен. В опыте «Трубочист» говорится:

Немного спустя трубочист встает и берёт в руки длинный, слегка изогнутый предмет. Он останавливается передо мной и говорит: «Откройте рот». Я подчиняюсь. Затем чувствую, как он вставляет мне в рот нечто, напоминающее длинный пинцет, который доходит до самого желудка. Как это ни странно, но это вполне терпимо... Вдруг он кричит: «Готово! Схватил!» И начинает медленно вытаскивать предмет. Вначале мне кажется, что при этом он раздирает мне внутренности, но потом я чувствую приятное облегчение. Кажется, что мои внутренности и лёгкие освободились от налипшей на них мерзости.

Ясно, что в этом случае мы оперируем сенестетическими регистрами, внутрителесными образами, но когда воображаемое «вовне» (так же как и воспринимаемое «извне» в повседневной жизни) порождает внутрителесные действия, изменение сцены и взгляда осуществляется по той же технике, что и в рассказе о ребёнке. С той только разницей, что воображаемое как «вовне» – это не ребёнок, представленный визуально. Здесь в понятие «вовне» я вкладываю своеобразный сенестетический регистр, но не в том смысле, что я чувствую нечто внутри себя и вдруг это чувство как-то находится вне моего тела. А в том смысле, что ощущаемое внутри меня является внешним по отношению к моему взгляду (или к новому сенестетическому регистру, который становится ещё более внутренним). Без подобного механизма перемены положения и перспективы взгляда и сцены многочисленные явления повседневной жизни оказались бы невозможными. Например, почему некий внешний объект способен вызвать у меня отвращение только при взгляде на него? Как я мог бы «почувствовать» ужас, когда другой человек порезал себе кожу? Как я мог бы чувствовать боль, страдания и удовольствия других людей как свои собственные?

Рассмотрим несколько абзацев из опыта «Идеальная пара».

Проходя по огромной площадке, предназначенной для промышленных выставок, я вижу всевозможные машины и сооружения. Здесь много детей. В их распоряжении множество современных технических игр. Я подхожу к великану, сделанному из плотного материала. Он стоит во весь рост. У него огромная голова, расписанная яркими красками. Большая лестница ведёт прямо к его рту. Малыши карабкаются по этой лестнице, входят в отверстие между губами, которые мягко закрываются. Через некоторое время ребёнок появляется из заднего прохода великана и, скользя по деревянной горке, скатывается вниз, в песок. Один за другим дети входят и выходят под звуки музыки, льющейся из великана: «Гаргантюа заглатывает детей. Очень осторожно, чтобы не причинить им вреда. А-ха-ха, а-ха-ха! Очень осторожно, чтобы не причинить им вреда».

Я тоже решил подняться по лестнице. Войдя в огромный рот, я встретил человека, который сказал мне: «Дети спускаются по горке, а взрослые – на лифте». Человек продолжает объяснения, пока мы спускаемся по прозрачной трубе. В какой-то момент я говорю, что мы должны уже находиться на уровне земли. Он возражает, что мы ещё пока только проходим через пищевод, поскольку остальная часть тела находится под землёй, а детский великан полностью стоит на поверхности. «Вот именно, в одном Гаргантюа помещается целых два, – сообщает он мне. – Один для детей, другой для взрослых. Мы сейчас уже глубоко под землёй... Мы проехали диафрагму и скоро приблизимся к одному замечательному месту. Вот смотрите, сейчас откроется дверца лифта и появится желудок... Хотите выйти здесь? Как видите, это современный ресторан, в котором можно отведать блюда самых разных стран.

Вопрос о воздействии «внешних» образов на внутреннее представление ещё более выразительно поставлен в опыте «Шахтёр». Итак:

Я кричу изо всех сил, и земля подо мной поддаётся и обваливается, увлекая меня за собой... Внезапно я чувствую резкий толчок в поясницу, верёвка натягивается и падение прекращается. Я повисаю в воздухе, подобно покрытому глиной абсурдному маятнику. Я повис над самым полом, покрытым коврами. Я нахожусь в ярко освещённом элегантном зале, в котором расположено нечто вроде лаборатории и огромной библиотеки. Но меня сейчас волнует только одна мысль: как отсюда выбраться. Левой рукой я хватаю натянутую верёвку, а правой расстегиваю пряжку, которой эта верёвка была укреплена у меня на поясе. Затем я мягко падаю на ковёр.

«Какие у вас манеры, друг мой! Какие манеры!» – произносит писклявый голос. Я оборачиваюсь и застываю в изумлении. Передо мной стоит крошечный человечек, ростом сантиметров в шестьдесят. За исключением несколько заострённых ушей, всё остальное в нём, можно сказать, необычайно пропорционально. На нём одежда шахтера, но очень ярких тонов. Когда он предлагает мне коктейль, мне становится и смешно и неприятно. Тем не менее, я выпиваю всё, не моргнув глазом. Человечек складывает ручки и подносит их к губам наподобие рупора. Затем издаёт так хорошо знакомый мне стон. Во мне поднимается возмущение. Я спрашиваю, что значит эта дурацкая шутка, и он отвечает, что благодаря этому моё пищеварение скоро значительно улучшится. Это существо объясняет мне, что верёвка, которая во время падения стягивала мне живот и поясницу, сделала очень полезное дело. Положительную роль сыграло также то, что я полз по штреку на локтях. Заканчивая свои странные комментарии, он спрашивает, хорошо ли я понимаю смысл фразы: «Вы находитесь в недрах земли». Я отвечаю ему, что это лишь образное выражение, но он возражает, что в данном случае ничего образного нет. И добавляет: «Вы находитесь в своих собственных недрах. Когда во внутренностях человека что-то неблагополучно, он плохо соображает. В свою очередь, плохие мысли отрицательно влияют на функции внутренних органов. Так что в будущем вы должны уделять этому больше внимания. Если вы не будете этого делать, то я начну шагать, и вы почувствуете сильную щекотку и внутренние недомогания... У меня есть коллеги, которые занимаются другими частями тела – лёгкими, сердцем и т.д.». Сказав это, человечек начинает ходить по стенам и потолку, и в то же время я чувствую напряжение в области живота, печени и почек. Затем он направляет на меня струю воды из золотого шланга и тщательно смывает с меня грязь. Я тотчас становлюсь чистым и сухим, растягиваюсь на широченной тахте и успокаиваюсь. Человечек ритмично проводит маленькой щёткой по моему животу и пояснице, и тотчас я чувствую большое облегчение в этих местах. Я понимаю, что, как только пройдет недомогание в желудке, печени или почках, сразу изменятся мои мысли и чувства.

Я ощущаю вибрацию и понимаю, что поднимаюсь наверх. Я снова нахожусь в клетке грузоподъёмника, который скоро доставит меня к поверхности земли.

В этом «опыте» крошечный человечек оказывается настоящим специалистом в теории сенестетического образа. Конечно, он не сказал нам, за счёт чего возможно осуществление контакта между образом и внутрителесным и почему возможно воздействие образа на внутрителесное.

Выше нам удалось не без труда увидеть, что восприятие внешних предметов служит основой для создания образа и что образ позволяет нам вновь представить то, что было ранее предъявлено органам чувств. Мы видели, что в повторном представлении происходят изменения в положении и перспективе «взгляда» наблюдателя относительно заданной сцены. Тогда мы спрашивали себя: какова связь между восприятием неприятного объекта и нашими внутренними реакциями? Теперь мы рассуждаем о внутрителесных ощущениях, которые лежат в основе также «внутренних» представлений. Таким образом, мы столкнулись с большим числом вопросов, на которые нельзя дать

исчерпывающие ответы и, боюсь, наше изложение так и останется неполным. Во всяком случае, я хотел бы сделать ещё несколько дополнительных замечаний.

Пока будет бытовать мнение об образе как простой копии восприятия, пока будет считаться, что сознание вообще пассивно относительно внешнего мира и является лишь его отражением, не будет возможности ответить ни на вышеупомянутые вопросы, ни на многие другие, имеющие поистине первостепенное значение.

Мы полагаем, что образ – это активная форма включения сознания (как структуры) в-мир. Сознание способно воздействовать на само тело и на тело-в-мире, так как интенциональность направлена вовне от себя и не сводится к простому и естественному механическому отражению. Образ действует в пространственно-временной структуре и во внутренней «пространственности», которую мы называем «пространством представления». Разнообразные и сложные функции образа зависят обычно от его позиции в данной пространственности. Для полного обоснования сказанного требуется понимание нашей теории сознания, поэтому мы отсылаем читателя к нашей работе «Психология образа», первой части книги «К вопросу о мышлении». Но если через эту литературную «развлекательность», по словам комментатора, если через эти повествования и рассказы нам удалось показать прикладной аспект очень широкой концепции, значит, мы сдержали обещание, данное в начале лекции. Когда заявили, что мы рассматриваем данные «Направляемые опыты жизни» не с литературной точки зрения, а в плане идей, вызвавших к жизни это литературное выражение.

На этом всё. Большое спасибо.

Гуманизировать жизнь на Земле

13 ноября 1989 г.

Скандинавский центр в Рейкьявике (Исландия)

Данное произведение «Гуманизировать жизнь на Земле» является, на самом деле, собранием трёх книг. Первая – «Внутренний взгляд», она написана в 1972 г. и отредактирована в 1988 г. Вторая – «Внутренний пейзаж», написана в 1981 г. и вышла в новой редакции в 1988 г. А последняя – «Человеческий пейзаж», была написана в 1988 г. Таким образом, это три разные работы, между которыми, однако, есть определённые формы взаимоотношений, но об этом чуть позже. Кроме того, они расположены последовательно и сохраняют непрерывность в развитии идей. Но сначала я хотел бы рассмотреть произведение с формальной точки зрения.

Произведение состоит из трёх книг, написанных в стиле поэтической прозы и разделённых на главы и параграфы. Данная сегментация на параграфы в сочетании с активно использованным апелляционным стилем и некоторыми обсуждаемыми темами позволило кое-каким критикам причислить его к жанру мистической литературы. Конечно, я не испытываю никакого дискомфорта от такой классификации, но думаю, что вышеупомянутые элементы не являются достаточными для этого решения.

Первый критерий, упомянутый критиками, – сегментация на последовательно пронумерованные параграфы – действительно является общим отличительным знаком для многих произведений мистической литературы. Мы можем это обнаружить в тексте Библии, сурах Корана, в фаргарах Авесты или в Упанишадах. Но мы должны согласиться и с тем, что другие произведения этого жанра не придерживаются такого порядка, а многим произведениям правового характера это же свойственно. Действительно, гражданские и уголовные кодексы так же поделены на секции, статьи, пункты и так далее. То же самое происходит сегодня с трактатами по математике и логике. Читающий «Principia Mathematica» Рассела или «Трактат» Витгенштейна согласится с нами, что это совершенно не мистические произведения.

Давайте рассмотрим второй критерий – апелляционную функцию дискурса, формализованную в императивных предложениях (в отличие от декларативных), которые не могут пройти испытание истинной. Это часто встречается во многих религиозных произведениях, а также и в тех, которые таковыми не являются. Кроме того, утверждения не сформулированы исключительно императивным образом, очень часто повествование развивается, предоставляя читателю возможность сравнить со своим собственным опытом достоверность того, о чём говорится. Я имею в виду, что если, эллиптически, определение этой работы как «мистической», на самом деле является попыткой обозначить её как «догматической», то критерии, использованные для этой цели, не подходящие.

Третий критерий относится к затронутым темам, как будто связанными с религией. Действительно, некоторые темы, такие как «вера», «медитация», «смысл жизни» и др. были рассмотрены религиозными деятелями, но и также поэтами и мыслителями, занимающимися фундаментальными вопросами человеческого бытия, так как человек всё время сталкивается с этими проблемами в повседневной жизни.

Также было сказано, что характер данного произведения – философский, но любой вчитывающийся в написанное увидит, что там нет ничего общего с философским текстом, особенно со строго научным трактатом. «Человеческий пейзаж», третья книга данной работы, больше всего склоняет в этой ошибке. Также её определяли как социологическую или психологическую работу, но на самом деле всё это далеко от замысла автора. Однако мы не можем отрицать, что на протяжении всей работы высказываются мысли, которые подпадают под эти дисциплины. Иначе быть и не могло, ведь мы стараемся представить ситуации, в которых разворачивается жизнь человека. Итак, вполне приемлемо сказать, что некоторые темы рассматриваются с психологической, социологической, философской или мистической точек зрения, я это признаю. Но мне кажется, неверно отнести произведение конкретно к одной из упомянутых дисциплин.

В конце концов, я был бы счастлив, если бы просто сказали, что в данной работе нет строгих стилистических рамок, но выделены самые главные, общие темы, с которыми человек сталкивается в

течение жизни. А если бы меня потребовали определиться, то я сказал бы, что произведение является размышлением на тему человеческой жизни в стиле поэтической прозы. Вкратце обсудив эти формальные вопросы, мы входим в тему.

Первая книга, названная «Внутренний взгляд», – о смысле жизни. Самая главная тема в ней – это состояние противоречия. Подчёркивается, что регистр данного состояния у человека – это страдание; что преодоление душевного страдания возможно по мере того, как собственная жизнь наполняется непротиворечивыми действиями; и что такими являются те действия, который положительно направлены на других людей, за пределы личных интересов самого человека. Словом, «Внутренний взгляд» говорит о преодолении душевного страдания посредством действий, направленных на общество, на других людей при условии, что такие действия регистрируются как непротиворечивые. Текст книги местами немного сложен из-за множества аллегорий и символов в виде дорог, жилищ и странных пейзажей, через которые проходит человек в зависимости от жизненных ситуаций, с которыми он сталкивается. Одна из наиболее важных аллегорий – это дерево, то есть то древнее дерево жизни, о котором говорится в Каббале или в легендах о творении мира аборигенов *макиритаре*, исповедующих культ *екуана* в амазонских джунглях. Это дерево мира, которое соединяет небо и землю, и в вашей исландской поэме «Волуспа» его называют Иггдрасиль... Итак, в данной книге содержится некая карта внутренних состояний человека в определённые моменты жизни. Состояния смятения, безысходности, мести аллегорично выражены как дороги и жилища, через которые можно пройти в Иггдрасиле «Внутреннего взгляда»; но там же – и выходы из противоречивых ситуаций, надежда, будущее, радость... Словом, состояние единства и непротиворечия. В книге мы обнаруживаем также главу о Принципах полноценного действия – набор поведенческих рекомендаций, помогающих дополнить жизнь единством и смыслом. Продолжая аллегорический стиль книги, Принципы принимают метафорический характер. Приведу несколько примеров. «Если для тебя одинаково хороши как день, так и ночь, как лето, так и зима, значит, ты сумел преодолеть противоречия». «Не оказывай сопротивления большой силе. Отступи и подожди, пока она не ослабнет, и тогда решительно иди вперёд». Сходные рекомендации мы можем найти также в «Хавамал», где написано: «Человек с тактом должен знать меру своих сил; когда среди противников есть храбрые люди, вы не можете идти против всех...» На самом деле, Принципы являются своеобразными законами поведения, но они задуманы не как юридические или моральные обязательства, а как силы, действующие положительно или отрицательно, в зависимости от расположения действующего лица.

Вторая книга – «Внутренний пейзаж» – продолжает литературный стиль предыдущей, но без акцента на аллегии и символы. Описание выводит нас к миру культурных ценностей, со всё более решительными апелляциями к социальной тематике. В начале данной книги читаем: «Преодолевай своё страдание, и тогда в твоей душе не возникнет пропасть, в ней возродится жизнь. Нет таких страстей, идей или поступков, которые не были бы связаны с пропастью. Поэтому поговорим о том, что действительно заслуживает внимания: о пропасти и о том, как её преодолеть». Этот кажущийся дуалистический подход выдвигает на первый план ключевые опасения по поводу «роста жизни» и её аннигиляции. Аннигиляция обретает некую субстанциальность при описании её как «пропасть»; но это не более чем поэтическая вольность, так как простое упоминание об аннигиляции, или «уничтожении», бытия, как сказал бы Хайдеггер, привело бы к непоправимому изменению стиля. Мы, следовательно, не говорим о «пропасти» с точки зрения субстанции, а в значении аннигиляции, или затемнения, смысла в жизни человека. Понятно, что одна из сторон дуальности исчезает, как только становится понятным смысл пропасти как не-бытия, не-жизни, а не как субъекта в себе. Понятие «пропасти» было выбрано из-за её психологической особенности, поскольку она вызывает внутреннее ощущение головокружения, связанного с смешанным чувством притяжения и отторжения одновременно. Притяжение «ничто», которое доминирует при самоубийстве или пьянящей разрушительной ярости и толкает к нигилизму как отдельных людей, так и многочисленные группы или цивилизации. Здесь дело не в мучении, как у Кьеркегора, или тошноте, как у Сартра; в пассивном распаде смысла, или же в пребывании на перекрестке выбора; а головокружение и притяжение этого «ничто» – как деятельность к разрушению, как своего рода двигатель личных и социальных событий, которые конкурируют с жизнью, борясь за власть и превосходство. Так что, если у человека есть свобода выбора, то можно изменить условия, которые могут быть катастрофическими, развиваясь механически. Если же наоборот, человеческая свобода является лишь милосердным мифом, то не важно, что решают люди и нации, так как события будут развиваться просто механически, либо к росту жизни, либо к катастрофе, к «ничто», к бессмысленности.

В данной книге утверждается свобода человеческой жизни, хотя и среди условий, но всё же, в конце концов, – свобода. А ещё мы говорим, что по существу смысл жизни – это свобода; и что данная свобода отвергает абсурд и «естественное», даже если естественное – это сама Природа. Именно борьба против естественного, против боли и страдания, против препятствий, которые природа ставила на пути человека, – это то, что способствовало развитию общества и цивилизации. Так что, человеческая жизнь не выросла, благодаря боли и страданиям, а напротив, укрепилась, преодолевая их. Решение о расширении границ свободы не ограничивается только индивидом, так как он не имеет фиксированную природу, а находится в исторической и социальной динамике. Следовательно, человек должен взять на себя ответственность и действовать в интересах общества и всех человеческих существ. Согласно вышесказанному, в главе VII утверждается: *«Ты, который наполняешь жизнь смыслом и преображаешь мир... Твои родители и родители твоих родителей продолжают в тебе. Ты не падающий метеорит, а сверкающая стрела, летящая в небеса. Ты – смысл мироздания, и когда ты обретаешь смысл жизни, ты тем самым освещаешь Землю, а когда ты его теряешь, Земля погружается во тьму и разверзается бездна»*. И дальше: *«Я скажу тебе, каков смысл твоей жизни в этом мире: гуманизировать жизнь на Земле! Что это означает? Это значит – преодолевать боль и страдание, постоянно совершенствовать свои знания, любить ту реальность, которую ты сам создаёшь <...> Ты не исполнишь свою миссию, если не приложишь усилий для того, чтобы избавить от боли и страдания тех, кто тебя окружает. И если ты добьёшься того, что они, в свою очередь, тоже начнут гуманизировать жизнь на Земле, то ты откроешь новые горизонты их жизни»*.

Короче говоря, во «Внутреннем пейзаже» рассказывается о смысле жизни, применительно к борьбе с нигилизмом, как внутри каждого человека, так и в общественной жизни; книга призывает к тому, чтобы жизнь стала деятельностью, служащей гуманизации мира. Разумеется, в этой книге мы не говорим об сугубо личных решениях, просто потому, что их нет в социально-историческом мире. Те, кто думают, что их личные проблемы могут быть решены с помощью своего рода интроспекции или психологической процедуры совершают большую ошибку, потому что это действие по отношению к миру и к другим людям, конечно же действие со смыслом, то которое открывает выход ко всем решениям. А если кто-то скажет, что психологическая процедура может быть полезной, то в книге отвечается, что выгода может быть измерена только в контексте действия к миру, в перспективе его рассмотрения как вспомогательного инструмента согласованных действий. Наконец, в этой части рассматривается проблема времени и делается это аллегорическим образом. Это время проявляется в реальной темпоральности, действуя одновременно, а не как полагают наивное восприятие или многочисленные философские теории, в которых прошлое, настоящее и будущее не имеют структуры, а являются лишь чередой моментов, которые текут бесконечно «назад» и «вперед», не касаясь друг друга в качестве мгновений. В книге время жизни представлено как структура, в которой действует одновременно всё, что происходило в течение жизни, и то, что происходит в данное мгновение, а также то, что возможно будет у меня происходить в проекте, в более или менее обозримом будущем. В то время как будущее представляется мне в виде «ещё нет», оно определяет моё настоящее в соответствии с проектом, который я запускаю от моего «сейчас», от меня «в данный момент». Идея времени как структуры, а не просто как последовательности независимых мгновений, является интуицией, которая была у человека с древних времен, а он, слагая мифы и легенды, развивал её. Так, в вашей «Старшей Эдде» в «Прорицании вёльвы» в параграфах 19 и 20 мы читаем:

*«Ясень я знаю
по имени Иггдрасиль,
древо, омытое
влагою мутной;
росы с него
на доли нисходят;
над источником Урд
зеленеет он вечно.*

*Мудрые девы
оттуда возникли,
три из ключа
под древом высоким;
Урд имя первой,
вторая Верданди, –*

резали руны, –
Скульд имя третьей;
судьбы судили,
жизнь выбирали
детям людей,
жребий готовят» (<http://norse.ulver.com/src/edda/voluspa/ru.html>).

Таким образом, прошлое, настоящее и будущее являются не последовательными мгновениями, а структурными детерминантами ситуации. Так, во «Внутреннем пейзаже» мы читаем: *«Есть что-то странное в этих встречах, когда старик страдает оттого, что будущего уже почти нет, и поэтому он находит убежище в своём долгом прошлом. Мужчина страдает от своей сегодняшней жизни и ищет убежища в прошлом или в будущем (что зависит от того, где на него больше давят – впереди или позади). А юноша страдает оттого, что его короткое прошлое наступает ему на пятки, подгоняя к долгому будущему. Однако я узнаю в лице этих троих моё собственное лицо, и мне кажется, что любой человек, независимо от своего возраста, может пройти через все эти времена и увидеть в них несуществующие призраки. Может ли сохраниться до сегодняшнего дня то оскорбление, которое я получил в юности? Существует ли сегодня моя старость? Поджидает ли меня сегодня, в этой темноте, моя смерть? Любое страдание может быть вызвано воспоминанием, воображением или восприятием. Но благодаря этим трём дорогам, существуют мысль и чувство, и человеческое деяние. Но коль скоро эти дороги необходимы, они также могут стать и причиной разрушения, если они заражены страданием».*

В первых главах третьей книги – «Человеческий пейзаж» – разясняются понятия пейзажа и взгляда, который относится к этому пейзажу, ставиться под сомнение способ видеть мир и судить об установленных в обществе ценностях. В данной работе рассматриваются следующие вопросы: значение собственного тела и тел других людей, субъективность и любопытный феномен присваивания субъективности от другого человека. Следовательно, фрагментарное исследование разворачивается в главах о намерении: намерение в области образования; в рассказе, который делают об истории; в идеологиях; в насилии; в законе; в государстве и в религии. Книга не просто, как говорят критики, реагирующая, ведь для каждой обсуждаемой темы предлагаются новые модели. В «Человеческом пейзаже» мы стараемся обосновать действие-в-мире, переориентируя смыслы и интерпретации ценностей и институтов, которые, казалось бы, уже окончательно установлены. Что касается понятия «пейзажа», то оно является главным звеном нашей системы идей, в чём можно также убедиться, читая другие произведения, например «Психологию образа» и «Историологические дискуссии» – первую и вторую части книги «К вопросу о мышлении». Однако в данной книге идея «пейзажа» объясняется более скромно, в контексте работы, которая написана без претензии на строго научное мышление. Там сказано: *«Внешний пейзаж – это то, что мы воспринимаем извне; внутренний пейзаж – это то, что остаётся после просеивания воспринятых нами вещей через сито нашего внутреннего мира».* Никто лучше чем вы, дорогие исландцы, не может понять эти идеи. Несмотря на то, что человек всегда включён в определённый пейзаж, это не означает, что он осознаёт этот факт. Но когда мир, в котором живёт человек, проявляется как максимальный контраст, как невыносимое противоречие, как крайне нестабильное неравновесие, – то пейзаж становится как живая данность действительности. У обитателей огромных пустынь или бесконечных равнин есть нечто общее – их связывает то, что горизонт там, вдали, где земля сходится с небом и уже не понятно, где именно земля и где небо... Перед глазами – только ничем не прерываемая пустота. Однако существуют и другие места, где экстремальный лёд сталкивается с невыносимо жарким огнём, ледник – с вулканом, остров – с морем, окружающим его; где вода гейзером вскипает из земли и яростно рвётся ввысь. Там, где всё – контраст, всё – конечность, глаза, ища отдых, обращаются к неподвижным звёздам. И тогда в небесах начинается движение, возникают грандиозные полярные сияния, где боги танцуют, изменяя форму и цвет. Затем взгляд наших ограниченных глаз опять обращается во внутрь, творя мечты о гармоничных мирах, вечные мечты, мечты, в которых рассказываются истории об ушедших мирах в надежде на мир грядущий. Поэтому я думаю, что такие места – это пейзажи, где каждый житель является поэтом, хотя и не признаёт себя таковым; где каждый житель является путешественником, который несёт своё видение в другие дали. Таким образом, в другой мере и с другой конформацией, у каждого человека есть своя часть островитянина, потому что первоначальный пейзаж всегда накладывает свой отпечаток на воспринимаемое. Так как мы видим не только то, что находится напротив нас, то наши сравнения и даже наши открытия мы

делаем на основе того, что уже знали раньше. Таким образом, когда видим, мы тоже мечтаем, а затем принимаем то, что видели, как если бы это было самой реальностью.

Но понятие пейзажа имеет более широкое значение, так как это не только то природное, что мы видим вокруг, а также человеческое, социальное составляющее. Конечно, каждый человек воспринимает других людей через сито своей собственной биографии, ставя в образе другого больше, чем просто воспринимаемое. Согласно с этим, мы никогда не видим в реальности другого человека таким, каким он является на самом деле, а в виде определённой схемы, истолкования, возникшего от нашего внутреннего пейзажа. Внутренний пейзаж накладывается на внешний, который является не только природным, но и социальным и человеческим. Ясно, что общество меняется и поколения сменяют друг друга, а затем когда какое-либо поколение должно действовать, то оно делает это, пытаясь навязать ценности и интерпретации, сформированные в другой эпохе. Дела идут относительно хорошо в стабильные исторические эпохи, но в такие моменты с высокой динамикой, как нынешний, разрыв между поколениями усиливается, а мир в это время меняется у нас на глазах. Куда пойдёт наш взгляд? Что именно мы должны научиться видеть? В настоящее время стала популярной идея о необходимости «двигаться к новой форме мышления». Сегодня надо думать быстрее, так как всё идёт быстрее. Того, о чём только вчера мы подумали, как о непреложной реальности, сегодня уже нет. Итак, друзья, мы больше не сможем думать из нашего пейзажа, если он не станет динамичным и универсальным, если он не будет являться действительным для всех людей. Надо признать, что понятия «пейзаж» и «взгляд» смогут помочь продвинуться вперёд к той «новой форме мышления», которую требует настоящий процесс всё более стремительной мондиализации.

Возвращаясь к третьей книге «Человеческий пейзаж», можно сказать, что в ней тема общественных институтов, закона, государства становится всё более актуальной и что в формировании человеческого пейзажа полученное образование, существующие идеологии и концепция исторического момента, в котором человек находится, являются факторами, нуждающимися во внимании. Обо всём этом говорится в третьей книге не только в качестве критики, а прежде всего для того, чтобы предложить особую точку зрения на данную тематику, чтобы помочь взгляду в поиске иных объектов, чтобы научиться видеть по-новому.

Завершая эти комментарии, я хотел бы добавить, что три книги, входящие в «Гуманизировать жизнь на Земле», – это три последовательных момента: от самой глубокой интериорности мира снов и символов до внешнего и человеческого пейзажей. Это путешествие, своего рода скольжение точки наблюдения, начиная от самого личного пласта внутренней действительности и кончая открытостью к межличностному, социально-историческому миру.

На этом всё. Большое спасибо.

К вопросу о мышлении

4 октября 1990 г.

Культурный центр «Сан-Мартин» в Буэнос-Айресе
(Аргентина)

Комментировать только что изданную книгу «К вопросу о мышлении» выглядит, в принципе, как чисто техническая задача. И если именно это требуется от нас, то придётся сказать, что мы скорее всего постараемся выделить только главные, узловые моменты написанного, не дойдя до их чрезмерно строгого анализа. И ещё, сегодняшнее изложение у нас будет довольно краткое.

Данная книга, как известно, составлена из двух философских эссе по темам, казалось бы, связанным с Психологией и Историографией, так как сообщают их заголовки: «Психология образа» и «Историологические дискуссии». Но мы увидим, как эти два исследования сплетаются, так как они направлены на одну и ту же цель – заложить основу для построения общей теории человеческого действия, ещё недостаточно обоснованную сегодня. Когда мы говорим о теории действия, то имеем в виду не только понимание человеческого труда, как это делает праксеология Котарбинского, Сколимовского или вообще польская школа, у которой, кстати, есть заслуги в разработке темы *in extenso*. Скорее всего нас интересует понимание феномена возникновения действия, его значения и смысла. Конечно, можно возразить, что человеческое действие не требует теоретического обоснования; что действие является антиподом теории; что приоритеты общества на данный момент гораздо практичнее; что результаты действия оцениваются с точки зрения конкретных достижений, и что, в конце концов, это не время для теорий или идеологий, так как они продемонстрировали свою несостоятельность и окончательный крах, в результате чего, наконец, освободился путь для «конкретной реальности». Путь, который должен быть направлен к выбору наиболее подходящих обстоятельств для совершения «эффективных» действий.

Мешанина предыдущих возражений несомненно показывает прагматический фон, который, как мы хорошо знаем, проявляется как антиидеологическая позиция. Защитники данной позиции считают, что она не нуждается в доказательствах, и подтверждают, что её ценность – доказательство самой «реальности». Они ничего не говорят нам ни о том, что такое реальность, ни какими параметрами оценивается действие как «эффективное». Ибо если понятие «реальности» сводится к грубой проверке восприятия, мы остаёмся в рамках суеверия, которые наука опровергает каждым шагом своего развития. А если упоминается «эффективное действие», будет уместным, по крайней мере, уточнить: оценивается ли предполагаемый успех этого действия незамедлительно, непосредственно к моменту окончания самого факта, или считается, что его последствия продолжают развиваться даже тогда, когда действие закончено? Потому что, если мы говорим о первом случае, то не понятно, как это действие может быть связано со следующим, оставляя поле открытым для несогласованности или противоречия между действием момента *A* и действием момента *B*. А если, наоборот, существуют последствия каждого действия, то ясно, что оно может оказаться успешным в момент *A* и перестать им быть в момент *B*. В конце концов, на эту идеологию, которая делает вид, что не является идеологией, необходимо ответить путем отступления и даже идя на риск потери качества экспозиции. Потому что даже с ограниченной аргументацией она достигла определённой стабильности в качестве общественного убеждения, что порождает нежелательные реакции на такие концепции, как, например, ту, которую мы представляем сегодня.

Со своей стороны, мы понимаем значение теоретических формулировок о проблеме действия, которые обрамляют нашу концепцию среди идеологических позиций, понимая «идеологию» как набор мыслей, научных или нет, позволяющий интерпретировать определённую реальность. А с другой точки зрения, мы оставляем себе полную независимость от теорий, которые, рождённые в девятнадцатом веке, продемонстрировали свою неспособность не только на практике, но и, прежде всего, теоретически. Таким образом, крах идеологии XIX века ни в коей мере не умаляет, а скорее наоборот, увеличивает значение концепций, которые в настоящее время только что рождаются. Более того, мы говорим, что как «Конец идеологии» пропагандируемый Дэниелом Беллом в 1960-х годах, так и «Конец истории» объявленный недавно Фукуямой, отвечают на устаревшее мировоззрение, потому что, как правило, они закрывают дебаты, которые в идеологическом плане уже были исчерпаны в 1950-е годы. Конечно же, всё это было задолго до того, как некоторые эффектные

политические события нашего времени испугали тех, кто с задержкой заметил ход истории, поскольку они были загипнотизированы иллюзиями практического успеха. Так что этот старый прагматизм, корни которого уходят ко времени деятельности Метафизического клуба Бостона в 1870 г. и который Джеймс и Пирс изложили с интеллектуальной скромностью, их характеризующей, также давно потерпел поражение в идеологическом плане. И теперь, остаётся только увидеть ещё несколько эффектных событий, которые положат конец предположениям о «конце истории» и «конце идеологии».

Итак цель этой книги – заложить фундамент для построения общей теории человеческого действия. Выяснив её, мы переходим к наиболее важным пунктам первой части под названием «Психология образа». В ней мы стараемся обосновать гипотезу, согласно которой сознание не является продуктом или отражением воздействия окружающей среды; но с учетом условий, которые накладывает среда, сознание строит образ, или набор образов, способных мобилизовывать действия по отношению к миру и преобразовывать его. Производитель действия преобразуется с ним и в непрерывной обратной связи появляется структура субъект-мир, а не две отдельных структуры, которые местами взаимодействуют. Поэтому, когда мы говорим о «сознании», то делаем это в согласии с психологическим подходом, который выделяет тему образа; но и, в то же время, мы понимаем сознание как момент интериорности в открывании человеческой жизни-к-миру. Следовательно, надо понимать термин «сознание» в контексте конкретного существования, а не отдельно от него, как часто бывает в некоторых психологических течениях. В работе, о которой мы говорим, важным моментом является определение явления репрезентации со ссылкой на пространственность, именно потому, что благодаря этому человеческое тело может двигаться и, в конце концов, действовать в мире характерным ему образом. Если бы объяснение о рефлексках было достаточным для этого, то мы отчасти решили бы проблему; но дело в том, что отложенный, задержанный ответ на стимулы нуждается в более обширном понимании. А если мы говорим об отработке поведенческих ответов, когда человек размышляет и приходит к заключению, что надо действовать в одном направлении, а не в другом, – то тут уж учение о рефлексках ничего не объясняет.

Для изучения сознания, преобразовывающегося в поведение, мы изучили предысторию вопроса и отыскивали несколько учёных и мыслителей, среди которых выделяется Декарт, который в любопытном послании, направленном Кристине, королеве Швеции, говорит про точку соединения между мыслью и подвижностью тела. Почти триста лет спустя, Brentano ввёл в психологию понятие интенциональности (намерения), которые когда-то выделяли схоластики, комментируя работы Аристотеля. Но только начиная с Гуссерля это изучение интенциональности начинает носить комплексный характер, в частности в его книге «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии». Автор, ставя под сомнение данные из внешнего мира и даже из внутреннего мира человека, следуя наилучшим традициям строгого мышления, открывает путь независимости мышления по отношению к материальным явлениям. До этого момента мышление было в зажиме, который с одной стороны, представлял собой гегельянский абсолютный идеализм, а с другой – физико-естественные науки, к тому времени уже находившиеся в процессе быстрого развития. Гуссерль не остановился просто на изучении гилетических, материальных, данных; он выработал феноменологическую редукцию, уже не дающую возможности пути назад. Что касается пространственности представления в целом, то Гуссерль рассматривал её в качестве формы, от которой содержимое не может быть независимым. С другой стороны, он убедился, что цвет у всех визуальных образов не является независимым от протяжённости. И этот вывод имеет решающее значение, так как он определяет форму протяжённости как условие любого представления. Вот где это утверждение принимается нами в качестве теоретической основы для разработки гипотезы о пространстве представления.

Однако к сказанному требуются некоторые дополнительные объяснения, которые мы рассмотрим, хоть и поверхностно. Во-первых, мы должны понять ощущение как регистр, получаемый при появлении раздражителя из внешней или внутренней среды и который изменяет тон работы затронутого чувства. Во-вторых, мы понимаем восприятие как структурирование ощущений, проводимое сознанием в отношении определённого чувства или их набора. Мы знаем, что уже в самом базовом ощущении существует явление структуризации, но раз классическая психология приближается к этой теме, мы не будем излишне обсуждать приведённые выше определения. Наконец, мы говорим, что образ – это структурированная и формализованная репрезентация ощущений, или восприятий, которые приходят или пришли из внешней или внутренней среды, и что

именно из-за данного структурирования нельзя рассматривать образы лишь как пассивные «копии» ощущений, как это утверждала наивная психология.

В споре с атомистической психологией мы пришли к выводу, что как ощущения, так и восприятия и образы, являются формами сознания, и было бы правильнее говорить о «сознании ощущения», «сознании восприятия» и «сознании образа», без необходимости оставлять себя в аперцептивной позиции. Имеется в виду, что сознание меняет свой способ бытия, что сознание – это лишь способ «быть», например «возбуждённым» или «в ожидании» и т. д. Согласно идее интенциональности, совершенно понятно, что нет сознания, если не от чего-то, и что это «что-то» не может не быть представлено пространственно. И так как представление в качестве акта сознания всегда относится к представленному объекту, и они не разделяются между собой, поскольку составляют единную структуру, – то факт представления любого объекта включает соответствующий акт сознания в пространственность представления. И можно сколько угодно экспериментировать с внешними представлениями, основанными на пяти классических внешних чувствах, или с внутренними, с теми, которые исходят из внутренних чувств (кинестезии и сенестезии), но представление всегда будет выражаться пространственно. Кроме того, как пространственность ощущения и восприятия соотносится с «местами» тела, где расположены сенсорные датчики, так и соответствующие ре-презентации следуют по тому же пути. Представить, например, уже не существующую ныне зубную боль, значить стараться «восстановить» её в определённом месте полости рта, а не на ноге, например. Так же это относится и ко всем представлениям. Но вот где возникает одна из самых интересных проблем. Образ может быть изменён таким манером, что воссоздание исходного объекта, в конце концов, сделает его неузнаваемым. Данное «искажение» рассматривалось наивной психологией как одним из основных недостатков образа. Идея представителей этого подхода была ясной: если образ был простой копией ощущения, который служил памятью, чтобы вспомнить, то есть образ был орудием того, что они называли «свойством памяти», то любое искажение стало почти грехом против «природы», который должны были исправить психиатры того времени активным лечением всякий раз, когда несчастные люди выходили за пределы «в изменении реальности». Шутки в сторону, понятно, что натурализм вторгся в психологию и искусство, политику и экономику, и иначе быть не могло. Но вот этот «дефект» образа, его способность искажаться, преобразоваться и, в конце концов, переводиться (как в сновидениях) от одного источника раздражителей до другого, показывает не только пластичность явления, но и его экстраординарную активность.

Понятно, что развитие каждой представленной идеи выходит за пределы сегодняшнего выступления, поэтому мы вернёмся к первоначальному намерению показать наиболее важные моменты данного исследования. Среди других, мы обнаружили явление, показывающее действие образа на разных уровнях сознания; действие, порождающее различные двигательные реакции в соответствии с интериоризацией или экстериоризацией образа в пространстве представления. Сказанное можно подтвердить следующим: когда один и тот же образ, побуждающий во время бодрствования руку к движению, на уровне сна интернализируется, то он уже не может двигать её, за исключением необычных случаев изменённых состояний сознания во сне или сомнамбулизма, когда образ экстернализируется в пространстве представления. Иногда даже на уровне бодрствования сильный эмоциональный удар провоцирует эффект того, что образ бегства или отталкивания интернализируется настолько, что в конце концов тело становится парализованным. И наоборот, в изменённых состояниях сознания можно увидеть, как проекция образов, то есть галлюцинации, активизируют деятельность тела в соответствии с сенсорными источниками, которые транслируются и переводят переработанное содержимое из внутреннего мира человека. Таким образом, расположение образа в разных позициях и глубинах пространства представления вызывает активность тела. Но надо помнить, что речь идёт об образах, выработанных на основе импульсов различных групп чувств, будь то внешние или внутренние, так что сенестетические образы, если они действуют в соответственной глубине и расположении, будут вызывать абреакции или соматизации в интралеле; и, соответственно, кинестезия, в конечном итоге, будет действовать «изнутри» так, чтобы провоцировать движение тела. Но поскольку кинестезия относится к явлениям интериорности, то в каком направлении будет двигаться тело? Оно будет следовать по траекториям, которые «рисуют» другие репрезентации, соответствующие внешним чувствам. Наоборот, если представить мою протянутую вперёд руку, то я смогу убедиться, что она не переместится с помощью этого простого факта. Я буду задавать направление (как показывает экспериментальное изменение мышечного

тонуса), но рука будет двигаться только тогда, когда визуальный образ переведётся в кинестетический.

Далее мы рассмотрим вопросы о природе пространства представления и понятиях соприсутствия, горизонта и пейзажа в системе представления, ничего нового не добавив к тому, что было сказано в третьем и четвёртом пунктах третьей главы «Психологии образа», за исключением того, что касается вывода в данной работе:

«Таким образом, речь у нас шла не о пространстве представления, бытующим самостоятельно, и не об умственном квазипространстве. Мы говорили о том, что представление как таковое не может быть независимым от пространственности, из чего вовсе не следует утверждение о том, что представление занимает какое-то пространство. Мы всего лишь имеем в виду форму пространственного представления. Итак, когда мы не упоминаем о представлении, а говорим о "пространстве представления", мы делаем это потому, что рассматриваем совокупность внутренних восприятий и образов, которые задают регистр и тон тела и сознания так, что я узнаю себя как "я", узнаю себя как "целое", несмотря на ощущения течений и изменений. Таким образом, это "пространство представления" является таковым не потому, что представляет собой некий пустой контейнер, который должен быть наполнен явлениями сознания, а потому, что по своей природе оно является представлением, и когда возникают определённые образы, сознание может представить их только в форме протяжённости. Мы также могли бы сделать упор на материальном аспекте представляемой вещи, имея в виду её субстанциональность, что вовсе не означало бы трактовку образа в смысле физики или химии. В этом случае мы имели бы в виду гилетические, материальные данности, которые не являются самой материальностью. Никому в голову, конечно, не придёт мысль о том, что сознание имеет цвет, или о том, что это расцвеченный "континент", взяв за основу, что зрительные образы – цветные.

Однако здесь есть одна трудность. Когда мы говорим о наличии в пространстве представления разных уровней и глубин, разве мы имеем в виду объёмное, трёхмерное пространство или же утверждаем, что структура восприятия-представления моей синестезии представляется мне объёмной? Вне всякого сомнения, речь идёт о втором случае, и именно благодаря этому представления могут появляться вверху или внизу, справа или слева, впереди или сзади, вовне или внутри, а "взгляд" наблюдающего за представлением также занимает место по отношению к образу в определённой перспективе.

Мы можем рассматривать пространство представления как "сцену", на которой даётся представление, исключая из неё упомянутый "взгляд". Очевидно, что на такой "сцене" разворачивается структура образов, которая имеет или имела многочисленные перцептуальные источники, а также восприятия предыдущих образов.

«У каждой структуры представления имеется множество альтернатив, которые, не развёртываясь полностью, действуют соприсутствуя, в то время как на "сцене" проявляется представление. Конечно, мы здесь не говорим о "явных" и "латентных" содержаниях, как не говорим и об ассоциативных путях, уводящих образ в том или другом направлении».

Давайте рассмотрим пример: когда я представляю один объект моей комнаты и в «сцене» возможно не присутствуют другие объекты из той же области, то они соприсутственно сопровождают представленный объект. Они включены в ту же область, в которой объект; и благодаря тому, что в эту область включены и другие не присутствующие объекты, я могу по очереди представить тот или другой объект, всегда в пределах той области, что я обозначаю как «мою комнату». Таким же образом области структурированы в виде наборов не только образов, а также значений, выражений и отношений. Каждая область, или их набор, можно различать благодаря «горизонтам», своего рода границам, которые дают мне психическую локализацию, а также позволяют мне передвигаться по различным психическим временам и пространствам.

Далее в книге: *«Когда я воспринимаю внешний мир, когда ежедневно действую в нём, я конституирую его не только представлениями, позволяющими мне узнавать и действовать, но также и соприсутствующими системами представлений. Этот структурированный мною мир я называю "пейзажем" и убеждаюсь, что восприятие мира всегда есть узнавание и интерпретация действительности в соответствии с моим пейзажем. Мир, принимаемый мною за самую действительность, есть моя собственная биография в действии, а моё трансформирующее действие в мире есть моя собственная трансформация. Поэтому, когда я говорю о своём*

внутреннем мире, я также говорю о своей интерпретации этого мира и о трансформации, которую я в нём осуществляю».

«Проводимые нами до сих пор различия между "внутренним" пространством и "внешним" пространством, которые основывались на регистрах предела, устанавливаемого синестетическо-тактильными восприятиями, становятся невозможными, когда речь заходит об этой глобальности сознания в мире, сознания для которого мир представляет собой его "пейзаж", а "я" – его "взгляд". Данный способ бытия сознания с миром есть, в основном, способ действия в перспективе, и его непосредственным пространственным референтом является само тело, а не только интралело. Однако дело в том, что тело, будучи объектом мира, в то же время является объектом пейзажа и объектом трансформации. В конечном счёте, тело становится протезом человеческой интенциональности. Если образы позволяют узнавать и действовать, сообразно с тем, как складывается структура пейзажа у индивидуумов и у народов; сообразно с тем, какими будут их потребности (или с тем, что они будут считать своими потребностями), в соответствии с этим они и будут стремиться преобразовывать мир».

Завершая эти комментарии по «Психологии образа», я добавлю, что в конфигурации любого пейзажа, сопредельствуя, действует титическое содержание, своего рода убеждения или отношения между убеждениями, которые не могут быть рационально поддержанными и которые, сопровождая каждую формулировку и каждое действие, являются фундаментом для человеческой жизни и её развития.

Следовательно, будущая теория действия должна будет объяснить, как возможно действие, начиная от его простейшего выражения; как это, что человеческая деятельность является не просто отражением условий, и как это, что действие, преобразующее мир, трансформирует также и его производителя. Окончательные выводы не будут индифферентными, как не будут ими также и направления, по которым можно будет дальше работать, не только с точки зрения будущей этики, но и с перспективы возможностей человеческого прогресса.

Теперь мы быстренько переходим к комментариям второй части данной книги.

В «Историологических дискуссиях» мы стараемся изучать предпосылки, которые должны быть выполнены для обоснования того, что мы называем «Историологией». Для начала дискуссии мы ставим под сомнение тот факт, что названия «Историография» или «философия истории» могли бы в дальнейшем быть полезными, потому что их использовали с такими разными значениями, что очень трудно понять определение объекта, к которому они относятся. Термин «Историология» придумал Ортега-и-Гассет ещё в 1928 году в своей работе «Философия истории Гегеля и историология». В нашем произведении в примечании мы цитируем Ортегу-и-Гассета: *«В современных нам историографии и филологии неприемлемым является именно несоответствие между точностью, характеризующей процедуры получения и обработки данных и не строгостью, большие того, интеллектуальной нищетой в том, что касается использования конструктивных идей. Против такого положения дел в царстве истории, собственно говоря, и восстаёт историология. Она исходит из убеждения, что история, подобно любой другой эмпирической науке, должна, прежде всего остального, являться конструкцией, а не «агрегатом» <...> И сотой доли уже собранных и подготовленных фактов, ждущих своего удела, достаточно для того, чтобы выработать нечто наукоподобное, намного более подлинное и содержательное, чем та порция (подлинности и содержательности), которую демонстрируют книги по истории».*

Итак, продолжая дискуссию, начавшуюся давно, в нашем эссе мы обсуждаем Историологию в смысле интерпретации и построения последовательной теории, в которой сами по себе исторические данные не могут накладываться друг на друга или ставиться просто в виде «хроники» событий, поскольку в противном случае исторический факт опустошается, теряя всякий смысл. Требование о существовании Истории (с большой буквы), далёкой от всякой интерпретации, – это тот же нонсенс, который уже аннулировал многочисленные усилия предыдущей историографии.

В данной работе, начиная с Геродота, исследуется видение исторического факта с той поры, как включили пейзаж историка в историческое описание. Таким образом, мы обнаружили не менее четырёх видов искажений исторических взглядов. Во-первых, это форма намеренного включения момента, в котором живёт историк, для того чтобы выделить или минимизировать определённые факты в соответствии с перспективой учёного. Этот эффект наблюдается в презентации исторического рассказа и влияет на передачу как фактов, так и мифов, легенд, религии или

литературы, которые служат в качестве источника. Второй вид искажения – это манипулирование источниками, которое из-за его очевидности, не нуждается в комментарии. В-третьих, это упрощение и стереотипизация, которые позволяют подчеркнуть или дисквалифицировать факты в соответствии с более или менее общепринятой моделью. Такова экономия усилий у создателей и читателей таких произведений; в результате нередко возникают и широко распространяются произведения, имеющие, конечно, минимальное научное значение. В таких работах достоверная информация часто заменяется «рассказами», «слухами» или информацией из вторых рук. А что касается четвертой деформации, то она относится к «цензуре», находящей иногда не только на конце пера историка, но и в голове читателя. Данная цензура не позволяет распространяться должным образом новым точкам зрения, потому что сам исторический момент с его набором убеждений образует барьер, так что только время или драматические события, которые опровергают общепринятое, позволяют преодолеть его.

В этих «Дискуссиях» мы, вообще, показали трудности, существующие при оценке опосредованных событий, но нас гораздо более беспокоит, когда выясняется, что даже в случае собственной истории, своей биографии субъект рассказывает себе или другим людям несуществующие или явно искажённые события; все это, в свою очередь, неминуемо в рамках своей системы интерпретации. Если это так, что же будет с событиями, которые не были прожиты историком и являются составной частью того, что мы называем «опосредованной историей». Во всяком случае, это не обязательно приведёт нас к историческому скептицизму, потому что мы признали необходимость конструктивной историологии, той которая выполняла бы определённые условия, чтобы могла бы рассматриваться как полноценная наука.

Дискуссии продолжают, но теперь в ключе того, что мы называем «концепцией Истории без темпорального фундамента». В связи с этим, мы говорим следующее в первом параграфе второй главы нашей работы: *«В многочисленных системах, в которых Историология присутствует в зачаточном виде, главные усилия направлены на то, чтобы обосновать даты событий, привязанные к принятому календарю, а также на исследования вопросов, как произошли те или иные факты, почему именно так или как должно было бы случиться, но при этом упускается из виду, что же такое "случиться" и как вообще возможно, чтобы что-то происходило»*. Все те, кто взял на себя построение подлинных храмов Философии истории, поскольку они не ответили на фундаментальный вопрос о природе «событийности», представили нам историю общепринятых дат и фактов, но без темпорального измерения, необходимого для того, чтобы её воспринимать. В целом, мы отмечаем, что преобладающим в понятии времени было то, что характерно для наивного восприятия, где события разворачиваются без структурности и в линейной последовательности от более ранних явлений к более поздним, где каждое событие стоит «рядом друг с другом»; не понимая, как одно мгновение превращается в другое, не воспринимая, в конце концов, внутреннюю трансформацию событий. Потому что слова о том, что событие переходит из момента *A* в момент *B*, и так далее, до момента *N*, двигаясь из прошлого через настоящее и проецируясь в будущее, говорят только о местоположении наблюдателя в темпоральности обычного расположения дат, показывая восприятие времени самого историка, создающего пространственное расстояние между собой и тем, что находится «сзади»; между собой и тем, что расположено «впереди», – таким же образом, как часовая стрелка придаёт времени пространственность, чтобы показать, как оно течёт. Это не трудно понять, уяснив, что всякое восприятие и всякое представление даётся в виде «пространства». Однако почему время течёт от момента, который находится «сзади», к другому, «впереди»; а не идёт, например, в обратном направлении или непредсказуемыми «прыжками»? Вопрос не может быть решён с помощью простого высказывания: «Потому что это так!» Если каждое «сейчас» является, «по обоим сторонам» неопределённой чередой мгновений, то можно прийти к выводу о бесконечности времени; а если принимать предполагаемую «действительность», то человек отводит взгляд от конечности своего существования. Он живёт с присутствием убеждения, что его делание бесконечно, хотя, внутренне соприсутствуя, он понимает, что жизнь конечна. Таким образом, «то, что надо делать» ускользает от смерти каждую минуту, так что человек «имеет» больше или меньше времени для определённых вещей, потому что «иметь» относится к «вещам», и само течение жизни становится вещью – так оно натурализуется.

Натуралистическая концепция времени, от которой до сих пор страдали историография и философия истории, основана на убеждении пассивности человека в формировании исторического времени. Таким путём, дошли до того, что стали рассматривать человеческую историю как «отражение», эпифеномен, или простой шкиф для передачи природных событий. И когда, в

кажущемся будто бы скачке от естественного к социальному, заговорили о человеческом обществе как производителе исторического факта, то продолжалось распространение натурализма, согласно которому общество было представлено «пространственно» в рамках наивного видения времени.

При строгом размышлении можно придти к пониманию, что во всех видах человеческой деятельности времена не проходят «естественно», а структурно действуют моменты прошлого, настоящего и будущего. Таким же определяющим является то, что произошло, в виде памяти и накопленного знания, как те проекты, к которым человек стремится своими текущими действиями. Факт, что человек не обладает «природой», как это присуще какому-либо объекту, и факт, что его *намерение* старается преодолеть естественные условия, показывают радикальную историчность человека. Человек – это то существо, которое составляет и строит самого себя посредством своих действий-в-мире, придавая этим самым смысл и своему собственному бытию, и абсурду неинтенциональной природы. Конечность, с точки зрения как и времени, так и пространства, присутствует как первое абсурдное, бессмысленное условие, которое природа накладывает на жизнь человека с недвусмысленными переживаниями боли и страдания. Борьба с этим абсурдом, преодоление боли и страдания, – это то, что придаёт смысл длительному процессу истории.

Мы не будем продолжать здесь трудные и пространные дебаты на темы темпоральности, человеческого тела и его трансформации и как природа с каждым днём всё больше становится протезом общества. Резюмируем только основные идеи, которые в форме гипотез представлены в этой статье.

Вначале изучаются исторические и социальные составляющие человеческой жизни для определения внутренней темпоральности и её трансформации, далёкой от линейной последовательности событий, что «рядом друг с другом». Далее, в одной и той же исторической среде обнаруживается сосуществование поколений, которые родились в разное время и чьи пейзажи формирования, опыт и проекты не являются однородными. Диалектика поколений, то есть борьба за контроль авансцены социального пространства, ведётся между временными аккумуляциями, в которых превалирует либо прошлое, либо настоящее, или будущее, где данные аккумуляции представлены разными поколениями. В свою очередь, пейзаж каждого поколения с его субстратом убеждений побуждает его действия к миру. Но тот факт, что рождение и смерть поколений являются биологическими явлениями, не позволяет нам биологизировать их диалектику. Таким образом, в многочисленных исторических анализах находятся обоснованные возражения против наивной концепции поколений, согласно которой существуют «молодые революционеры, консервативные люди среднего возраста и реакционные – старшего». Если не обратим внимание на данные возражения, то станем жертвами нового натуралистического мифа, для которого характерно прославление молодежи. В каждый исторический момент направление диалектики поколений будет определено характером проекта, который соответствующее поколение запустит в будущее, то есть трансформация или консервация. Кстати, на одном и том же историческом этапе сосуществует более трёх поколений, но активная роль принадлежит тем, которые упомянуты выше, а не «соприсутствующим» поколениям, то есть детям и пожилым людям. Данный исторический континуум показывает нам темпоральность в действии и позволяет нам воспринимать человеческие существа как главных героев своей истории.

Наконец, понимая функционирование темпоральности, мы выделяем в этих «Исторических дискуссиях» некоторые элементы, которые вместе с теми, что мы изучали в «Психологии образа» касательно пространства представления, позволяют нам создать необходимые предпосылки для обоснования цельной теории действия.

На этом всё, большое спасибо.

Универсальные коренные мифы

18 апреля 1991 г.

Культурный центр Сан-Мартин в Буэнос-Айресе
(Аргентина)

Перед началом комментариев к книге «Универсальные коренные мифы» я хотел бы объяснить, какие причины побудили меня написать её и как она соотносится с моими предыдущими работами.

В первую очередь – причины.

Я обратился к мифам различных культур с целью, более характерной для социальной психологии, чем для сравнительной религии, этнографии или антропологии. Я задался вопросами: почему бы не проверить старые мыслительные системы, чтобы, не будучи тесно связанными ими, мы могли бы узнать гораздо больше о себе? Почему бы не войти в мир верований других людей, которые, несомненно, сопутствовали важным жизненным позициям? Почему бы не стать более гибким, чтобы на основе этих мифов можно было понять, почему сегодня теряют устойчивость наши основные убеждения? Таковы были мои вопросы, когда я обратился к шедеврам в области мифов. Естественно, мы могли бы проследовать за нитью истории образования общественных институтов, идей или искусств, чтобы попытаться достичь основ верований разных культур и эпох. Но тогда ни в коем случае мы не обнаружили бы столь чистые и непосредственные явления, как те, которые предоставляет нам мифология.

Первоначальный проект книги состоял в том, чтобы представить мифы разных народов в сопровождении кратких комментариев или примечаний, которые не являлись бы вмешательством, интерпретацией. Начав, я столкнулся с рядом трудностей. Сперва я должен был ограничить свои порывы, так как мне нужно было обратиться к исторически правдивым текстам, отбросив другие, в которых собран более старый материал или комментарии, содержащие многочисленные искажения. Конечно, данную проблему я не мог решить, даже ограничив поиск материалов из первоначальных источников и перейдя на те, благодаря которым до нас дошла соответствующая информация. Кроме того, я не мог обратиться к устной традиции, с помощью которой нынешние исследователи собирают информацию в закрытых коллективах. К этому отказу я пришёл после того, как обнаружил определённые методологические трудности, пример которых я процитирую из Мирча Элиаде. В книге «Аспекты мифа» он говорит: *«В сравнении с мифами, повествующими о конце мира в прошлом, мифы, рассказывающие о конце мира в будущем, до удивления мало распространены у первобытных народов. Как замечает Ф.Р. Лееман, это, возможно, результат того, что этнологи не ставили этот вопрос в своих исследованиях. Иногда трудно уточнить, относится ли миф к катастрофе будущей или прошедшей. По свидетельству Е.Г. Мена, андаманды считают, что после конца мира возникает новое человечество, наслаждающееся райской жизнью: не будут ни болезней, ни старости, ни смерти. Мёртвые воскреснут после катастрофы. Но, по мнению А. Редклифа Брауна, Мен, по-видимому, соединил несколько версий, полученных из разных источников. В действительности, уточняет Редклиф Браун, речь идёт о мифе, в котором говорится о конце Света, но этот миф относится только к прошлому, а не к будущему. Но, так как, по свидетельству Леемана, язык андаманов не имеет будущего времени, то нелегко решить, идёт ли речь о событии прошедшем или будущем»* (http://yanko.lib.ru/books/sacra/eliade-aspektu_mifa.pdf, гл. 4, стр. 29). В этих замечаниях, сделанных Элиаде, фигурируют, по крайней мере, три аргумента исследователей, касающиеся одного и то же мифа:

1. Опросы субъектов коллектива были неправильно сформулированы.
2. Информационные источники не однородны.
3. В языке, на котором написан текст, нет соответствующего времени, а суть проблемы как раз заключается в понимании именно темпорального мифа.

Недостатки такого типа, к которым добавились и многие другие, помешали мне воспользоваться громадным объёмом информации, поступающей сегодня от полевых исследователей. Таким образом, я не мог включить в запланированную работу мифы из Чёрной Африки, Океании, Полинезии и даже те, что из Южной Америки.

При использовании древних текстов я обнаружил большие документальные диспропорции. Например, из шумеро-аккадской культуры у нас есть великая поэма о Гильгамеше в почти полностью завершённом виде, а прочие фрагменты, ни в коем случае не достигшие такой литературной высоты. В свою очередь, индийская культура подавляет нас огромным количеством произведений. Для достижения минимального баланса я решил взять небольшие «образцы», характерные для данной культуры. Таким образом, используя шумеро-аккадскую и ассииро-вавилонскую модели, я уменьшил обильный творческий материал других народов и, в конечном итоге, оставил перед глазами читателя наиболее значимые, на мой взгляд, мифы десяти различных культур.

Исходя из сказанного, я должен признать, что на выходе оказалась довольно неполная работа, но, по сути, все-таки удалось выделить один важный момент в системе исторических верований. Я имею в виду то, что я называю «коренной миф», разумея его как ядро мифической идеации; что, несмотря на деформации и изменения сцены, где развивается его деятельность, несмотря на вариации имён персонажей и вторичных атрибутов, он передавался от народа к народу, сохраняя при этом более или менее нетронутым свой основной мотив и достигая, таким образом, универсальности. Двойная характеристика определённых мифов как «коренных» и «универсальных» позволила мне сконцентрировать тему и взять для работы только выполняющие данные условия. Это никак не означает, что можно отрицать существование других ядер, которые не представлены в настоящем изложении. Итак, я постарался ответить на вопрос о причинах, которые привели меня к написанию этой книги, прокомментировав также трудности для достижения первоначально поставленной цели.

Но есть ещё вопросы, которые необходимо прояснить. Я имею в виду второй вопрос, который задавал в начале, о соотношении данной работы с моими предыдущими произведениями.

Я думаю, многие из вас читали «Внутренний взгляд», а некоторые, наверное, также «Внутренний пейзаж» и «Человеческий пейзаж». Вы наверняка помните, что те три книги, написанные в разное время, были собраны под общим названием «Гуманизировать жизнь на Земле». Поэтическая проза позволила мне тогда совершить плавный переход точки зрения так, чтобы, начиная от душевного мира индивида, полного символов и аллегорий, повествование выходило бы на межличностный, социальный и исторический пласты. На самом деле, в основе этого произведения лежала та же концепция, которая затем развивалась в последующих работах, хоть и в различных стилях и с разными перспективами. В «Направляемых опытах жизни» есть набор коротких рассказов, что позволило мне создать много сцен, где можно было рассмотреть различные проблемы повседневной жизни. Войдя через более или менее нереальный «вход», читатель мог передвигаться по разным сценам, в которых аллегорически он сталкивался с жизненными трудностями. Затем следовал литературный «узел», который повышал общую напряженность сцены; потом развязка узла и, наконец, «выход» или благополучный конец. Основные идеи «Направляемых опытов» были таковы:

1. Так же, как во сне появляются образы, аллегорически выражающие глубокие напряжения, так и в повседневной жизни происходят подобные явления, которым мы не уделяем достаточно внимания; я имею в виду грезы и рассеянные мысли, которые, превратившись в образы, несут психические заряды и выполняют функции, имеющие большое значение для нашей жизни.

2. Образы, не только визуальные, позволяют телу двигаться в том или ином направлении; то есть существуют образы, соответствующие различным внешним чувствам, и они позволяют открыть сознание к миру путём мобилизации тела. Тем не менее, поскольку существуют и внутренние чувства, то соответственно производятся и образы, заряд которых передаётся во внутрь, при этом напряженность в интралеле уменьшается или увеличивается.

3. Вся биография, то есть память человека, также действует посредством образов, связанных с различными напряжениями и психологическим климатом, вместе с которыми они были «записаны».

4. Данная биография постоянно действует на нас, и, следовательно, в каждом новом восприятии мы принимаем мир не пассивно, а через сито «пейзажа», заранее составленного биографическими образами. Таким образом, повседневно мы совершаем различные действия, «покрывая» мир нашими мечтаниями, навязчивыми ощущениями и самими глубокими устремлениями.

5. Действие или ингибирование действия к миру тесно связано с темой образа, так что преобразование образа также является важным ключом к поведенческим изменениям. Если можно

трансформировать образы и передавать их заряды, то напрашивается вывод, что в таких случаях происходят изменения и в поведении.

6. В сновидениях и грёзах, в художественных произведениях и мифах появляются образы, отвечающие за жизненные напряжения и «биографии», как индивидов, так и народов. Такие образы направляют поведение, как индивидуальное, так и коллективное, в зависимости от обстоятельств.

Шесть высказанных идей легли в основу «Направляемых опытов жизни», поэтому многие читатели нашли в примечаниях книги сопроводительный материал, переработанный из древних легенд, рассказов и мифов, но применительно к отдельному читателю или, возможно, небольшим группам тех, кто разделяет эти опыты.

Моё недавнее произведение «К вопросу о мышлении» относится к категории философского эссе. В двух работах книги изучается соответственно Психология образа (в некой квази-теории сознания) и тема Истории. Объекты исследования, на самом деле, очень разные, но в конечном счете, тема «пейзажа» и эпохальных предпредикатов, то есть убеждений, является точкой пересечения обеих работ. Очевидно, что настоящее произведение, «Универсальные коренные мифы», тесно связано с предыдущими работами, хотя здесь упор сделан на коллективные образы и, кроме того, снова изменён литературный стиль. В связи с этим, позвольте мне добавить, что, на мой взгляд, время, в котором мы живём, не подходит для произведений систематического характера и однородного стиля. Я думаю, что наоборот, время призывает к диверсификации, чтобы новые идеи достигали бы своего предназначения.

Книга «Универсальные коренные мифы» основана на той же концепции, что и мои предыдущие работы. Я думаю, что любое новое произведение сохранит эту идеологическую преемственность, несмотря на то, что оно касалось бы различных предметов, а литературные стиль и жанр поменялись бы в очередной раз. Итак, я постарался объяснить и синтезировать причины, которые привели меня к нынешней работе, и отношения, которые она поддерживает с предыдущими.

Пришло время войти в поток Коренных мифов.

Использование слова «миф» было разнообразным. Его начали использовать 2500 лет назад, со времён Ксенофана Колофонского, для того чтобы отклонить те выражения Гомера и Гесиода, которые не относились к доказанным фактам или приемлемым истинам. Позже понятие «*mithos*» стало противоположным «*logos*» и «истории», которые объясняли или рассказывали о событиях, происходивших на самом деле. Постепенно миф потерял свой сакральный характер и стал таким, как басня или фантастика, даже когда рассказывал о богах, в которых люди ещё верили в ту эпоху. Также греки были первыми, которые попытались досконально понять это явление. Некоторые использовали для этого своего рода метод аллегорической интерпретации, искали основные причины, лежащие под мифическим прикрытием. Таким образом, они думали, что эти фантастические произведения были зачатками, объясняющими физические законы или природные явления. Но уже в александрийском гностицизме и в христианских святоотеческих учениях были попытки понять миф как аллегоризацию некоторых реалий, в те времена типичные для души, а говоря современным языком – характерные для психики. Используя второй метод толкования, были попытки проследить историю зарождения цивилизации. Так, боги были лишь как расплывчатые воспоминания, где древние герои были подняты из их состояния смертных существ. Следовательно, в рассказах о событиях также было чрезмерно преувеличено значение исторических фактов, которые на самом деле были гораздо скромнее. До нас дошли оба подхода, использовавшиеся для понимания мифа (хотя, конечно, были и другие). В основе обоих случаев лежит идея о «деформации» фактов и её привлекательности для наивного сознания. Конечно же, мифы использовались великими греческими трагиками, а в некоторой степени театральный жанр зародился из репрезентаций мифических событий. Но в этом случае очарование для зрителя было эстетическим; людей затрагивало художественное качество постановки, а не то, что они верили этим мифическим репрезентациям. Так было в орфизме, пифагореизме и неоплатонических течениях, где миф приобрёл новое значение: мифу приписывалась некая способность душевной трансформации тех, кто вступает в контакт с ним. Таким образом, посредством мифических сцен представители орфизма постарались добиться некоего «катарсиса», внутреннего очищения, которое позволило им в дальнейшем достичь более глубокого понимания в сфере идей и эмоций.

Как можно заметить, все эти интерпретации дошли до нас и стали частью идей, которые безоговорочно принимаются сегодня как специалистами, так и широкой общественностью. На самом

деле, на Западе долгое время греческие мифы были глубоко в тени, пока вместе с гуманистами в эпоху Возрождения, а затем во время европейских буржуазных революций они снова не вышли на сцену. Восхищение классиками заставило ученых вернуться к греческим источникам. Эти источники затрагивали и искусство, таким образом греческий миф продолжал действовать. Вновь и вновь преобразовываясь, он встроился в основание новых дисциплин, изучающих человеческое поведение. Особенно в глубинную психологию, которая родилась в Австрии и до сих пор пропитана неоклассицизмом; она является наследницей этих древних течений, хотя уже испытывает влечение к романтическому иррационализму. Неудивительно, что темы Эдипа, Электры и т. д. были взяты из греческих трагедий и что на их основе объяснялось функционирование психики. Применялись также и катарсические приёмы драммы, согласно орфической концепции.

Необходимо отличать миф от легенды, саги, рассказа и басни. В случае легенды, действительно, история становится деформированной благодаря традиции. Эпическая литература богата примерами такого рода. Что касается рассказа, то авторы, такие как Ян де Фрис, считают, что он отдалёлся от легенды, а в его содержание введены элементы фольклора, с помощью которых история обогащается. Ну а сага приближается к рассказу, обычно с трагическим концом, между тем как рассказ ведёт к счастливому концу.

Во всяком случае, как в пессимистичной саге, так и в оптимистическом рассказе, часто вводятся мифические элементы без сакрального содержания (десакрализованные). Совсем другой жанр – это басня, в которой под видом фантастики скрывается моральный принцип. Данные элементарные различия позволяют нам рассмотреть, согласно нашей преспективе, отличительные черты мифа, видя в нём присутствие богов и их действия, даже если они осуществляются через людей, героев или полубогов. Поэтому, когда мы говорим о мифах, то обращаемся также к сфере божественного присутствия, в которое люди верят и которое распространяется на все составные элементы мифа. Совсем другое дело – обращаться к тем же богам, но в десакрализованной атмосфере, где вера превратилась, например, в эстетическое наслаждение. Отсюда большая разница между презентацией мифологии как ныне часто делается, когда описываются древние верования экстернализованным и формальным образом, и сакрализованным представлением «изнутри» атмосферы, в которой был создан миф. В нашей работе мы придерживались второй позиции, и именно на этом основано наше уважение к исходным текстам.

Продолжая разговор о различиях, я должен объяснить, что ни в обрядовых ни в церемониальных аспектах мы не влезали в живые религии, безусловно, сопровождавшие мифы. Мы не вникали в христианство, ислам или буддизм, ограничившись представлением некоторых глубинных мифов иудаизма, индуизма и зороастризма, чтобы разобраться в том сильном влиянии, которое мифические образы оказали на религии. Таким образом, я думаю, что идея универсального коренного мифа сделалась полноценной.

Но в наше время в просторечии слово «миф» говорит о двух разных реальностях. С одной стороны, фантастические рассказы о богах разных культур, а с другой – то, во что люди крепко верят, но в действительности это ложное. Очевидно, что оба значения имеют общее представление: определённые убеждения глубоко укоренились, а рациональное опровержение их с трудом пробивает себе дорогу. Таким образом, мы удивляемся, как просвещённые мыслители древности были в состоянии поверить в истории, которые наши дети слушают как сказки перед сном. Вера в плоскую землю или в геоцентризм вызывает снисходительную улыбку, так как мы понимаем, что такие теории были не более чем мифами, объясняющими реальность, о которой научная мысль тогда ещё не успела сказать своего веского слова. И поэтому, когда мы обращаемся к некоторым понятиям, в истинности которых мы были убеждены несколько лет тому назад, нам остаётся только краснеть от воспоминания о нашей наивности, но в то же время нас захватывают новые мифы, и мы не осознаём, что страдаем от того же явления, что было прежде.

Поэтому в нынешний момент сногосшибательного изменения нашего мира мы уже знакомы с заменой некоторых убеждений о личности и об обществе, которые люди считали истиной в последней инстанции не более, чем пять лет тому назад. Я говорю «убеждений», а не теорий или доктрин, потому что хотел бы выделить ядро предпредикатов, предрассудков, которые действуют до разработки более или менее научных схем. Таким же образом, как новые технические разработки сопровождаются такими выражениями, как «фантастика» или «невероятно», что эквивалентно устным аплодисментам, мы привыкли слушать распространённое выражение «невероятно» в связи с политическими изменениями, падением идеологий, поведением лидеров и влиятельных лиц,

поведением обществ. Но во втором случае, выражение «невероятно» не совпадает с изумлением перед технической новизной, а скорее отражает удивление и огорчение явлениями, которые считались невозможными. Да, большая часть наших современников верила в то, что ситуация была другая и они движутся в будущее в ином направлении.

Поэтому мы должны признать, что во все времена было существенное использование мифов, и что данное явление оказывало жизненно важное влияние на отношение к собственному существованию. Я должен предупредить вас о том, что я не понимаю мифы как откровенную ложь, а наоборот, как психологическую истину, которая может соответствовать или нет восприятию мира, в котором мы живём. Ещё я думаю, что данные убеждения являются не только пассивными схемами, а внутренними напряжениями и эмоциональными климатами, которые, превращаясь в образы, становятся руководящими силами индивидуальной или коллективной деятельности. Независимо от этического или образцово-показательного характера, что иногда сопровождает некоторые убеждения, по самой своей природе они имеют большую силу в качестве ориентира. Мы отдаём себе отчёт, что у веры в богов есть существенные различия с мощными десакрализованными убеждениями; но даже со всеми их различиями, мы можем признать в обоих общие структуры.

Слабые убеждения нашей повседневной жизни легко изменяются, как только мы узнаём, что наше восприятие фактов было неправильным. Напротив, когда мы говорим о крепких убеждениях, на основе которых построена наша глобальная интерпретация мира, наши симпатии и антипатии более общего характера, наша иррациональная шкала ценностей, то тогда мы прикасаемся к структуре мифа, который в глубине не готов осуждать, потому что мы полностью привержены ему. Кроме того, когда один из таких мифов умирает, возникает глубокий кризис, в котором мы чувствуем себя как листья на ветру. Данные мифы, частные или коллективные, направляют наше поведение; их глубокое влияние можно только заметить в некоторых образах, которые тянут нас в определённом направлении.

Каждой исторической эпохе соответствует набор наиболее сильных убеждений, то есть структура коллективной мифологии, сакрализованной или нет, которая служит сплочению человеческих сообществ, придаёт им идентичность и позволяет соучаствовать в общем пространстве. Осуждение основных мифов эпохи провоцирует нерациональные реакции разной степени интенсивности в зависимости от мощности критики и укоренения осуждаемого убеждения. Но, конечно, сменяются поколения и меняются исторические эпохи, и то, что в более раннее время было отброшено, начинает приниматься как само собой разумеющееся, как будто это и есть истина. В настоящее время, раскритиковав великий миф денег, можно вызвать реакцию, которая воспрепятствует диалогу. Наш собеседник быстро начнёт защищаться, говоря, например: «Как это, что деньги – миф, если они необходимы для жизни!»; или «Миф – это нечто ложное, что нельзя потрогать руками; а деньги – это осязаемая реальность, с помощью которых всё работает», и т. д. Не стоит объяснять разницу между материальным составляющим денег и нематериальным, которому, как полагают, могут способствовать деньги; ничего не добьёмся при замечании о расстоянии между знаком, представляющим ценность, которую приписывают вещам, и психологическим зарядом, который имеет данный знак. Уже поздно, мы стали подозрительными лицами. Немедленно наш противник начинает холодным взглядом скользить по нашей одежде, подсчитывая цену этой одежды, которая, несомненно, стоила денег; размышлять о нашем весе и ежедневных калориях, которые мы потребляем, о месте, где мы живём, и т. д. В это время мы могли бы смягчить нашу речь, произнеся что-то вроде: «По правде говоря, мы должны бы делать различие между деньгами, необходимыми для жизни, и избыточными деньгами...» Но эта уступка подоспела бы поздно. В конце концов, существуют банки, кредитные учреждения, многочисленные формы денег. То есть разные «реальности», которые свидетельствуют об эффективности, которую, по-видимому, мы отрицаем.

Если внимательнее посмотреть, то в этом живописном рассказе мы не отрицали эффективность денег как инструмента. На самом деле, мы придали им большую психологическую силу в понимании того, что этому объекту (деньгам) люди приписывают больше магии, чем на самом деле они имеют. Деньги дадут нам счастье и каким-то образом даже бессмертие, но только в той степени, которая спасает нас от беспокойства по поводу смерти. Данный десакрализованный миф часто функционировал вблизи от богов. Так, все мы знаем, что слово «монета» происходит от имени древнеримской богини Юноны Монеты, при храме которой находился римский монетный двор, отсюда название денежного знака. У Юноны Монеты люди просили материального благополучия, но для верующих в неё Юнона была гораздо важнее, чем деньги, полученные благодаря её

доброжелательности. Сегодня истинные верующие просят своих богов о разнообразном имуществе, а, следовательно, так же и о деньгах. Но если они действительно верят в божественность, то она остаётся на вершине их шкалы ценностей. В качестве фетиша деньги претерпели множество трансформаций. По крайней мере, на Западе в течение долгого времени они поддерживались золотым запасом, а золото – загадочный, редкий и привлекательный из-за его особых качеств металл. Средневековые алхимики занимались его искусственным получением. Оно было по-прежнему сакрализированным золотом, которому приписывали способность беспрестанно умножаться, в медицине служило в качестве универсального средства и приносило не только богатство, но так же и долголетие. Такое золото упорно искали в землях Америки. Я имею в виду не только «золотую лихорадку», которая манила авантюристов и конкистадоров в Америку. Я говорю об Эльдorado, которое искали многие завоеватели, оно также было связано с мифом, хоть и менее значительным, таким как «источник вечной молодости».

Вокруг ядра глубоко укоренного мифа вращаются другие менее значительные мифы. Таким образом, в нашем примере многие объекты имеют особый ореол, заряженный энергетикой центрального ядра. Вот, например, автомобиль, который явно приносит нам пользу, но в то же время является символом денег, «статуса», открывающего дверь к ещё большему количеству денег. В связи с этим Эндрю М. Грили говорит: «Достаточно только посетить ежегодный автомобильный салон, чтобы заметить религиозное проявление, сильно закруженное ритуалами: цвет, общее освещение, музыкальное оформление, почитание поклонников, присутствие жриц храма (девушек-моделей), пышность и роскошь, изобилие денег, компактная масса людей (всё это составляло бы у другой цивилизации настоящую литургическую службу). Культ священного автомобиля имеет своих верующих и своих посвящённых. Поклонник автомобиля ждёт сегодня первых слухов о новых моделях с гораздо большим нетерпением, чем гностик ждал в своё время пророческого откровения. Именно в этот момент ежегодного цикла первосвященники культа (автодилеры) приобретают новое значение, в то время как толпа с нетерпением ждёт появления новой формы спасения». Конечно, я не согласен с масштабностью, с которой автор описывает преданность к автомобилю-фетишу. Но все-таки у автора явное достоинство – это близость к пониманию мифической темы на современный лад. На самом деле, это десакрализированный миф, поэтому можно обнаружить в нём структуру, аналогичную священному мифу, но без его фундаментальной характеристики как автономной, мыслящей и независимой силы. Если автор имеет в виду ежегодную подоплёку упомянутого обряда, описание также могло бы относиться и к празднованиям дня рождения, Нового года, наград от Академий или аналогичных гражданских церемоний, которые не связаны с религиозной атмосферой, как бывает у сакрализированных мифов. Было бы важно установить различия между мифом и церемониалом, но в наших ближайших целях нет этой задачи. Нас могло бы также заинтересовать установление разницы между миром мифической воли и миром магических сил, в которых молитва заменяется обрядом наложения чар, но данная тема также выходит за рамки настоящего исследования.

Когда мы упомянули один из центральных десакрализированных мифов нашего времени (я имею в виду деньги), то учли его как ядро системы идеации. Я надеюсь, что слушатели не представили себе фигуру, подобную модели атома Нильса Бора, в которой ядром является центральная масса и вокруг её вращаются электроны. На самом деле, ядро системы идеации с его уникальными характеристиками окрашивает большую часть жизни людей. Поведение, стремления и основные страхи связаны с этой темой. Более того, целостная интерпретация мира и событий связана с тем ядром. В нашем примере история человечества принимает экономический характер, и эта история остановится в раю, когда конфликты, которые осуждают превосходство денег, перестанут существовать.

Итак, мы взяли в качестве эталона один из центральных десакрализированных мифов, для того чтобы приблизиться к функционированию священных мифов, о которых мы говорим в книге.

Существует, однако, большое расстояние между обоими мифическими системами, поскольку нуминозное, божественное, полностью отсутствует в одном из них, и таких различий трудно избежать. Во всяком случае, всё быстро меняется в современном мире, и мне кажется, что именно сейчас закончился старый исторический момент и начинается новый. Это время, когда новая шкала ценностей и новое мироощущение вырисовываются на горизонте. Тем не менее, я не могу сказать, что снова боги приближаются к людям. Современные богословы мучаются от отсутствия Бога, как это чувствовал Бубер. Мучение, которое Ницше не смог преодолеть после смерти божества. Дело в

том, что слишком много индивидуального антропоморфизма присутствовало в древних мифах и, возможно, то, что мы называем «Бог» выражается молча через Судьбу человечества.

Если бы меня спросили, ожидаю ли я появления новых мифов, то я сказал бы, что именно это на данный момент и происходит. Я только молюсь за то, чтобы те огромные силы, которые вызывает история, служили бы на этот раз для создания планетарной и подлинно человеческой цивилизации, в которой неравенство и нетерпимость были бы навсегда упразднены. Тогда, как гласит древняя книга: «Ружья превратятся в инструменты для обработки почвы».

На этом всё, большое спасибо.

Мышление и литературное творчество

23 мая 1991 г.

Театр «Гран-Палас» в Сантьяго (Чили)

Я благодарю издательство «Планета» и моих многочисленных друзей за то, что они пригласили меня рассказать о некоторых моих работах, недавно изданных как собрание сочинений. Конечно же, благодарю за присутствие и всех вас.

На лекциях, прочитанных мною в разных странах, я останавливался на каждой книге по мере того, как они были опубликованы. Сегодня же я постараюсь дать общее представление об основных идеях этих работ. Однако я должен кратко представить некоторые особенности каждой из четырех книг, ибо они отличаются друг от друга и по тематике, и по стилю, и по форме: «Гуманизировать жизнь на Земле» – это поэтическая проза, «Направляемые опыты жизни» – сборник коротких рассказов, экзегеза «Универсальные коренные мифы» и эссе «К вопросу о мышлении». Остановлюсь кратко на каждом произведении.

Трилогия «Гуманизировать жизнь на Земле» была написана в 1972, 1981 и 1988 годах, по одной в год. Все три книги публиковались отдельно под названиями: «Внутренний взгляд», «Внутренний пейзаж» и «Человеческий пейзаж»; все три делятся на главы и пронумерованы по абзацам. Текст в основном выполняет апелляционную функцию в форме повелительного обращения, что делает его несколько жёстким. Речь местами смягчается декларативными предложениями, позволяющими читателю сопоставить свой опыт с тем, о котором повествуется в книге. Трудность восприятия этого несколько полемичного произведения заключается в умышленном употреблении метафор и гипербол. Таким путем создается атмосфера, соответствующая эмоциям, которые хочет передать автор, но при этом возникают смысловые неурядицы и возможно неверное толкование книги. Особенно очевидно это становится при переводе работы на другие языки. Словом, «Гуманизировать жизнь на Земле» – это философское эссе, изложенное в стиле поэтической прозы, где автор рассматривает человеческую жизнь в главных её проявлениях. Взгляд скользит от внутреннего мира человека к миру межличностных и общественных отношений, призывая преодолеть бессмысленность жизни и активно участвовать в процессе её гуманизации.

В 1980 г. появился сборник коротких рассказов под названием «Направляемые опыты жизни». Рассказы написаны от первого лица, но главный герой – это не автор, как обычно бывает, а сам читатель. Достигается такой эффект тем, что сюжет каждого рассказа настраивает на участие в нём читателя с его личными переживаниями. Паузы, отмеченные звездочками, читатель заполняет собственными образами и так превращается из пассивного наблюдателя в действующее лицо и соавтора рассказа. В литературных произведениях, в спектаклях и фильмах, читатель или зритель могут более или менее полно идентифицировать себя с персонажами; не забывая, однако, разницу про то, что актер играет «внутри» сцены, а сам зритель находится «вне» её, в зале. В «Направляемых опытах жизни» достигается иной эффект: читатель – не только наблюдатель, а ещё и действующее лицо, производящий и получающий результат, «агент» и «пациент» действий и эмоций. В Комментариях к книге приводятся элементы, позволяющие каждому человеку, даже не обладающему литературными способностями, сочинять новые рассказы, способные вызвать эстетическое удовольствие или подтолкнуть к размышлениям, требующим изменить поведение или срочно найти выход из неясных ситуаций. В отличие от книги «Гуманизировать жизнь на Земле», где в форме поэтической прозы рассуждается об общих жизненных ситуациях с призывом двигаться в определенном направлении, в «Направляемых опытах жизни» автор использует технику короткого рассказа, чтобы побудить читателя самостоятельно ориентироваться и продумывать свои действия в повседневной жизни.

Книга «Универсальные коренные мифы» была написана в 1990 г. Речь в ней идёт уже не об индивидуальном воображении, как в книге «Направляемые опыты жизни», но о сопоставлении и анализе коллективного воображения людей древних культур, которое воплощено в их мифах. Это типичная экзегеза – свободная интерпретация чужих текстов. Автор старался заполнить белые пятна, имеющиеся в оригинале, и преодолеть трудности перевода древних текстов, взятых за основу. В книге собраны те мифы, в которых сохранилась основная сюжетная линия, хотя за прошедшее время

изменились имена и второстепенные детали. Данные мифы, которые мы называем «коренные», приобрели ещё и универсальный характер не только потому, что они распространились по всему свету, но и из-за того, что прижились у разных народов. Рассматривая двойную функцию образов: перевод жизненных напряжений и импульс для поведения, направленного на снятие этих напряжений, – мы можем понять психосоциальную основу коллективного воображения, воплощенного в каждом мифе. Таким образом, «Универсальные коренные мифы» помогают нам понять причины сплоченности и направления в поведении народов, независимо от того, имеется ли у мифов сакральное измерение, или они просто действуют как мощные десакрализованные социальные убеждения.

Два философских эссе «Психология образа» (1988) и «Историологические дискуссии» (1989) составляют четвёртый сборник, озаглавленный «К вопросу о мышлении». В нём речь идёт о наиболее важных для нас темах: о структуре человеческой жизни и о историчности, на которой данная структура развивается.

Комментарии, сделанные нами выше, сформировали условия для того, чтобы представить сейчас идеи, лежащие в основе всех наших произведений. Но я должен напомнить, что в книге «К вопросу о мышлении» они подробно описаны.

Давайте начнём с некоторых соображений об идеологиях и системах мышления. Наша концепция исходит не от утверждения каких-то обобщений, а от изучения особенного в человеческой жизни, особенного в проблеме человеческого существования, особенного в регистре мыслей, чувств и действий отдельного человека. Данный подход отличает её от любой системы, в которой исходными являются какие-либо идея, материя, подсознание, воля и т. д.; поскольку любое утверждение о человеке, обществе или истории должно отталкиваться от вопросов, касающихся субъекта, который задаёт эти вопросы. В противном случае, говоря о человеке, мы забываем о нём, ставим что-то другое на его место или откладываем его на потом, как будто мы старались отставить его в сторону, потому что нас волнуют глубины его сознания, или его повседневные слабости и смерть толкают нас в бездну абсурда. Может быть, поэтому различные теории о человеке выполняли снотворную функцию, отвлекали взгляд от конкретного человека с его страданиями, радостями, творчеством и поражениями. Человек рядом с нами – это мы сами, это ребенок, человеческую сущность которого с рождения начинают притеснять; старик, чьи юные надежды уже сломаны. Зачем нужна теория, выдающая себя за саму реальность? Зачем теория, которая претендует не быть похожей на идеологию, скрывая правду, разоблачающую её как ещё одну выдумку? Вопросы: сможет ли человек найти Бога, сможет ли он расширить границы познания и покорение природы, сможет ли установить общественный строй, не унижающий его достоинство, – всегда ставят одну часть уравнения на ту сторону, где его собственные регистры, его жизненный опыт. Всякий раз, когда человек отвергает или принимает любую концепцию, какой бы она ни была, логичной или экстравагантной, всегда он, принимая или отвергая, смотрит, исходя из собственного опыта. Итак, поговорим о человеческой жизни.

Когда я думаю о себе не с физиологической, а с экзистенциальной точки зрения, то понимаю, что нахожусь в уже заданном мире, не созданном и не выбранном мною. Всё в нём, начиная с моего собственного тела, уже предопределено. Тело является основной составляющей моего существа, явлением, однородным с материальным миром, в котором оно действует и который в свою очередь оказывает на него своё воздействие. Но природность тела имеет для меня важные отличия по сравнению с другими природными явлениями: 1) я непосредственно ощущаю свое тело; 2) через него я получаю информацию о внешнем мире; 3) я могу использовать его возможности в соответствии с моими намерениями. Мир для меня – не только конгломерат материальных предметов, но и взаимодействие людей, предметов и знаков, созданных или видоизменённых ими. Намерение, которое я обнаруживаю в себе, становится также основным интерпретативным элементом поведения других людей. В то время, как я составляю социальный мир на основе понимания намерений других, так и я сам являюсь его составляющей. Дальше, я меняю свою ситуацию, передвигаю своё тело, соотнося его с объектами природы и людьми в зависимости от того, какие чувства они во мне вызывают – приятные или болезненные. Таким образом, я не закрыт для мира природы и для людей, а напротив, для меня характерна именно «открытость». Моё сознание сложилось интерсубъективным образом: оно использует мыслительные коды, эмоциональные паттерны, стратегии действия, которые я считаю «своими», но в то же время я их наблюдаю и в других людях. И, конечно, моё тело открыто для мира, который я воспринимаю и в котором действую. Мир природы, в отличие

от человеческого, как мне кажется, не имеет намерения. Я мог бы поверить в то, что существование камней, растений и звёзд осмысленно и направленно, но я не вижу, как можно добиться эффективного диалога с ними. Даже животные, у которых иногда можно уловить искру интеллекта, непроницаемы для меня, а их природа изменяется медленно. Я наблюдал сообщества насекомых, имеющих совершенную структуру, высших млекопитающих, которым доступны азы техники; но они очень медленно изменяются генетически и почти во всём подобны первобытным представителям своего вида. Но когда я обнаруживаю прекрасные образцы культурных растений и животных, выведенных человеком, я вижу как его намерение прокладывает дорогу и гуманизирует Землю.

На мой взгляд, социальная сущность человека – недостаточный признак для того, чтобы отличить его от других видов. Его физическая сила проигрывает в сравнении с большими животными. Даже язык не является главным отличительным признаком человека, так как мы знаем о различных формах коммуникации у животных. Но когда каждый новый человек оказывается в мире, уже изменённом другими, и становится частью мира, созданного намерениями других людей, то проявляется его способность к аккумуляции опыта и подключению к темпоральности, тогда явно видно его историко-социальное, а не только социальное измерение. Теперь я могу дать определение: «Человек – это историческое существо, чей способ общественных действий преобразует его собственную природу». Сказав это, мы можем также признать, что человек способен намеренно изменить и свою физическую конституцию. Это и происходит. Вначале он использовал различные инструменты, которые, подобно внешним «протезам», позволили удлинить руку, усовершенствовали органы чувств, сделали его сильнее, а работа стала качественнее. От природы человек не был приспособлен для того, чтобы долго находиться в воде и воздухе, но он создал условия, позволяющие ему свободно передвигаться в этих двух стихиях. В конце концов, он даже смог оторваться от своей естественной среды обитания – Земли. Сейчас он может вторгаться в своё тело и заменять органы, вмешиваться в химические процессы мозга, производить оплодотворение *in vitro*, управлять своими генами. Если изначально идея «природы» (естества) подразумевала постоянство, то сейчас она неприменима к оценке самого «предметной» вещи в человеке – его тела. Что же касается «естественной морали», «естественного права» и «естественных институтов», то, на наш взгляд, все понятия в этой сфере носят историко-социальный, а вовсе не естественный характер.

Совместно с идеей о человеческой природе действовала теория о пассивности сознания. Эта теория считала человека существом, действия которого представляют собой всего лишь ответные реакции на импульсы естественного мира. Вначале это нашло своё отражение в грубом сенсуализме, который постепенно был вытеснен другими течениями, представителями историзма, в основе которых, однако, сохранилась та же идея пассивности. И даже когда преобразующую мир деятельность человека поставили выше, чем интерпретацию его поступков, эта деятельность преподнесли как результат внешних по отношению к сознанию условий.

Сегодня старые предрассудки о природе человека и о пассивности сознания опять навязывают нам под видом неозволюционизма, отличительная черта которого – естественный отбор в борьбе за выживание. Эта зоологическая концепция в своём новейшем варианте, переносится на человеческий мир. Диалектика рас или классов, характерная для прежних теорий, заменяется диалектикой, основанной на признании «естественных» экономических законов, с помощью которых будто достигается саморегулирование всей общественной жизни. Итак, конкретный человек в который раз предстаёт как пассивный объект, которому отводится подчинённая роль.

Мы говорили о теориях, которые рассматривают человеческое существо, исходя из общетеоретических положений, и признают «природную» сущность человека и пассивность его сознания. Мы же, наоборот, считаем отправным пунктом особенность именно человеческого. Мы утверждаем, что сущность человека носит историко-социальный, а не природный характер, и признаём активность сознания, способного изменить мир в соответствии с намерением. Мы рассматриваем жизнь человека в конкретной ситуации, а его тело – как непосредственно воспринимаемый естественный объект, также непосредственно подверженный диктату его намерения. Возникают следующие вопросы: почему сознание активно, то есть как оно может сообщать свои намерения телу и при его помощи изменять мир? Почему конституция человека носит историко-социальный характер? На эти вопросы можно ответить, конкретно рассматривая проблему существования человека, чтобы не увязнуть в общих теоретических рассуждениях, которые дают почву множеству толкований. Поэтому, чтобы ответить на первый вопрос, надо проанализировать, как намерение передаёт свой импульс телу. Чтобы ответить на второй вопрос, следует исходить из

тезиса о темпоральности и интерсубъективности в жизни человека, а не из общих законов развития истории и общества. Начнём с первого пункта.

Прежде чем протянуть руку, открыть ладонь и взять предмет, надо получить информацию о положении руки и ладони. Это мы делаем благодаря кинестетическому и сенестетическому чувствам, то есть благодаря восприятию своего интратора. Для этого существуют сенсоры, которые выполняют такую задачу, в то время как внешние чувства используют для этого свои осязательные, аудитивные и другие способы восприятия. Кроме того, я должен иметь визуальную информацию о расстоянии от моего тела до объекта. То есть, прежде чем протянуть руку, я уже получил объём информации, которую можно назвать «структурой восприятия», а не просто суммой отдельных восприятий. Когда я собираюсь взять предмет, то отбираю информацию, отбрасывая ненужную. Чтобы управлять структурой восприятия с целью взять предмет, тезиса о пассивном восприятии сознания явно недостаточно. Это становится ещё очевиднее, когда движение руки согласуется с данными сенсорного восприятия, благодаря непрерывной обратной связи с чувствами, пока я поднимаю руку и сообщаю ей направление. Чтобы не ошибиться в выводах, я решил закрыть глаза и встать перед предметом, протягивая к нему руку. И снова почувствовал внутренние сигналы, но, поскольку глаза закрыты, трудно правильно рассчитать расстояние до предмета. Если я ошибаюсь в местонахождении предмета, воображая его там, где его нет, моя рука не натолкнётся на него. Она будет двигаться в направлении, начерченном моим воображением. Также я могу провести эксперименты с другими органами восприятия, которые тоже сообщают мне информацию об явлениях, составляя их образы. Это могут быть вкусовые, обонятельные и другие образы, а также образы, соответствующие внутренним чувствам, таким как чувства местонахождения, движения, боли, кислоты, давления и др.

Но затем я обнаруживаю, что образы также сообщают активность моему телу. Несмотря на то, что они воспроизводят восприятие, они сами очень подвижны и меняются как сознательно, так и невольно. Надо сказать, что для наивной психологии образы были пассивны и служили только для поддержания памяти, поэтому, как только они отделялись от восприятия, то превращались в бессмысленный вздор. В то время вся педагогика основывалась на жёстоком заучивании текстов на память, а творческий подход и понимание текстов были минимальными, поскольку, как мы уже говорили, сознание считалось пассивным. Но давайте продолжим наше исследование.

Очевидно, что у меня тоже есть внутреннее восприятие самих образов, которое позволяет мне отличать один от другого, равно как я отличаю восприятия различных чувств. Разве я не могу вызвать в памяти определённые образы или представить предметы, воображённые ранее? Если я возьму предмет с открытыми глазами, то не успею уловить образ, наложенный над восприятием. Но если я воображу предмет не там, где он находится, несмотря на то, что вижу его правильное положение, то моя рука, потянется к воображённому, а не к видимому предмету. Так что именно представленный образ определяет движение к предмету, а не простое восприятие. Можно возразить, приведя пример о действии короткой рефлекторной дуги, которая даже не проходит через кору мозга, заканчиваясь на костномозговом уровне, и даёт ответ раньше, чем импульс был осознан. Это могло бы служить доказательством того, что существуют автоматические реакции, не требующие участия сознания. Но, хотя мы можем привести много примеров таких произвольных реакций, обычных для человеческого тела и животных, это несколько не объясняет проблему воображения.

Образы накладываются на восприятие, но мы не всегда замечаем это, как в случае, когда мы представляем себе предмет не в том месте, где он находится на самом деле. Также мы должны признать, что если представим себе движение руки, то этого может оказаться недостаточно для того, чтобы она начала двигаться. Рука будет двигаться только тогда, когда представление войдёт в ту глубину интратора, которое соответствует внутреннему кинестетическому восприятию. Что же произойдёт с визуальным образом? Он начертит траекторию движения руки. Всё это находит подтверждение в сновидении, когда спящий, несмотря на то, что он видит множество образов, остаётся неподвижным. Ясно, что его пейзаж представления передвинулся во внутрь, поэтому образы идут в интратор и не передаются мускулам. Во сне внешние органы чувств притупляются так же, как и траектория образов. Если же мы рассмотрим случаи кошмаров или лунатизма, то увидим, что спящий переходит с уровня глубокого сна на уровень активного полусна: органы чувств активизируются и образы начинают передвигаться ко внешней части пространства представления, заставляя тело двигаться. Мы здесь не будем останавливаться на тему пространства представления, или перевода, искажения и преобразования импульсов. О них мы писали в статье «Психология

образа». После всего вышеизложенного мы можем перейти к таким понятиям, как сопричастие, темпоральность сознания, взгляд и пейзаж.

Однажды я захожу в свою комнату и вижу окно, оно мне хорошо знакомо. У меня новое восприятие окна, хотя ещё действует старое, которое, став образом, осталось во мне. Тем не менее, я замечаю трещину на стекле. «Здесь трещины не было», – говорю я себе, сравнивая своё новое впечатление со старыми. Кроме того, я испытываю некое удивление перед открытием. «Прежнее окно» осталось во мне в виде образа, но не пассивного, как фотография, а активного, поскольку образы активны. Старый образ противостоит восприятию, хотя и относится к прошлому. Но это прошлое всегда актуально, оно в настоящем. До того, как я вошёл в комнату, я был уверен, что окно цело, я не думал об этом, но это было естественно. В моих мыслях в тот момент окно не существовало, но оно в моём сознании было в сопричастии, оно было в горизонте предметов, находящихся в моей комнате. Благодаря сопричастию, актуализированной ретенции памяти, накладываемой на восприятие, сознание подразумевает больше информации, чем воспринимает. В этом явлении кроется основная разгадка феномена веры. В приведённом примере я как бы говорю себе: «Я был уверен, что окно не разбито». Если бы, войдя в комнату, я обнаружил бы там явления из совершенно другого горизонта предметов, например, мотор самолёта или гиппопотама, эта сюрреалистическая ситуация показалась бы мне непонятной не потому, что эти предметы не существуют, а потому, что они не относятся к полю сопричастия, соответствующему моим ретенциям. Итак, я вошёл в комнату с намерением взять ручку. Пока я шёл, то забыл о своей цели, но образы моих будущих действий неощутимо существовали в поле сопричастия моего сознания. Будущее моего сознания действовало в настоящем. К несчастью, я встретил разбитое стекло. Мои намерения менялись в соответствии с новой ситуацией. В любое мгновение настоящего времени моёго сознания я могу наблюдать пересечения образов прошлого и будущего, действующих в настоящем одновременно и структурно. Настоящий момент в моём сознании представляет собой временное поле, на котором активно действуют три разных времени. То, что происходит в этом поле, существенно расходится с событиями календаря, на котором сегодняшний день не соприкасается со вчерашним и завтрашним. На календаре и на часах «сейчас» не равнозначно «уже нет» или «ещё нет», и, кроме того, события развиваются в линейной последовательности. Такой поток является не структурой, а соединением событий в одной серии под названием «календарь». Но мы ещё вернёмся к этому, рассматривая тему историчности и темпоральности.

Сейчас мы продолжим разговор о том, что сознание подразумевает больше информации, чем воспринимает, поскольку то содержание, что приходит из прошлого как ретенция, накладывается на восприятие настоящего. Когда мы бросаем взгляд на какой-либо предмет, то видим его искажённым. Я имею в виду не точку зрения современной физики, которая доказывает нашу неспособность невооружённым глазом обнаружить атом или длину волн, которая выше или ниже порога нашего восприятия. Когда я вижу в поле прекрасный рассвет, этот чудесный вид сам в себе не несёт определения; это я определяю его таким в соответствии с моим идеалом красоты и по контрасту с городским пейзажем. Может быть, даже из-за того, что я не один, а в сопровождении любимого человека, или потому, что его освещение рождает у меня надежду на счастливое будущее. И то умиротворение, которое я ощущаю, даёт мне иллюзию пассивного созерцания, хотя на самом деле я активно добавляю к этому пейзажу бесчисленные значения, которые накладываются на обычный объект природы. И это наблюдение касается любого нашего взгляда на реальность.

В «Историологических дискуссиях» мы говорили о том, что предназначением тела является мир, и достаточно посмотреть на его строение, чтобы согласиться с этим утверждением. Чувства, системы питания, движения, воспроизводства, естественно сформированы для того, чтобы существовать в мире. Но, в то же время, образ преобразовывает действительность посредством тела; образ не копирует мир, не является пассивным отражением данной ситуации, а наоборот, меняет её. В этой связи предметы представляют собой ограничение или, наоборот, расширение возможностей тела. Даже другие тела предстают как умножения этих возможностей, поскольку ими правят интенции, за которыми признаётся сходство с интенцией, направляющей наше собственное тело.

Зачем человеку нужно преобразовывать мир и самого себя? Это связано с ситуацией конечности и темпорально-пространственной недостаточности, в которую человек погружен и которую он регистрирует при определённых условиях, таких как физическая боль и умственное страдание. Так, преодоление боли есть не просто животная реакция, но темпоральная конфигурация, в которой превалирует будущее и которая превращается в основополагающий импульс жизни, хотя в

определённое мгновение сама жизнь может не испытывать особой потребности. Следовательно, помимо непосредственной, то есть рефлекторной и естественной реакции, отложенная реакция, призванная избежать боли, возникает под воздействием психологического страдания перед лицом опасности и представляются как возможности в будущем или как действительность, при которой боль присутствует в других людях. Таким образом, преодоление боли предстаёт как базовый проект, направляющий действие. Именно эта интенция делает возможной коммуникацию между телами и разнообразными интенциями в том, что мы называем «социальным конституированием». Социальное конституирование так же исторично, как и человеческая жизнь, и является её конфигурантом. Оно постоянно трансформируется, однако способ этого изменения отличается от того, что мы наблюдаем в природе, ибо там не происходит преобразований под влиянием интенций.

Общество продолжает развиваться, но это не может происходить только по причине существования социальных объектов, многие из которых, хотя и являются носителями осмысленных намерений, не смогли развиваться в должной мере. Непрерывность обусловлена человеческими поколениями, которые не просто следуют одно за другим, а находятся в постоянном взаимодействии и взаимовлиянии. Они являются динамическими структурами, обеспечивающими непрерывность и развитие, и представляют собой социальное время в движении, без которого общество осталось бы в своём первоначальном виде и перестало бы быть обществом. С другой стороны, получается так, что в любой исторический момент сосуществуют поколения разных темпоральных уровней, разных ретенций и протенций, и поэтому образующие разные ситуационные пейзажи и устремления. Тела и поведение детей и стариков показывают представителям более активных поколений присутствие того, от чего они приходят, и того, куда уходят, а края этого тройного соотношения показывают крайние местоположения темпоральности. Всё выше сказанное никогда не остановится, поскольку в то время как активные представители поколения стареют и умирают, дети постепенно развиваются и начинают занимать активные позиции. Между тем, рождение новых членов непрерывно восстанавливает общество.

Если силой абстракции «остановить» непрерывное течение, можно говорить об «историческом моменте», когда все субъекты, размещённые на одной и той же социальной сцене, могут считаться современниками, живущими в одно и то же время, но формирующими неоднородное ровесничество в том, что касается их внутренней темпоральности: пейзажа формирования, настоящей ситуации и проекта будущего. В действительности, диалектика поколений устанавливается между наиболее близко прилегающими друг к другу «полосами», которые стремятся занять центральное место деятельности (социальное настоящее), исходя из своих интересов и убеждений. Именно внутренняя социальная темпоральность структурно объясняет историческое становление, в котором взаимодействуют различные поколенческие аккумуляции, а не линейная последовательность явлений, расположенных одно за другим подобно календарным датам, как их описывает наивная историография.

В соответствии с историческим миром, в котором я социально сложился, я формирую свой пейзаж, интерпретируя то, на что бросаю свой взгляд. Существует личный пейзаж и коллективный, соответствующий целым народам в определённый момент. Как мы уже говорили, в одно и то же время существуют разные поколения. Грубо говоря, одновременно живут те, кто родились до транзистора, и те, кто родились среди компьютеров. Множество конфигураций отличаются в обоих жизненных опытах, не только манера действовать, а также мыслить, чувствовать... То, что было нормальным в одно время, постепенно перестаёт работать, иногда медленно, а временами и резко. От будущего ждали определённого результата, будущее пришло, но получилось всё не так, как было намечено. Как прежним способам действия, так и прежним мироощущениям, прежним идеологиям уже нет места в новом социальном пейзаже.

Чтобы завершить изложение идей, высказанных мною в опубликованных книгах, добавлю, что человек, в силу своей открытости и свободы выбора между ситуациями, своей возможности отложить ответы и представить будущее, также может отрицать себя, зачеркнуть свою жизнь (покончить с собой) или перечеркнуть жизнь других. Эта свобода выбора приводила к тому, что некоторые люди незаконно присваивали себе социальное целое, что они отрицали свободу и волю других людей, превращая их в средство для достижения своих целей. В этом суть дискриминации, а её методы – физическое, экономическое, расовое и религиозное насилие. Насилие может укорениться надолго, из-за существования аппарата регулирования и контроля, называемого государством. Следовательно, социальная организация требует для себя новой формы, передовых типов координации, она должна

опасаться любой концентрации власти, частной или государственной. Но так как обычно путают государство с обществом, то мы должны уяснить, что поскольку общество, а не государство является производителем благ, соответственно, средства производства должны принадлежать обществу.

Неизбежно, те, кто попирали человеческое достоинство и права других людей, тем самым вызвали новую боль и страдание. В недрах общества возобновлялась извечная борьба против природной враждебности, но на этот раз между теми, кто хочет «натурализовать» других людей, общество и историю, а с другой стороны – угнетёнными, которые стремятся гуманизировать свою жизнь, гуманизируя мир. Гуманизировать – это значит преодолеть объективацию человека, признать его интенциональность и примат будущего над настоящим. Образ, представление возможного лучшего будущего позволяет изменить настоящее и способствует любым переменам, революциям. Поэтому, чтобы произошли перемены, недостаточно воздействия системы угнетения; необходимо уяснить, что перемены возможны и зависят от человеческих действий. Это не борьба механических сил, не отражение явления природы; это столкновение человеческих намерений. И именно это позволяет нам говорить об угнетателях и угнетённых, о справедливых и несправедливых, о героях и трусах. И только это позволяет нам осмысленно проявлять социальную солидарность и бороться против дискриминации, не важно – большинства или меньшинства.

Что же касается смысла человеческих поступков, то я не думаю, что они представляют собой бессмысленные конвульсии, «напрасные страсти», попытки, которые растворяются в абсурде. Я думаю, что полноценными являются те действия, которые направлены на других людей, на их освобождение. Я также не думаю, что судьба человечества обусловлена его предшествующим развитием и из-за этого все усилия изменить её тщетны. Напротив, я считаю, что человечество в своём развитии движимо интенциональностью, что всё более сознательные устремления народов откроют путь к созданию единой общечеловеческой нации.

На этом я заканчиваю, большое спасибо.

Письма моим друзьям

14 мая 1994 г.

Культурный центр «Станция Мапочо» в Сантьяго (Чили)

Благодарю организаторов Первой встречи Гуманистической культуры за приглашение представить чилийское издание моей книги «Письма моим друзьям». Благодарю Луйса Филипа Гарсия за добрые слова от имени издательства «Виртуаль». Благодарю Володю Тейтельбоима за его выступление и за блестящие идеи там, которые я хотел бы подробно прокомментировать в будущем. Благодарю также выдающих представителей культуры, прессу и многочисленных друзей за их присутствие сегодня.

Начиная эту небольшую презентацию, я хотел бы подчеркнуть то, что данное произведение не является системным, а представляет собой сборник комментариев, сделанных в известном и широко используемом эпистолярном стиле. Со времён «Нравственных писем к Луцилию» Сенеки и до сего дня дошло огромное количество текстов, распространённых по всему миру и имеющих влияние в разной степени. Сегодня хорошо известны «открытые письма», которые будто бы адресованы определённому лицу, институту или правительству, но они сочинены с целью быть доступными для самой широкой аудитории. Именно в этом духе написана данная работа. Полное названия произведения – «Письма моим друзьям о кризисе индивидуума и общества в настоящий момент».

А кто именно те друзья, которым направлены эти письма? Безусловно это все те, кто независимо от того, поддерживают или отрицают наши идеологические установки, делают это с истинным намерением расширить своё понимание кризиса и как можно лучше способствовать его преодолению. Это в отношении адресата писем.

По тематике все письма касаются ситуации кризиса, который переживают как отдельный индивид, так и общество в целом. Понятие «кризис» мы рассмотрим в обычном значении, когда он разрешается в одном или другом направлении. «Кризис» толкает человека выйти из одной ситуации, чтобы перейти к другой, где перед ним, в свою очередь, встают новые проблемы. В народе «кризис» понимают как опасную фазу в развитии событий, которая может привести отдельные лица и общество как к лучшей, так и худшей ситуации. Некоторые считают излишним рассматривать обстоятельства индивида, так как они обусловлены ситуацией в обществе; но с нашей точки зрения это не обязательно, а стремление устранить один из факторов обосновано как способ анализа, который мы не разделяем.

Это всё, что я хотел сказать про название книги.

Итак, разумный порядок дискурса предполагал бы начать с изучения содержания произведения. Однако я предпочёл бы не идти в такой школьной последовательности, а поглубже изучить намерения, которые мотивировали эту работу. Цель данного произведения была сконцентрировать набор идей Нового гуманизма и через эту призму диагностировать ситуацию в мире, в котором нам выпало жить. Новый гуманизм предостерегает о всеобщем кризисе цивилизации и предлагает некоторые меры, необходимые для его преодоления. Новый гуманизм осознаёт присутствие некоего «апокалипсизма», свойственного каждому концу века и тысячелетия, чему нас учит История. Мы хорошо знаем, что на таких эпохальных перекрёстках набирают силу голоса, провозглашающие о конце мира и, в зависимости от мировоззрения какого-либо лагеря, изображающие конец экосистемы, идеологии, истории, человека в машинном рабстве и т. п. Новый гуманизм стоит на противоположной позиции и говорит просто: «Друзья, мы должны изменить курс событий!» Никто нас не слышит? Мы не правы? Тогда, хорошо, если мы не правы, значит, всё идёт в правильном направлении и мы приближаемся к Раю на Земле...

Некоторые структуралисты говорят нам, что нынешний кризис является очередной перестановкой системы, необходимой перестройкой факторов в системе для продолжения прогресса. Некоторые постмодернисты утверждают, что дискурс XIX века попросту перестал отвечать потребностям нашего времени, а элиты предлагают применить власть и утихомирить общество, используя технологическую и коммуникационную прозрачности. Ах, хорошо, друзья! Можно отдохнуть с уверенностью, что Новый порядок будет заботиться об установлении мира... Больше не

будет катастроф, вроде Югославии, Ближнего Востока, Бурунди или Шри-Ланки. Больше не будет ни голода, ни 80% мирового населения ниже линии бедности. Больше не будет рецессии, увольнений с работы, сокращений рабочих мест. Да, администраторы стран будут всё более честными, уровень образования будет только расти, уровень преступности и опасности в городах будет только снижаться... Словом, удовольствие и счастье для всех. Прекрасно! Друзья, будьте терпеливы, Рай скоро наступит!..

А если всё это не так, если настоящая ситуация продолжит ухудшаться или общество выйдет из-под контроля, какие останутся альтернативы?

Об этом речь в книге «Письма к моим друзьям». И мы не считаем, что для кого-то являлось бы обидным рассмотреть возможность болезненного исхода событий. Никто не против того, что здания имеют запасную лестницу или что у кинотеатров и залов для публичных мероприятий бывают огнетушители и резервный выход. Никто не протестует, когда на стадионах открывают дополнительные двери для прохода людей. И, конечно, когда мы входим в кинотеатр или дом, то не думаем о пожарах или катастрофах, но хорошо, что меры безопасности предусмотрены. Если кинотеатр, здание не загораются или на стадионе нет перебора людей, просто прекрасно!

В шестом письме упоминается «Документ» гуманистов, где они объясняют свои общие идеи, их альтернативы, перед лицом кризиса. В документе нет намерения испортить чьё-то настроение, это не пессимистическая идеология, это изложение мыслей о кризисе и альтернативах его преодоления. Читая его, даже те, кто не согласны с ним, могли бы сказать: «Хорошо, это альтернатива. Мы должны заботиться об этих ребятах, обществу нужны пожарные лестницы. Они не являются нашими врагами, они поднимают свой голос для выживания всех».

«Документ» гуманистов, включенный в шестое письмо, говорит: *«Для гуманизма самыми главными являются вопросы о труде – в противовес крупному капиталу; о подлинной демократии – в противовес демократии формальной; о децентрализации – в противовес централизации; об антидискриминации – в противовес дискриминации; о свободе – в противовес угнетению; о смысле жизни – в противовес покорности, пособничеству и абсурду... Гуманисты являются интернационалистами, они стремятся к созданию единой общечеловеческой нации. Они мыслят мир глобально и действуют каждый в своей непосредственной среде. Им предпочтительнее не единообразие, а многообразие мира: народов, языков и традиций; сёл, городов, областей и автономий; идей и устремлений, верований, атеизма и религиозности; многообразие видов трудовой деятельности, творчества. Гуманисты не хотят ни хозяев, ни руководителей, ни начальников; они также не считают себя представителями или руководителями чего бы то ни было...»* И в конце «Документа» утверждается: *«Гуманисты – не наивные люди, они не прельщаются собственными заявлениями прежних романтических эпох. Они не считают, что их взгляды представляют собой самое передовое выражение общественного сознания, и не полагают, что их организация свободна от недостатков. Гуманисты не претендуют на роль представителей большинства. Скорее, они действуют в соответствии с взглядами, которые представляются им наиболее справедливыми, и ставят целью осуществление преобразований, которые, по их мнению, возможны и более всего соответствуют эпохе, в которой им выпало жить».*

Разве не проявляется в этом «Документе» сильное чувство свободы, плюрализма, саморегуляции? Его можно назвать альтернативным предложением, а не подавляющим или абсолютным...

А каким является этот кризисный процесс? Куда он движется? В разных письмах находятся примеры одной и той же модели – закрытой системы, история которой началась вместе с капитализмом, получив впоследствии большой импульс от Промышленной революции. Во главе национальных государств встала сильная буржуазия, которая начала перекраивать мир. Бывшие колонии, которыми владели коронованные особы, перешли в руки частных компаний. И банки начали свою посредническую функцию, работу по захвату средств производства путём возрастания долгов. Банки начали финансировать военные кампании амбициозной буржуазии, предоставлять кредиты враждующим сторонам и получать прибыль от всякого конфликта. В то время пока национальная буржуазия росла в условиях беспощадной эксплуатации рабочего класса, развития промышленности и торговли, считая всё ещё в качестве центра тяжести свою собственную страну, банки уже успели перескочить административные границы национальных государств. Тогда пришло время социалистических революций, обвала фондовых рынков и перестановки финансовых центров, которые продолжали расти и концентрироваться. После последнего вздоха национализма у

промышленной буржуазии, сразу после Второй мировой войны, стало ясно, что мир един, что регионы, страны и континенты взаимосвязаны и что индустрии необходим международный финансовый капитал для своего выживания. Национальное государство стало помехой для движения капиталов, товаров, услуг, людей и для глобализации продукции. Началась рационализация, а вместе с ней старый порядок начал разваливаться. Старый пролетариат, который в своё время был базой социальной пирамиды, укорененной в первичной добывающей промышленности, постепенно стал частью армии промышленных рабочих, начал терять однородность. Вторичные и третичные отрасли, всё более изощренные услуги поглощали рабочие силы в процессе непрерывного преобразования факторов производства. Старые гильдии и трудовые союзы потеряли классовую власть, направив свою борьбу к сиюминутным требованиям повышения заработной платы и улучшения профессиональных условий. Научно-техническая революция привела к ускорению процессов в уже неравноправном мире, в котором огромные неразвитые регионы всё больше отставали от центров, принимающих решения. Данные регионы были колонизированы, ограблены, приговорены к исключительной роли поставщиков сырья, с каждым годом всё более дешево отдавали свою продукцию и всё более дорого приобретали технологию, необходимую для собственного развития. В то время как долги перед банками для финансирования их развития непрерывно увеличивались. Пришло время, когда компании должны были стать более гибкими, децентрализованными, подвижными и конкурентоспособными. Как в капиталистическом, так и в социалистическом мире жёсткие структуры начали рушиться, а в это время странам навязывались всё более утомительные сверхрасходы для продолжения роста военно-промышленных комплексов. Тогда и возник один из наиболее критичных моментов в человеческой истории. Но именно социалистический лагерь начал одностороннее разоружение. Только история в будущем определит, была ли это ошибка, или то, что действительно спасло наш мир от ядерного холокоста. Вся эта последовательность нам известна. В итоге, настал тот момент, когда сконцентрированная финансовая власть держит на коленях всякое производство, торговлю, политическую программу, страну, индивида. Начался этап, когда система полностью закрылась, и нет другой альтернативы, как деструктуризация самой системы. С этой перспективы распад социалистического лагеря видится в качестве прелюдии к глобальной дезинтеграции, которая приобретает всё большую скорость.

Мы находимся в моменте кризиса. Но для его преодоления возможны несколько вариантов. В качестве иллюстрации в «Письмах» представляются два возможных сценария. Во-первых, вариант энтропии в закрытых системах, а во-вторых, вариант открытия закрытой системы, благодаря не механическому, а осознанному, интенциональному воздействию человека. Давайте рассмотрим первый вариант, придав ему более яркий оттенок.

Весьма вероятно консолидация мировой империи, которая будет стремиться к гомогенизации экономики, права, коммуникаций, ценностей, языков, традиций и обычаев. Мировая империя, организованная международным финансовым капиталом, не будет беспокоиться даже за население, проживающее в самих центрах принятия решений. В столь экстренной ситуации, будет и дальше продолжаться процесс расчленения социальной ткани общества. Политические и общественные организации, государственное управление переходят в руки технократов, находящихся на службе чудовищного «парагосударства», направленного на дисциплинирование населения со все более ограничительно-репрессивными мерами, в то время как расчленение общества будет продолжаться. Люди постепенно лишаются способности к абстрактному мышлению, заменив его некой аналитической работой, пошаговым операциям в соответствии с компьютерной моделью. Мышление лишится также понятий процесса и структуры, ограничиваясь простыми лингвистическими исследованиями и формальным анализом. Деструктуризация охватит моду, языковые и социальные стили, музыку, архитектуру, изобразительное искусство и литературу, в то время как мешанина стилей будет признаваться инновацией во всех сферах, так же, как это происходило и раньше с появлением эклектики в моменты упадка империй.

Вот тогда прежняя надежда унифицировать мир под эгидой одной силы исчезнет навсегда. При таких условиях затмения разума, усталости народов, будет открыто поле для всестороннего фанатизма, отрицания жизни, культа самоубийства, самого наглого фундаментализма. И больше не будет места как для настоящей науки, так и для великих революций человеческого мышления, а останется только технология, которую к тому времени назовут «Наука». Местничество и межнациональная рознь будут набирать силу, в то время как масса отчаянных людей вихрями бросятся к центрам, принимающим решения, из-за чего мегаполисы станут переполненными и начнут постепенно опустошаться. Непрерывные гражданские войны потрясут нашу бедную

планету, на которой мы больше не захотим жить. В общем, это та часть истории, которая повторялась многими цивилизациями, верующими в бесконечный прогресс и потерпевшими крах. Но, к счастью, когда одни разрушались, на других широтах появлялись свежие начинания, и в этом чередовании старое преодолевалось новым. Конечно же, в мировой закрытой системе нет места для возникновения другой цивилизации, а можно только ожидать долгого и тёмного всемирного средневековья.

Если то, что сказано в «Письмах», окажется неправильным, не будет причин для беспокойства. Но если, наоборот, исторический процесс последует в том направлении, о котором мы говорили, то придёт время поставить вопрос о том, как человек может изменить курс событий. Итак, кто же способен совершить столь великое дело, как изменение направления, если не народ, который является главным субъектом истории? Обрело ли человечество достаточную зрелость для осознания того, что не будет никакого прогресса, пока он не будет для всех? Эти вопросы соответствуют второй гипотезе, раскрываемой в «Письмах».

Цель борьбы будет определена только тогда, когда идея о том, что не будет никакого прогресса, пока он не будет для всех, овладеет народами. Тогда в социуме – последней нижней ступеньке деструктуризации – подует ветер новых времён. В жилых кварталах городов и на местах работы начнётся регенерация социальной ткани общества. Это, видимо, будет спонтанным явлением, которое впоследствии будет усиливаться появлением различных групп рабочих, организованных не независимо от воли профсоюзных лидеров. Появятся многочисленные политические группировки без всякой централизации и далекие от всяческих политических элит. Начнётся дискуссия на каждом заводе, в каждом офисе, в каждой компании. Сиюминутные требования уступят место осознанию о необходимости более фундаментальных преобразований, в которых труд приобретёт ценность большую, чем капитал, и риск рабочего человека будет цениться больше, чем риска капитала. Нетрудно будет тогда понять, что прибыль компании должна быть перенаправлена на создание новых рабочих мест или на развитие отсталых отраслей, а не дрейфовать в руках спекулятивного финансового капитала, который через опустошение активов приводит к банкротству производственного аппарата. Предприниматель заметит, что он превращён в простого служителя банка и что в этой ситуации его естественным союзником является рабочий. Социальный фермент снова активизируется и начнётся непосредственная борьба между абстрактной, нечеловеческой силой спекулятивного капитала и силой труда, настоящего рычага преобразования мира. Предприниматели начнут осознавать, что прогресс не зависит от накопления долгов перед банками, а наоборот, что банки обязаны выделить беспроцентные кредиты предприятиям в сфере производства. Также будет понятно, что нет никакой иной возможности остановить концентрацию, ведущую к краху, если не путём перераспределения богатства с отсталыми отраслями. Реальная демократия станет безотлагательно необходима как для выхода людей из состояния апатии из-за ограниченного участия в формальной представительной демократии, так и для предотвращения постоянной угрозы народного бунта.

Структура власти реформируется, поскольку формальная демократия, подчинённая финансовому капиталу, будет опустошена и окончательно потеряет доверие людей.

Несомненно, этот второй сценарий кризиса сложится после инкубационного периода, в котором проблемы будут только усиливаться. Тогда начнётся серия движений вперёд и назад, где каждое достижение будет распространяться в самые отдалённые места в режиме реального времени благодаря современным он-лайн коммуникациям. Речь пойдёт не о завоевании национальных государств, а скорее о мировой ситуации, где данные социальные явления будут умножаться в преддверии радикального изменения в курсе событий. Таким образом, вместе того, чтобы процесс впал в механический распад, часто повторяющийся в истории человечества, желание перемен направит волю людей на создание общечеловеческой нации.

Современные гуманисты делают ставку на этот второй вариант. Они достаточно сильно верят в человека, чтобы думать о том, что всё закончится глупо. И хотя они не считают себя авангардом человечества, однако выражают готовность сопровождать этот процесс по мере своих сил там, где они проживают и действуют.

На этом я хотел бы завершить свои комментарии. Остаётся только поблагодарить вас за терпение и толерантность в течение моего выступления.

Большое спасибо.

III

Конференции

Гуманизм и новый мир

7 июля 1991 г.

*Университет изобразительных искусств в Мехико
(Мексика)*

Сегодняшняя тема – «Гуманизм и Новый мир» – нуждается в небольшом контексте. Когда мы говорим о «Гуманизме», то имеем в виду течение, начинавшееся в литературе с произведений Петрарки во времена итальянского Возрождения. В других цивилизациях, даже в самых близких к Западу, найдутся также сходные с гуманистами Возрождения взгляды на различные темы. Например, Цицерон – эпоним такого подхода в римской культуре. С тех пор гуманисты определили человеческое существо не просто как субъекта и творца исторических событий, но как центр всех фундаментальных сфер деятельности. Также человек являлся высочайшей ценностью в аксиологии, что мы могли бы выразить следующими словами: «Ничто над человеком и никакой человек над другим».

В эпоху Возрождения слово «гуманизм» восстановило своё реальное измерение в борьбе против мракобесия, начатой Искусством и Наукой того времени. Трудно переоценить вклад Джордано Бруно, Пико делла Мирандола, и, конечно, Галилея – почитаемых всем гуманистам мира исторических фигур. Все они страдали от преследований со стороны системы, которая ампутировала реальное человеческое измерение общества и поставила на вершине шкалы ценностей божество, затем князя, государство и закон, подчинённых этому божеству.

Появление гуманизма разрушило эту шкалу ценностей и на центральном месте возникли душа и тело человека, заимствующие, чаще всего, представления греко-римского язычества, сильно пропитанные мышлениями неоплатонической и неопифагорейской школ. Титанические дебаты раскручивались в старой Европе, однако она в то время уже переносила своё влияние на Америку. И, конечно, завоевание и колонизация нового континента происходили не на основе прогрессивных элементов, которые открывали себе дорогу в интеллектуальных кругах Старого Света, а наоборот, со всей жестокостью ещё доминирующих идеологий обскурантизма и «монархии по божественному праву». Инквизиция и преследование свободного мышления распространялись и на новые земли; однако, незаметные вначале, переходили туда же и те идеи, которые позже ярко проявились во время Великой французской революции и во время революций и войн за американскую независимость.

Развитие антропоцентрического мировоззрения гуманистов положило начало Новому времени, оно выразилось не только в искусстве и науке, но также и в политике той эпохи, несущей угрозу власти монархии и церкви. Независимо от нашего притяжения или неприятия данного периода, с которого во всю силу начинается эпоха революций, по крайней мере на Западе, мы должны признать особый вклад Гуманизма в этот процесс.

Сегодня, «под вечер» революций, тот страстный гуманизм, кажется, теряет силу перед технологией, поглощающей радикальные преобразования социо-экономических структур, в то время как политический дискурс опустошается, заменяя идеи братства и солидарности законами рыночной экономики, конкуренции, свободной торговли и сухими макроэкономическими показателями. Шкала ценностей перестраивается, вытесняя человек с центрального места, чтобы решительно утвердить культ денег. Конечно же у современного мифа имеется оправдательная идеология. Это концепции «Конца идеологий» и «Конца истории», в которых слышны аккорды прагматизма аж с середины девятнадцатого века.

Элементарный прагматизм, основанный на неodarвинизме и утверждающий борьбу за выживание наиболее сильных, пробивает себе дорогу в обществе не из-за своих превосходных качеств, а потому что великие системы мышления провалились. Огромная пустота, оставшаяся после краха структурированных систем и школ мышления, может быть заполнена всяким низкосортным начинанием, в случае если оно отвечает интересам тех, кто управляет экономикой.

Прекрасно понимаю, что необходимо полностью обосновать вышесказанное, но даже и тогда, оно может вызывать множество споров. Однако я постарался лишь выделить несколько важных

пунктов для анализа ситуации Гуманизма в настоящий момент. Тем не менее, я должен подчеркнуть, что течений, которые представляли позиции гуманизма в нашем XX веке, действительно было очень мало.

Среди тех, кто затрагивали данный вопрос, были Ж.-П. Сартр («Экзистенциализм – это гуманизм») и М. Хайдеггер («Письмо о гуманизме»); две работы – идеологически противоположные, но оба в русле экзистенциального гуманизма. Можно упомянуть также христианский псевдогуманизм Маритена; марксистский антигуманизм Альтюссера и марксистскую диалектику между буржуазной и пролетарской концепциями гуманизма у Анибала Понсе.

Однако среди течений, которые в современном мышлении делают попытку теоретически переформулировать гуманизм, мы выделяем в качестве основных экзистенциальное и христианское. Тем не менее, само слово «Гуманизм» вышло за пределы данного разделения и сегодня широко употребляется для обозначения просто положительного отношения к человеку, в отличие от механизации и технологии. Кажется, что в данном смысле сегодня является «хорошим тоном» присоединиться к некоему модному гуманизму, у которого нет ничего общего ни со сложной, трагической историей гуманизма, ни с основными его характеристиками: 1) активность сознания в отличие от позиций, считающих его «отражением» объективных условий; 2) историчность человека и его творчества, так как человек является не естественным, а социально-историческим существом; 3) открытость «человека-к-миру», разрешающая дихотомии индивида-общества, субъективности-объективности; 4) обоснование действия и этики, исходящее из самого человека, а не от других инстанций, например божества.

Таким образом, нынешний последовательный гуманизм является либертарианским, солидарным, активным и самообязанным к преобразованию общества. никоим образом не противопоставляет искусство науке и не совершает ошибку, отождествляя искусство и гуманизм, науку и технологию. Современный гуманизм считает как искусство, так и науку включенными в процесс культурного развития человека, а некоторые аспекты технологии поставленными на службу экономических элит.

Возвращаясь к теме о «Гуманизме и Новом мире», нужно отметить, что покорение американских культур европейскими державами, не имеет ничего общего с противопоставлением культуры и технологии. Скорее относится к социальной модели пятивековой давности, развивающейся под опекой абсолютистских институтов и обскурантизма. Данное явление – историческое, политическое и социальное, не имеющее отношения к народам Европы, так же угнетёнными, как и народы других регионов мира того времени. Кроме того, европейские гуманисты, как и гуманисты Америки, страдали от того же преследования, пока не внесли свой вклад в революционные перемены на обоих континентах.

Невиданные до сего времени опасности угрожают Латинской Америке. В частности, такой стране уникальной культуры, как Мексика. Спрашивается, продолжим ли мы ошибочное противопоставление культуры и технологии, или подчеркнём наше мощное мировоззрение (латиноамериканское), распространяя его на другие регионы, которые сегодня, кажется, монополизируют науку и технологию? Животрепещущий вопрос, над которым необходимо всерьёз поразмыслить. Итак, я предлагаю без промедления создать исследовательскую группу, которая проработала бы данную тематику по всему континенту и реализовала бы идею о созыве обширной конференции, посвященной обсуждению отношений между культурой и технологией, в 1992 г., то есть в году, когда исполняется 500 лет со дня европейского прибытия в Америку. Уверен, Мексика должна стать главным центром данного обсуждения.

Большое вам спасибо.

Кризис цивилизации и гуманизм

18 июня 1992 г.

Российская академия наук в Москве (Россия)

Благодарю Российскую академию наук, благодарю Клуб гуманистических инициатив, благодарю представителей культуры присутствующих здесь, благодарю издателей моих произведений, благодарю команды переводчиков и многочисленных друзей, которые пригласили меня выступить сегодня. Благодарю представителей прессы и, конечно, благодарю всех вас за присутствие.

Прошу простить некоторые сложности относительно перевода, понимая, что из-за необходимости сократить время моего выступления я должен буду сжать не одну мысль.

Наша сегодняшняя тема – «Кризис цивилизации и гуманизм». Перед началом изложения идей требуется определить само понятие «цивилизация». Много писалось и обсуждалось вокруг слова «цивилизация». С начала возникновения философии истории учёные понимали различные цивилизации в качестве исторического субъекта со своим процессом, эволюцией, судьбой. Данный субъект – цивилизация – проявляется в виде совокупности поведений, позволяющей идентифицировать народы с определёнными способами производства, общественными отношениями, юриспруденцией, шкалой ценностей. Обычно не идентифицируются понятия «народ» или «нация» с цивилизацией, последнее, скорее, включает множество народов и наций в том же упомянутом пространстве. По традиции, цивилизацию соотносили с неким «культурным пространством» внутри определённой географической границы. Также ей приписывали способность влиять и получать воздействие от других, соседних или далёких цивилизаций.

Когда говорится об египетской или греческой цивилизациях, то имеются в виду те совокупности человеческих поведений, о которых говорилось выше, а не конфигурации, где государство выполняло некую артикуляционную функцию. Факт, что, например, македонцы или спартанцы принимали участие в эллинской культуре, не являясь частью лиги городов-государств, а даже сражаясь между собой, показывает, что главное для их определения – не государство. В любом случае, проживание народа в определённом пространстве позволяет говорить о «месопотамской» цивилизации, цивилизации «Нила», «островитянских» цивилизациях и т.п. Такой подход к классификации, подразумевает концепцию, согласно которой всякая цивилизация определена географическими условиями. Таким же образом, когда говорят о цивилизациях «вина, молока и мёда», или цивилизациях «кукурузы», имеется в виду способ питания, или когда упоминается о «неолитической» цивилизации, то имеются в виду стадии культуры орудий труда определённого народа.

Более важной, чем усилия по классификации, является работа, начатая Джамбатисто Вико по определению этапов в процессе развития цивилизации и её предназначения. Начиная с *corsi e ricorsi* человеческих событий, которые гениальный неаполитанец старался понять (на основе общей идеи о форме исторического развития, набора аксиом и филологического метода), и вплоть до историологии А.Д. Тойнби (обоснованной на концепции «вызов-ответ», уже разработанной И.П. Павловым в физиологических исследованиях) много было сказано на эту тему, а более или менее контретные идеи старались научно обосновать. Естественно, данные усилия по-разному достигали своих целей.

Огюст Конт сформулировал закон, который цивилизация выполняла, когда, начиная от героически-теологического этапа, она двигалась к совершенному моменту рациональности, справедливости и изобилия, проходя через метафизическую стадию. Гегель говорил о цивилизациях как о проявлении диалектики в развитии Абсолютного Духа, а Шпенглер представил цивилизации в виде биографических протоформ, существ, которые проходили биологические этапы рождения, юности, зрелости и смерти.

Огромная работа была проделана с целью понять функционирование и судьбы цивилизаций. Однако многие учёные, философы, занимающиеся данной тематикой, недостаточно глубоко изучали первоосновы, поэтому их вопросы и ответы возникали под влиянием определённого культурного пейзажа и исторического момента, в котором они жили. Даже если бы нам захотелось найти новый

ответ на вопрос, что такое цивилизация, то и мы не смогли бы отгородиться от сложностей (или несложностей), свойственных нашему культурному пейзажу и историческому моменту.

Если сегодня мы хотели бы понять процесс жизни, то должны были бы спросить себя об условиях нашей жизни, и таким образом мы гуманизировали бы исторический процесс, над которым размышляем. Но мы сделали бы это, не для того, чтобы внешне интерпретировать дела, совершаемые человеком (как это изображают в книгах по истории), а чтобы глубже понять, что же происходит в ситуации, в которой мы живём, исходя из исторической структуры человеческой жизни, дающей смысл всем явлениям. Данный подход помогает нам осознать ограничения для формулирования определённых вопросов и получения определённых ответов, так как особенности настоящего момента создают препятствия в преодолении барьеров наших убеждений и культурных стереотипов. Однако именно разрушение наших убеждений и появление фактов, которые доселе мы рассматривали как невозможные, позволит нам продвинуться вперёд на новый этап цивилизации.

Очевидно, что мы говорим о жизненной ситуации кризиса, который мы все проживаем, и следовательно, о моменте разрушения убеждений и культурных стереотипов, свойственных пейзажу нашего формирования. Давайте сосредоточимся на некоторых явлениях, которые непосредственно влияют на нас и характеризуют данный кризис:

1. В мире наблюдается ускоренное изменение общества, движимое технологической революцией, которое сталкивается с традиционными структурами и обычаями как общества, так и отдельных лиц.

2. Разрыв между ускоренным процессом технологического развития и медленной адаптацией общества к изменениям порождает поступательные кризисы во всех областях, и нет никаких оснований предполагать, что они прекратятся, а наоборот, налицо тенденция к углублению.

3. Неожиданность событий не позволяет предсказать, в каком направлении они будут развиваться, в каком направлении будет продвигаться общество и наша собственная жизнь. На самом деле нас беспокоят не сами изменения, а непредсказуемость таких перемен.

4. Многое из того, что мы думали и во что верили до сих пор, уже не годно для жизни, но в то же время, не видно решений, идущих от общества, институтов и людей, которые страдают от тех же проблем. Необходимы новые ориентиры, так как традиционные устарели и стали удушающими.

На мой взгляд, именно здесь в этом регионе планеты, сосредоточено потрясающее ускорение исторических перемен. Болезненное и смутное явление, из которого рождается новая эра в развитии мировой цивилизации. Сегодня здесь никто не может предугадать, что будет завтра, в то время как в других частях мира предполагают, что цивилизация движется в направлении предсказуемого роста внутри установленной экономико-социальной модели. Понятно, что данный взгляд скорее является настроением, выражением желаний, а не позицией, основанной на фактах. Анализируя происходящее, мы приходим к выводу, что ко все более нестабильной обстановке мир продвигается глобально, а не только на западе или на востоке, как иногда шизофренически стараются его разделить. Трактовка последовательности событий с ракурса определённого типа государственного строя, администрации или экономики, показывает интеллектуальную близорукость и мировоззренческие ограничения культурного пейзажа формирования. С одной стороны, мы обнаруживаем, что социо-исторический пейзаж, в котором мы все живём, радикально изменился по сравнению с пейзажем недавней поры. С другой стороны, аналитические инструменты, которыми мы ещё пользуемся для интерпретации новых ситуаций, принадлежат к старому пейзажу.

Сложность не только в этом, ведь мы имеем также чувствительность, которая сформирована в другой эпохе и не меняется вместе с обществом. Наверно поэтому на всей планете происходит постепенное отчуждение между теми, у кого экономическая, политическая и культурная власть, и новыми поколениями, совершенно по другому представляющими, чувствующими функцию лидеров и институтов власти.

Думаю, пришло время сказать то, что может оказаться обидным людям старого мироощущения: людям нового поколения не интересны вопросы об экономических или социальных моделях, которые каждый день обсуждаются в средствах массовой информации. От лидеров и общественных институтов они ждут, чтобы они не были дополнительным грузом в мире, который и так уже сложный. С одной стороны, люди нового поколения надеются на появление новой альтернативы, поскольку существующие модели они считают устаревшими. А с другой – они не

готовы поддерживать идеи и лидеров, которые не соответствуют их устремлениям. Данную ситуацию многие оценивают как безответственность молодёжи. На мой взгляд, это вопрос не об их ответственности, а об их новом мироощущении, на которое необходимо серьёзно обратить внимание. И не решать эту проблему путём социологических опросов, проводимых с целью определить, каким новым способом можно манипулировать сознанием людей. Это вопрос о всеобъемлющей оценке значения человека, которого до сих пор призывали на словах, но предавали на делах.

Ко всему вышесказанному, наверно, можно возразить, что в настоящем кризисе народ потребует конкретных решений. Но конкретное решение – это одно, а просто обещать конкретное решение – это совсем другое. Конкретнее всего то, что люди уже не верят в обещания. Такая социальная действительность гораздо важнее, чем любые обещания, так как люди прекрасно знают, что их никто не будет выполнять. Кризис доверия также опасен, поскольку кинет нас в сторону демагогов и харизматических лидеров, способных пробуждать всякие глубокие страсти. Но всё сказанное, несмотря на мои повторения, трудно признаётся людьми, так как встречает сопротивление со стороны пейзажа формирования, где сами факты путаются со словами, упоминающими эти факты.

Пришло время поставить вопрос про взгляд, с помощью которого до сих пор рассматривались данные проблемы. Это не странно, поскольку уже несколько лет учёные перестали считать, что смотрят на саму реальность. Они начали исследовать, как их собственное наблюдение вмешивается в изучаемое явление. Значит, наблюдатель вносит элементы своего собственного пейзажа в изучаемые явления, и даже взгляд, направленный на некую область исследования, сосредоточится на ограниченной части данной области, которая может оказаться не самой значительной для изучения. Эта проблема становится ещё острее, когда речь идёт об оправдании политических позиций, когда утверждается, что всё делается для блага человека, а на самом деле учитывают не его, а другие факторы, отводя человеку второстепенную роль.

На тему о человеческой жизни говорят пустыми словами. По-настоящему, не придают ей реальной ценности, поскольку предполагается, что человек является не деятелем событий, а объектом влияний макроэкономических, этнических, религиозных или географических сил; поскольку предполагается, что от народов, объективно, требуется труд и повиновение власти, а, субъективно, доверчивость и послушание.

После замечаний о способе рассмотрения явления цивилизации, учитывая наш пейзаж формирования, наши убеждения и ценности, вполне логично, чтобы мы снова сосредоточились на главной теме.

Настоящая кризисная ситуация не относится к отделённым друг от друга цивилизациям, как раньше, когда они могли взаимодействовать, игнорируя или регулируя по-своему разные факторы. Из-за наступательного процесса глобализации сегодня необходимо как интерпретировать факты, так и действовать в структурной динамике и глобальном масштабе. Впрочем, мы видим, что деструктуризация не останавливается, что национальное государство страдает из-за ударов местничества снизу, регионализации и мондиализации сверху. Мы наблюдаем, как люди, культурные коды, языки и вещи фантастически смешиваются будто при строительстве Вавилонской башни; как централизованные предприятия страдают из-за трудностей процессов флексибилизации; как поколения отходят друг от друга, как будто в одном и том же месте и времени существуют отдельные субкультуры, с разным прошлым и будущим; как члены семьи, коллеги по работе, политические, трудовые и социальные организации испытывают давление центроизбежных дезинтеграционных сил; как идеологии, пронизанные этим вихрем, не могут вдохновить людей на последовательные действия; как прежняя солидарность исчезает во всё более разъединённой социальной ткани общества; как, в конце концов, индивид оказывается изолированным посреди переполненного людьми повседневного пейзажа.

Все вышесказанное показывает, что даже эти неструктурированные и парадоксальные факты связаны с одним и тем же глобальным процессом. А если старые идеологии не могут отвечать на вызов времени, то это потому, что они являются частями того же уходящего мира. Однако многие думают, что данные события обозначают конец идеологии и конец истории, конфликтов и человеческого прогресса. Со своей стороны, всё это мы называем «кризисом». Но мы очень далеки от рассмотрения данного кризиса как окончательного упадка, потому что видим разрушение прежних форм как смену «одежды», которая людям уже не по размеру.

События, которые в некоторых местах происходят быстрее, чем в других, в недалёком будущем охватят всю планету. А в тех местах, где до сегодняшнего дня все необоснованно уверены в несравнимых успехах, мы увидим явления, которые повседневный язык будет называть «немыслимыми». Мы движемся к планетарной цивилизации, у которой будет новая форма социальной организации и новая шкала ценностей, а они неизбежно возникнут в ответ на наиболее важный вопрос нашей эпохи: хотим ли мы жить и в каких условиях? Наверное, в проекты амбициозных элит, которые временно властвуют, не будет отражена данная тема, ценная для любого простого человека, изолированного и беспомощного, а наоборот, они будут считать решающими макросоциальные факторы. Однако, поскольку они продолжают игнорировать нужды конкретного современного человека, то, в одних случаях, не будут адекватно реагировать на социальное разочарование, в других – на насильственный бунт, а в общем – на массовый уход от повседневной действительности путём всяких форм наркотизации, невроза и самоубийства.

Обесчеловеченные проекты элит будут застревать в процессе их реализации, так как пятая часть мирового населения не сумеет больше выдержать всё увеличивающееся расстояние, отдаляющее её от восьмидесяти процентов людей, нуждающихся в минимальных условиях жизни. Известно, что данный синдром нельзя устранить с помощью только психологов, фармацевтических препаратов, спорта или по рекомендациям публицистов. Даже мощнейшие средства массовой информации или гигантские массовые мероприятия не будут достаточными для того, чтобы уговорить нас в том, что мы муравьи или просто номера в какой-то статистике. Но, наверное, вместо этого им удастся усилить чувство абсурда и бессмысленности жизни.

Я уверен, что в цивилизационном кризисе, происходящем в наше время, можно найти многочисленные факторы, которые можно положительно использовать таким же образом, как, например, мы применяем технологию в сфере здравоохранения, образования для улучшения жизненных условий людей и отрицаем её, когда она используется для разрушения. Нынешние события заставят нас переосмыслить наши убеждения, касающиеся глобальной ситуации, оценить человеческую историю с другой перспективы, выстроить наши проекты вокруг другого представления о будущем, посмотреть друг на друга с обновлённым чувством сострадания и толерантности. Тогда новый гуманизм пробьёт себе дорогу в лабиринте истории, где столько раз человек терял себя.

В настоящее время кризис распространяется по всем направлениям на планете, а не только в СНГ или Москве, которые всё-таки превратились в точки его наиболее яркого проявления. Сегодня на пути к единению мировая цивилизация не может отказаться от инициатив великого русского народа. Поскольку от тех решений, которые Россия найдёт для своих проблем, зависит будущее всех нас, участников той же мировой цивилизации.

Мы говорили о понятии «цивилизация» и о том, что мы считаем сегодня «мировой цивилизацией»; также мы затрагивали вопрос о кризисе и об убеждениях, на основе которых мы интерпретируем настоящую ситуацию. Что касается понятия «Гуманизма», которое также входит в название данного выступления, я хотел бы добавить несколько пунктов. Во-первых, мы не говорим об историческом гуманизме, связанном с литературой и искусством и составляющим двигатель европейского Возрождения, который сорвал цепи средневекового мракобесия. Исторический гуманизм можно чётко охарактеризовать, и мы считаем себя его продолжателями, несмотря на ложность некоторых конфессий, которые сегодня также считают себя «гуманистами»... Никак не является гуманистом тот, кто ставит другую ценность выше человека.

Я должен также подчеркнуть, что гуманизм извлекает свои ценности, свой взгляд на мир, на общество, на политику, на искусство и на историю, от определённой концепции человека. Чёткость подхода видна из понимания структуры данной концепции. Нет пути к человеку от другой отправной точки, чем сам человек. В современной ситуации нельзя уже исходить из теорий о материи, о духе или о Боге... Необходимо взять за основу жизнь человека, его свободу, его интенциональность; и, само собой разумеющееся, никакой детерминизм или натурализм не имеет возможности превращаться в гуманизм, поскольку их изначальные предпосылки ставят человеческое существо на второстепенное место.

Современный гуманизм определяет человека как «историческое существо, чей способ общественных действий преобразует его собственную природу». Мы найдём здесь необходимые изначальные элементы для обоснования теории и практики, отвечающие на вызов нашего времени. Но в этом выступлении нет возможности продолжить развивать представленную концепцию.

Понятно, что в нашем кратком описании о кризисе современной цивилизации мы исходим из структуры человеческого бытия в соответствии со взглядом современного гуманизма. В нашем видении понятия «кризис цивилизации» и «гуманизм» взаимосвязаны, что поможет преодолеть некоторые из нынешних трудностей в мире. Мы не будем сейчас подробно характеризовать его (наше видение), но ясно, что мы считаем, что Гуманизм – это набор идей практического применения, течение мышления и возможная организация, которая работала бы с целью преобразования индивида и общества, принимая в свои ряды политических и культурных деятелей, сохраняющих свои особенности, но в то же время идущих к одной общей цели. В эпоху перемен, когда процессы децентрализации и крики о признании разнообразия набирают силу, все попытки гегемонии определённой тенденции могут только навредить обществу.

Я хотел бы закончить моё выступление соображением личного характера. В последние дни у меня была возможность участвовать во встречах и семинарах с представителями культуры и науки. Во многих случаях я заметил какой-то пессимизм в отношении возможного будущего. Тогда я не стал выражать некие наивные представления или заявлять, что верю в светлое будущее. Однако я уверен, что в данный момент мы должны сделать усилия для того, чтобы преодолеть разочарование, вспомнив другие случаи глубоких кризисов, которые пережило и преодолело человечество. В этой связи я хотел бы воскресить в памяти слова, которые уже звучали в начале древнегреческой трагедии: «На всех дорогах, по-видимому, закрытых, человек всегда находил выход».

На этом всё, большое спасибо.

Взгляд на мир сегодняшнего гуманизма

16 апреля 1993 г.

Автономный университет Мадрида (Испания)

Я благодарен Автономному университету Мадрида за предоставленную возможность выразить мою точку зрения. Благодарю Гуманистический форум за приглашение выступить сегодня здесь. Благодарю также преподавателей, студентов, представителей прессы и друзей за присутствие. Благодарю всех вас, кто пришёл.

В последний раз я публично выступал в Мадриде 3 ноября 1989 года. В Атенео я говорил об одной из моих книг, которую в то время опубликовало испанское издательство. Сегодня не будем касаться тем литературы или поэзии, а рассмотрим философско-социальное течение, которое предлагает действовать за преобразование общества. Многие начинают принимать его во внимание благодаря глубоким изменениям, которые происходят в мире. Данное течение – это гуманизм. Кратко мы рассмотрим его исторические корни, развитие и ситуацию в настоящее время.

Существуют два значения, которые обычно приписывают слову «гуманизм». Первое представляет собой любое направление мышления, которое утверждает ценность и достоинство человека. Это значение позволяет интерпретировать гуманизм самыми разнообразными способами. Другое – более ограниченное значение с чёткой исторической перспективой, когда понятие «гуманизм» используют для обозначения процесса трансформации, начавшегося около конца XIV и начала XV веков, а в следующем столетии под названием «Возрождение» преобладающего в интеллектуальной жизни Европы. Достаточно упомянуть Эразма; Джордано Бруно; Галилео Галилея; Николая Кузанского; Томаса Мора; Хуана Вивеса и Буйе, чтобы понять разнообразие и масштабы исторического гуманизма. Его влияние продолжалось на протяжении XVII и большей части XVIII веков до начала революций, которые открыли дверь в современную эпоху. Казалось, данное течение медленно угасало до тех пор, пока в середине XX века не стало снова в центре дискуссии среди философов, занимающихся социальными и политическими вопросами.

Фундаментальные аспекты исторического гуманизма были примерно следующие:

1. Противодействие образу жизни и ценностям средневековья. Так, в искусстве, науке и философии началось значительное признание других культур, особенно греко-римской.
2. Инициатива по созданию нового образа человека, подчёркивающего его личность и преобразующий характер его действий.
3. Новое отношение к природе, принятие её больше в качестве среды обитания человека, а не как враждебного мира, полного искушений и кар.
4. Интерес к экспериментированию и исследованию окружающего мира, стремление найти естественные объяснения, не ссылаясь на сверхъестественное.

Данные аспекты исторического гуманизма сводятся к одной цели: увеличить доверие к человеку, его творчеству, посмотреть на мир как на царство человека. Царство, в котором он может доминировать с помощью научного знания. С новой точки зрения рассматривается необходимость формирования нового видения Вселенной и истории. Аналогичным образом новые концепции гуманистического движения подводят нас к переосмыслению религиозного вопроса как в догматических и литургических проявлениях, так и в организационных, которые в то время пронизывают социальные структуры Средневековья. В соответствии с изменением экономических и социальных сил того времени гуманизм делается всё более сознательным и революционным, с каждым днём всё более осуждающим установленный порядок. Но Реформация в немецком и англосаксонском мире и Контрреформация в латинском мире пытаются остановить новые идеи, властно отстаивая традиционную христианскую точку зрения. Кризис переходит от церкви к государственным структурам. И наконец, империя и существующая по божественному праву монархия устраниваются благодаря революциям конца XVIII и всего XIX веков.

Но после Французской революции и американской войны за независимость гуманизм практически исчез, несмотря на продолжающий существовать социальный фон идеалов и стремлений, который поощряет экономические, политические и научные преобразования. Гуманизм регрессировал по сравнению с концепциями и практиками, которые установились по окончании

эпохи колониализма, Второй мировой войны и разделения планеты на две части (Запад-Восток). В данной ситуации вновь открываются дебаты о значении человека и природы, об оправдании экономических и политических структур, об ориентации науки и техники и, в общем, о направлении исторических событий.

Экзистенциальные философы дали первые сигналы: Хайдеггер дисквалифицировал гуманизм как ещё одну форму метафизики (в своём «Письме о гуманизме»); Сартр, наоборот, защитил его (в книге «Экзистенциализм – это гуманизм»); Люпен уточнил теоретические рамки (в работе «Феноменология – это гуманизм»). С другой стороны, Альтюссер, приняв антигуманистическую позицию (в книге «За Маркса»), и Маритайн, выступивший с антитезой из области христианства (в «Интегральном гуманизме»), делают кое-какие достойные усилия.

После прохождения длинного пути, а также последних дискуссий в области идей стало ясно, что гуманизм должен определить своё текущее положение не только как теоретическая концепция, но и как деятельность и социальная практика. В связи с этим, мы будем постоянно ссылаться на недавний учредительный документ.

Сегодня вопрос о состоянии гуманизма должен быть поднят со ссылкой на условия, в которых живут люди. Такие обстоятельства не являются абстрактными. Поэтому неправильно основывать гуманизм на теориях, касающихся природы, истории или веры в Бога. Условия жизни человека таковы, что он неизбежно сталкивается с болью и необходимостью её преодоления. Это характерно для многих видов животных, но у человека к тому же появляется дополнительная потребность: уметь предвидеть, как в будущем преодолеть боль и получить удовольствие. У него предвидение будущего основано на прошлом опыте и на стремлении улучшить существующее положение. Продукт труда, накопленный в процессе общественного производства, претерпевает изменения и передаётся из поколения в поколение, в непрерывной борьбе по преодолению природных и социальных условий, в которых люди живут. Именно поэтому понятию человека следует дать такое определение: человек – это историческое существо, чей способ общественных действий преобразовывает мир и его собственную природу. Данный пункт имеет решающее значение, потому что, принимая его, невозможно в дальнейшем претендовать на утверждение естественного права, естественного имущества или естественных институтов, или, наконец, типа человека будущего, идентичного сегодняшнему, как будто бы его развитие было бы закончено раз и навсегда.

Снова становится существенной старая тема взаимоотношений человека и природы. Возвращая к ней, мы обнаруживаем немалый парадокс, то есть человеческое существо находится в постоянном движении, изменении, невзирая на природные особенности, а в тоже время мы обнаруживаем у него одну постоянную – его историчность. Именно поэтому, растягивая значения этих понятий «природы» и «человека», мы можем сказать, что природа человека и есть его история, его социальная история. Таким образом, каждый человек при рождении не является первой особью, генетически приспособленной для реагирования на окружающую её среду, а историческим существом, которое развивает свой личный опыт в социальном пейзаже, в человеческом пейзаже. А вот здесь, в этом социальном мире, общее намерение преодолеть боль отвергается намерениями других людей. Мы говорим о том, что одни индивиды натурализуют других, отвергают их намерение, превращая их в объекты использования. Таким образом, трагедия человека быть подверженным природным условиям побуждает его к социальной и научной деятельности, к новым достижениям, преодолевающим эти условия; а его же трагедия быть подверженным социальным условиям неравенства и несправедливости побуждает человека восстать против ситуации, в которой существует не игра слепых сил, а игра других человеческих намерений. Те человеческие намерения, которые дискриминируют других, осуждаются в социальной области, а не в области природной трагедии, в которой намерения как такового не существует. Вот почему во всех ситуациях дискриминации непременно видно чудовищное стремление установить, что различия между людьми связаны с естественными условиями, будь то физическими или социальными, создавшими свою игру сил без вмешательства намерения. Итак, расовые, сексуальные, экономические различия могут быть оправданы ими либо генетикой, либо законами рынка, но всегда с искажением, ложью и непорядочностью.

Выше изложены две основные идеи. Во-первых, о состоянии человека, испытывающего боль, с импульсом преодолеть её, а во-вторых, об определении человека как исторического и социального существа. Эти идеи центрируют гуманистический вопрос на сегодняшний день. Более широко эта

тема развита в книге «К вопросу о мышлении», в частности во второй части – «Историологические дискуссии».

В основополагающем «Документе» Гуманистического движения провозглашается, что переход от предыстории к полноценной человеческой истории будет осуществлён только тогда, когда устранится насильственное животное присваивание некоторых людей другими. В то же время, необходимо сделать человеческое существо полностью реализованным и свободным в качестве главной ценности общества. Воззвание: «Ничто не может стоять выше человека и ни один человек – ниже другого», – обобщает всё это. Если принять в качестве основной ценности бога, государство, деньги и т. д., то человек оказывается отодвинутым на второй план, создаются условия для последующего контроля над ним или для принесения его в жертву. Для нас, гуманистов, этот вопрос ясен. Гуманисты, будь мы атеистами или верующими, исходим не из атеизма или веры, чтобы обосновать наше мировоззрение и наши действия; для нас отправной точкой является человек и его непосредственные потребности.

Гуманисты формулируют главный вопрос следующим образом: знать, хотим ли мы жить, и решить, в каких условиях нам жить. Мы отвергаем все формы физического, экономического, расового, религиозного, сексуального и идеологического насилия, которые являются тормозом человеческого прогресса. Мы обличаем любую форму скрытой или явной дискриминации.

Вот грань между гуманизмом и антигуманизмом. Самое главное для гуманизма: вопрос о труде – в противовес крупному капиталу; вопрос о подлинной демократии – в противовес демократии формальной; вопрос о децентрализации – в противовес централизации; вопрос об антидискриминации – в противовес дискриминации; вопрос о свободе – в противовес угнетению; вопрос о смысле жизни – в противовес покорности, пособничеству и абсурду.

Поскольку в основе гуманизма лежит свобода выбора, он обладает полноценной этикой. Кроме того, поскольку гуманисты верят в интенциональность, то проводят различие между ошибкой и злым умыслом.

Именно таким образом мы, гуманисты, и определяем свои позиции. Мы ощущаем себя не выходцами из ниоткуда, а наследниками долгого процесса коллективных усилий. Мы осознаём свои обязанности в настоящий момент и готовимся к долгой борьбе в будущем. Мы подтверждаем разнообразие в открытой оппозиции со стандартизацией, которая до сих пор навешивалась и поддерживалась объяснениями, что разнообразие создаёт диалектику внутри системы таким образом, что, если уважать особенность элементов системы, то даётся полная свобода действий центробежным и дезинтеграционным силам. Гуманисты считают наоборот и подчёркивают, что в наше время именно устранение разнообразия приводит к взрыву жёстких структур. По этой причине мы стремимся к конвергенции, к схождению намерений, и мы возражаем против идеи и практики ликвидации якобы диалектических условий в определённой системе.

В «Документе» мы, гуманисты, признаём предысторию Исторического гуманизма и нас вдохновляют достижения самых различных культур, а не только тех, которые сегодня занимают центральное место. Мы думаем о будущем и боремся за преодоление нынешнего всеобщего кризиса. Будучи оптимистами, мы верим в свободу и социальный прогресс.

Мы, гуманисты, являемся интернационалистами, стремимся к созданию единой общечеловеческой нации. Мы видим мир глобально и каждый действует в своей непосредственной среде. Нам нужно не единообразие, а многообразие мира: многообразие народов, языков и традиций; многообразие сёл, городов, областей и автономий; многообразие идей и устремлений, верований, атеизма и религиозности; многообразие видов трудовой деятельности; многообразие в творчестве.

Мы, гуманисты, не хотим ни хозяев, ни руководителей, ни начальников; мы также не считаем себя представителями или руководителями кого бы то ни было. Мы выступаем против централизованного государства, а также против парастата, которое могло бы прийти на смену. Гуманисты не хотят армии в роли полиции, как и не хотят вооружённых банд, которые могли бы заменить её...

Конечно же, гуманистам интересно обсуждение экономических условий, они утверждают, что сегодня главными являются не вопросы о феодальной экономике, о национальной индустрии, даже не интересы региональных групп. Сегодня речь идёт о том, что эти пережитки прошлого приспособляются к диктату международного финансового капитала, спекулятивного капитала,

концентрация которого носит всемирный характер. В данных условиях, даже национальное государство, чтобы выжить, нуждается в кредитах и займах. Все, без исключения, выпрашивают инвестиции и предоставляют гарантии для того, чтобы банки взяли на себя окончательное решение. Близится время, когда сами компании, деревни и города станут бесспорной собственностью банков. Близится время Парагосударства, когда прежние порядки должным образом будут упразднены. Одновременно исчезает и прежняя солидарность. В конечном счёте, речь идёт о разложении социальной ткани и появлении миллионов людей, оторванных друг от друга и безразличных друг к другу, несмотря на общие лишения. Крупный капитал, господствующий с помощью средств производства над объективной реальностью, подавляет также субъективное начало благодаря контролю за средствами коммуникации и информации. В этих условиях он может по своему усмотрению распоряжаться материальными и социальными ресурсами, вызывая необратимые изменения в природной среде и все более грубо отбрасывая людей. Для этого крупный капитал располагает достаточными технологиями. И так же, как опустошаются предприятия и государства, выхолащивается научная мысль, которая превращается в технологию производства нищеты, разрушений и безработицы. Гуманистам нет нужды приводить многочисленные аргументы, когда они утверждают, что современный мир в технологическом отношении способен решить в короткие сроки проблемы обширных районов, касающиеся полной занятости, продовольствия, здравоохранения, жилья и образования. Но эта возможность не реализуется просто потому, что чудовищная спекуляция крупного капитала препятствует этому.

Крупный капитал уже прошёл этап рыночной экономики и начинает дисциплинировать общество для борьбы с хаосом, который он сам и породил. Рост безработицы, спад экономики и выход за политические и институциональные рамки знаменует собой начало новой эпохи, когда управленческие кадры должны быть обновлены и адаптированы к новым временам. Эти изменения представляют собой ещё один шаг в направлении общего кризиса Системы на пути к мондиализации.

В этой обстановке абсурда не слышны голоса разума, как мы могли бы ожидать. Наоборот, наблюдаются проявления фундаментализма, фанатизма и самого тёмного расизма. И если этот неоиррационализм охватит регионы и коллективы, поле деятельности прогрессивных сил будет сокращаться с каждым днём. С другой стороны, миллионы трудящихся уже осознали как нереальность государственного централизма, так и фальшь капиталистической демократии. Рабочие поднимают голоса протеста против коррумпированных руководителей профсоюзов, а народы, в общем, выступают с требованиями к партиям и правительствам. Однако необходимо придать направление этим процессам, в противном случае их стихийность приведёт к застою. Требуется обсудить основные темы, касающиеся факторов производства.

По мнению гуманистов, к факторам производства относятся труд и капитал без спекуляции и ростовщичества. Гуманисты считают, что в современном мире необходимо, чтобы абсурдная взаимосвязь, установленная между трудом и капиталом, была полностью преобразована. До сих пор существует порядок, когда капитал получает прибыль, а человек труда – только заработную плату, и такой дисбаланс оправдывается «риском» инвесторов. Как будто трудящийся не рискует своим настоящим и будущим в условиях колебаний уровня безработицы и кризиса. Помимо изменения отношений между обоими факторами следует учитывать участие трудящихся в хозяйственной деятельности и в принятии решений при управлении предприятием. Прибыль, не вложенная в производство, не направленная на его расширение или диверсификацию, сегодня используется для финансовых спекуляций. Прибыль, не создающая новых рабочих мест, также используется для финансовых спекуляций. Следовательно, борьба трудящихся должна быть направлена на то, чтобы обязать капитал сделать максимум продуктивной производительности. А для этого необходимо совместное с трудящимися управление производством. Иначе как избежать массовых увольнений, закрытия или ликвидации предприятий? Поскольку наибольший вред исходит от недостаточных инвестиций в само производство, злостного банкротства, принудительной задолженности и оттока капитала. Но если трудящиеся, руководствуясь учениями XIX века, будут бороться за конфискацию средств производства, то им следовало бы учесть недавний крах реального Социализма.

В ответ на возражение о том, что установление каких бы то ни было рамок для капитала, подобных тем, что существуют для наёмного труда, приведёт к его оттоку в более прибыльные места, – следует разъяснить, что подобное будет длиться недолго, ибо иррациональность нынешней схемы приводит к её насыщению и всемирному кризису. Подобное возражение, помимо признания радикальной аморальности, игнорирует исторический процесс перемещения капитала в банки, в

результате чего сам предприниматель становится служащим без права принятия решений, звеном единой цепочки, сохраняющим лишь видимость самостоятельности. Кроме того, предприниматели сами задумываются над этими вопросами по мере усугубления спада производства.

Гуманисты осознают необходимость действия не только в сфере труда, но и в политической области, с тем чтобы не допустить превращения государства в орудие мирового финансового капитала, чтобы добиться справедливого соотношения между трудом и капиталом и чтобы вернуть обществу украденную автономию.

В политической сфере ситуация показывает, что здание демократии подверглось серьёзным разрушениям после того, как дали трещину его основные устои: независимость ветвей власти, представительность и уважение меньшинств. Теоретическая независимость ветвей власти – это просто нелепость. Достаточно на практике изучить происхождение и состав каждой из них, и станет очевидной их тесная взаимосвязь. Иначе и быть не может, так как они составляют единую Систему. Так что частые кризисы, связанные с временным превосходством одной из властей, с наслоением функций, коррупцией и неправильным функционированием, обуславливаются общей политической и экономической ситуацией в каждой конкретной стране.

Говоря о представительности, с тех пор, как всеобщее голосование получило широкое распространение, считалось, что между избранием и сроком окончания полномочий имеется лишь один единый акт. Но со временем стало ясно, что есть первый акт, заключающийся в том, что многие избирают немногих, и второй акт, когда эти немногие предают многих, ибо представляют интересы, чуждые духу полученного мандата. Этот недуг зреет и в политических партиях, в их верхушках, не ведающих о потребностях народа. В рамках партийной машины заинтересованные круги финансируют кандидатов и указывают им политический курс, которому они должны следовать. Всё это свидетельствует о глубоком кризисе концепции представительности власти и её воплощения. Гуманисты борются за изменение практики представительности, придавая особое значение референдуму, плебисциту и прямому избранию кандидатов. Ведь ещё во многих странах действуют законы, по которым независимые кандидаты оказываются в подчинении у политических партий или попадают в плен различных уловок и экономических ограничений, препятствующих участию в выборах. Любой закон, мешающий гражданину полностью реализовать своё право избирать и быть избранным, есть ни что иное, как насмешка над подлинной Демократией, которая стоит выше любого юридического регулирования. И раз речь идёт о равных возможностях, то во время выборов средства массовой информации должны служить народу; всем кандидатам должны быть предоставлены абсолютно равные возможности излагать свои программы. Кроме того, необходимы законы о политической ответственности, с помощью которых не выполнивший свои предвыборные обещания может быть лишён полномочий, смещён или предан политическому суду. Ныне существующая практика, согласно которой лица или партии, не выполнившие свои обещания, получают наказание на следующих выборах, абсолютно не предотвращает второй акт – измену интересам представляемых людей. Что же касается прямых референдумов по безотлагательным вопросам, то с каждым днём ширятся возможности технически их осуществить. Речь идёт не о проведении опросов, при которых возможны манипуляции; мы говорим об облегчении участия в голосовании и о прямом волеизъявлении с помощью современных электронных и компьютерных средств.

При подлинной Демократии меньшинства должны иметь гарантии представительства, кроме того, необходимо стремиться к принятию всех возможных мер, которые на практике способствовали бы их развитию и участию в жизни общества. В настоящее время меньшинства, преследуемые ксенофобией и подвергающиеся дискриминации, горестно молят о признании. В этой связи гуманисты несут ответственность за то, чтобы данный вопрос стал предметом самого серьёзного обсуждения; они должны повсеместно возглавлять эту борьбу до тех пор, пока не будут разгромлены явные и скрытые неофашисты. В конечном счете, борьба за права меньшинств – это борьба за права всех людей. Бывает и так, что в какой-либо стране целые провинции, регионы или автономии страдают от такой же дискриминации, как и меньшинства; это происходит под нажимом централизованного Государства, превратившегося в бесчувственное орудие в руках крупного капитала. И это должно прекратиться лишь с созданием федеративной организации, в которой исторические и культурные образования вновь обретут реальную политическую власть.

В конечном счёте, ставить во главу угла вопросы капитала и труда, подлинной демократии и децентрализации государственного аппарата означает нацелить политическую борьбу на создание

общества нового типа; общества гибкого и постоянно меняющегося в соответствии с изменениями потребностей народов, ныне зажатых в тиски зависимости.

В нынешней ситуации путаницы необходимо обсудить вопрос о спонтанном, наивном гуманизме, и отнести его к тому, что мы понимаем, как сознательный гуманизм. Очевидно, что гуманистические идеалы и устремления проявляются в обществе с неизвестной немного лет назад силой. Мир быстро меняется, и это изменение, помимо устранения старых структур и ориентиров, ликвидирует также и старые формы борьбы. В такой ситуации возникают разные виды спонтанеизма, которые, кажется, ближе к катарсису и социальным бунтам, чем к направляемым процессам. Таким образом, при рассмотрении гуманистического характера групп, ассоциаций и отдельных прогрессивных лиц, даже когда они не являются частью этого Гуманистического движения, мы обращаем внимание на объединение усилий в едином направлении, а не на создание нового гегемонизма, сохраняющего старые подходы и процедуры.

Мы считаем, что в местах работы и проживания трудящихся простой протест должен стать сознательной силой, ориентированной на преобразование экономических структур. Но есть также много разнообразных мероприятий, которые объединяют активных членов союзов и политических организаций. Гуманизм не предлагает их выкорчевать, чтобы участвовать в этом движении. Совсем наоборот. Последовательная борьба с целью добиться изменений в руководстве тех организаций, в которых они состоят, нацеливая коллективы не только на удовлетворение требований сегодняшнего дня, – направляет данные прогрессивные элементы на сближение с гуманистическими подходами. Широкие слои студентов и преподавателей, обычно столь чувствительные к несправедливости, будут осознавать своё стремление к переменам по мере того, как общий кризис системы будет затрагивать их. И тот, кто работает в средствах массовой информации и ежедневно сталкивается с человеческой трагедией, так же сегодня в состоянии действовать в гуманистическом направлении. То же самое можно сказать и о кругах интеллигенции, деятельность которых входит в противоречие с установками, выработанными этой бесчеловечной системой. Существует множество платформ, в которых на основе факта страдания человека содержится призыв к бескорыстному действию в защиту обездоленных и дискриминируемых. Ассоциации, группы добровольцев и значительные слои населения иногда вносят положительный вклад в это дело. Несомненно, одним из положительных моментов их деятельности является то, что наличие этих проблем становится достоянием гласности. Однако подобные группы обычно не направляют свои действия на преобразование структур, порождающих указанные недуги. Такая деятельность скорее вписывается в категорию Гуманитаризма, чем сознательного Гуманизма, но вместе с тем в ней уже заложена основа для углубления и расширения протестов и конкретных действий.

Но так же, как существует широкий и диффузный социальный сектор, который мы могли бы назвать «гуманистический лагерь», существует и не менее обширный сектор, который можно назвать «антигуманистический лагерь». К сожалению, есть миллионы гуманистов, которые до сих пор ещё не начали двигаться в направлении преобразования общества, в то время как регрессивные явления, которые считались преодоленными, начинают снова появляться. По мере того, как силы, мобилизованные крупным капиталом, всё больше душат народы, появляются противоречивые тенденции, которые набирают силу за счёт дискомфорта людей, направляя их недовольство против псевдовиновных. В основе этих неонацистских тенденций лежит глубокое отрицание общечеловеческих ценностей. Также некоторые «девиаторные» экологические течения ставят во главу угла природу, а не человека. Они заявляют, что экологическое бедствие является катастрофой не потому, что оно угрожает человечеству, а потому, что человек покушается на природу. Согласно утверждениям некоторых представителей этих движений, человек заражён сам, и потому заражает природу. Они предпочли бы, чтобы медицина проиграла в борьбе с болезнями и чтобы ей не удалось продлить человеческую жизнь. «Земля – превыше всего», – истерически вопят они, напоминая нам лозунги нацизма. Отсюда всего один шаг до дискриминации «заразных» культур и «загрязняющих» иностранцев, портящих окружающую среду. Эти течения вписываются также в Антигуманизм, потому что, по-существу, они презирают человека. Их наставники презирают самих себя, а в этом проявляются модные нигилистические и суицидальные тенденции. Значительное число отзывчивых людей присоединяется к экологам, так как понимает всю серьёзность проблемы окружающей среды. Но если экологическое движение приобретёт гуманистические черты, это потому что оно направит борьбу против настоящих виновников катастроф, то есть против крупного капитала и сети разрушительных отраслей промышленности и предприятий, близких к военно-промышленному комплексу. Прежде чем проявлять беспокойство по поводу здоровья тюленей, это движение должно

заняться проблемами голода, перенаселения, жилья, детской смертности, болезней, дефицита в развитии здравоохранения, которые существуют во многих странах мира. Оно должно обратить внимание на вопросы безработицы, эксплуатации, на расизм, дискриминацию и нетерпимость, свойственные технологически развитому миру. Миру, который, с другой стороны, порождает экологический дисбаланс во имя иррационального роста.

Нет нужды слишком пространно останавливаться на анализе правых сил, являющихся политическим орудием антигуманизма. Их злонамеренность доходит до того, что они время от времени объявляют себя «представителями гуманизма». Представители антигуманизма достигли такой степени двуличия и мошенничества в присвоении чужих слов, что даже попытались прикрыться именем «гуманистов». Невозможно перечислить все средства, механизмы, формы и выражения, которыми пользуется антигуманизм. Но в любом случае попытка прояснить некоторые из наиболее скрытых тенденций будет способствовать тому, что многие стихийные или наивные гуманисты пересмотрят свои позиции и значение своей общественной деятельности.

Относительно организационных вопросов, Гуманистическое движение создаёт фронты действия на рабочих местах, в местах проживания, в профсоюзах, в политической и культурной сферах с целью придания движению общественного характера. Действуя таким образом, оно создаёт благоприятные условия для вовлечения в движение различных прогрессивных сил, групп и лиц, не лишая их при этом своей индивидуальности и специфических особенностей. Цель такого движения – содействовать единению сил, способных оказывать всё возрастающее влияние на широкие слои населения, направляя их действия на преобразование общества.

Мы, гуманисты, – не наивные люди, не прельщаемся пустыми словами. Мы не считаем, что наши взгляды представляют собой самое передовое выражение общественного сознания, и не полагаем, что наша организация свободна от недостатков. Гуманисты не претендуют на роль представителей большинства. В любом случае мы действуем в соответствии со взглядами, которые представляются нами наиболее справедливыми, и ставим целью осуществление преобразований, которые, по нашему мнению, возможны и более всего соответствуют эпохе, в котором нам выпало жить.

Завершая выступление, я хотел бы выразить вам мою личную озабоченность. Ни в коем случае я не думаю, что мы идём в направлении к дегуманизированному миру, как это часто представляют некоторые авторы научной фантастики, некоторые течения духовного спасения или некоторые пессимистические круги интеллектуалов. Я считаю, что мы находимся именно в точке, которая не раз уже была в человеческой истории, когда необходимо было сделать выбор между двумя путями, которые ведут к совершенно противоположным мирам. Мы должны выбрать, в каких условиях мы хотим жить, и я думаю, что в этот опасный исторический момент, человечество собирается сделать свой выбор. Гуманизм может сыграть важную роль в принятии оптимального варианта решения.

На этом всё. Большое спасибо.

Условия диалога

6 октября 1993 г.

Президиум Российской академии наук в Москве (Россия)

Приветствую вице-президента Российской академии наук Владимира Кудряцева, уважаемых профессоров, друзей.

Звание, которым наградила меня Российская академия наук на заседании Учёного совета Института Латинской Америки 21 сентября прошлого года, имеет для меня огромное значение. Спустя несколько дней я приехал к вам, чтобы поблагодарить за это признание. Приехал также и для того, чтобы вместе поразмышлять о длительном диалоге на протяжении нескольких лет с учёными из различных институтов вашей страны. Данный обмен, проводимый как при личных контактах, так и посредством переписки и книг, открыл возможность для создания некоего фундамента общих идей при условии диалога строгого и свободного от предубеждений, как, например, в данном случае. И напротив, я хотел бы обратить внимание на некоторые проблемы, препятствующие диалогам, нередко заводя их в тупик.

Я только что упомянул слово «диалог», близкому по смыслу к греческому термину *diálogos* и более позднему *dialogus*, который содержит ту же самую идею и всегда указывает на разговор по очереди между людьми, выражающими свои идеи или чувства. Но диалог, даже когда отвечает всем формальным требованиям, иногда терпит неудачу, если в нём полностью не достигнуто понимание обсуждаемой темы. Философский, научный способ мышления, в отличие от догматического, по существу, является диалогическим и показывает тесную связь с той диалектической структурой, которую уже представил Платон в качестве инструмента, приближающего нас к истине. Современные учёные вновь вернулись к тому же и задумались о природе диалога, особенно начиная с создания феноменологии и формулирования «проблемы Другого», наиболее заметным представителем чего является Мартин Бубер. А до этого, Коллингвуд предупреждал, что проблема не будет решена, если её не понимают до конца; и нет возможности понять проблему, если нет ясности о сути вопроса, которую она поставила. Вопрос и ответ находятся внутри герменевтического диалога, но каждый ответ не замыкает круг, а снова открывает его для новых вопросов, которые, в свою очередь, требуют переформулировки.

Тезис, который я сегодня отстаиваю, можно сформулировать так: «Нет возможности полноценного диалога, пока не будут приняты во внимание все предшествующие ему элементы, от которых зависит необходимость такого диалога». С целью проиллюстрировать данное утверждение я позволю себе сослаться на некоторые обыденные примеры, которые касаются меня лично.

В ответ на просьбу объяснить моё мышление, как на лекции, так в письменном виде, или же в средствах массовой информации, у меня возникает ощущение, что и слова, которыми я пользуюсь, и нить речевого дискурса могут быть поняты без труда, но всё-таки не удастся установить «контакт» со многими слушателями, читателями или представителями прессы. Эти люди находятся в не худших условиях для понимания меня, чем многие другие, с которыми моя речь «соединяется». Естественно, я не имею в виду несогласие, которое может возникать с идеями, мною сформулированными, и возражения со стороны собеседника. В таких ситуациях явственно существует прекрасное «подключение». Даже в горячем споре можно почувствовать этот контакт. Нет, это нечто более общее, то, что связано с условиями диалога (понимая моё изложение как диалог с другой стороной, которая принимает, отклоняет или ставит под сомнение мои утверждения). Чувство отсутствия контакта возникает тогда, когда то, что я объяснил, было несомненно прослушанным, однако мой собеседник задаёт снова тот же вопрос, или делает упор на пунктах, которые не имеют отношения к сказанному; как будто некая расплывчатость, некая незаинтересованность сопровождает непонимание изложенных вопросов; как будто интерес другого направлен за пределы сказанного.

В данном случае мы можем считать диалог обдумыванием или дискуссией между людьми, между сторонами. Не вдаваясь в строгий анализ, всё-таки необходимо договориться об определённых условиях для того, чтобы такое отношение к диалогу удалось, или можно было бы рассудительно и последовательно излагать темы. Таким образом, для достижения полноценного диалога я считаю

необходимо, чтобы обе стороны: 1) совпадали бы в определении выбранной темы; 2) рассматривали бы этот вопрос в одинаковой степени важности; 3) имели бы общее определение ключевых терминов.

Когда мы говорим, что мнение сторон должно совпадать в определении темы, мы имеем в виду взаимоотношения, где каждая сторона принимает во внимание речь другой. Кроме того, определение темы не означает, что не возможно никакой трансформации или изменения в ходе диалога, но во всех случаях каждая сторона должна знать, как минимум, о чём говорит другая.

Когда во втором условии, мы говорим, что стороны должны рассматривать вопрос в такой же степени важности, мы не имеем в виду строгое совпадение, но приемлемое количественное определение важности заданной темы. Потому что, если она имеет значение первого порядка для одной из сторон, а для другой это тривиально, то возможно соглашение по поводу определённого объекта, но не интересов собеседников или функции, которые выполняет дискурс в целом.

И, наконец, если ключевые термины имеют для каждой стороны разные определения, объект диалога может быть изменён, а следовательно и тематика вместе с ним.

В случае, если три перечисленных условия будут выполнены, диалог может развиваться, а в дальнейшем будет разумным согласиться или нет с серией выдвинутых аргументов. Но существуют множество факторов, которые не позволяют обеспечить упомянутые условия диалога. Я ограничусь только некоторыми факторами, предшествующими диалогу, влияющими на условия важности заданной темы.

Ибо для того чтобы заявить о чём-то, необходимо обладать предварительным намерением, позволяющим выбрать термины и соотношения между ними. Не достаточно просто провозгласить: «Ни один человек не бессмертен» или «Все кролики травоядные», – чтобы стало понятным, на какую тему пойдёт речь. Предварительное намерение выступления определяет область, создаёт вселенную, внутри которой будут развиваться суждения. Такая вселенная не является генетически логичной; она связана с предлогическими, пред-диалогическими структурами, то есть со структурами, предшествующими диалогу. То же самое относится и к тем, кто выслушивает эти заявления. Необходимо, чтобы во вселенной дискурса сходились те, кто заявляет, и те, кто воспринимает заявление. В противном случае мы можем говорить о несоответствии дискурса.

До недавнего времени считалось, что от игры предпосылок должен следовать вывод. Так что, если бы вы сказали: «Все люди смертны, Сократ есть человек, следовательно Сократ смертен», – то предполагалось, что вывод вытекает из приведённых выше терминов; а на самом деле подготовивший заявление уже имел при себе заключение. Таким образом, намерение уже было запущено к определённому результату, что позволило, в свою очередь, выбрать подходящие заявление и термины. Именно так и происходит в повседневной речи. И даже в науке дискурс направлен к цели, заранее представленной в виде гипотезы. Теперь, когда диалог установлен, каждая из сторон может иметь различные намерения и разные цели; и, прежде всего, каждая из них может иметь свою оценку важности данной темы. Но эта «важность» определяется не темой, а набором уже существующих убеждений, ценностей и интересов. Два человека могли бы абстрактно договориться о важности темы «смысла жизни», но при этом одна из сторон остаётся убежденной в том, что вопрос имеет мало практических последствий, тема ничего не решит и, в конце концов, это не очень-то срочно и насущно. Факт, что скептический собеседник все-таки следил бы за изложением темы другой стороной или даже активно участвовал бы в диалоге, объясняется другими факторами, но не темой, чью существенность он дисквалифицировал заранее.

Таким образом, пред-диалогические элементы определяют не только вселенную, которая включает тему, но и намерения, которые стоят за (или до) пределами темы. Конечно, пред-диалогические элементы являются дологическими и действуют в границах эпохального, социального горизонта, который люди часто приобретают в результате своего личного опыта и наблюдений. И это барьер, который не возможно легко преодолеть до тех пор, пока не поменяется эпохальная чувствительность людей и исторический момент, в котором они живут. Именно по этой причине многие достижения науки и других областей человеческой деятельности полностью проявились лишь в более поздние времена; но до тех пор, пока творцы таких идей и деяний не достигали такой точки понимания, они встречали диалогический вакуум, а очень часто и барьер враждебности, препятствующий простой возможности публично обсуждать новые взгляды. Только после первоначального момента турбулентности и смены одного или нескольких новых поколений на

исторической сцене важность этих преждевременных разработок стала общей для всех; теперь все стали удивляться, что от таких научных достижений ранее отказывались или принижали их значение.

Поэтому, объясняя свои мысли (не совпадающие с определёнными убеждениями, ценностями и интересами пейзажа нынешней эпохи), я понимаю отсутствие контакта со многими моими собеседниками, с которыми, кажется, есть полное согласие, но только абстрактно. В моей задаче распространения гуманизма очень часто встречаются упомянутые трудности. Если объясняется концепция современного гуманизма, причём делается это ясно и чётко, то благоприятный контакт со многими собеседниками не получается, потому что ему препятствуют прошлые убеждения, ставящие другие ценности выше ценности человека. Конечно, многие люди говорят, что они «гуманисты», потому что слово «гуманизм» может быть красочным, но совершенно очевидно, что у них всё же не существует подлинной заинтересованности и понимания взглядов и суждений этого течения мышления и социальной практики. Если предположить, что набор идей, организованных в систему, является идеологией и диктат моды приводит к концу различных идеологий, то ясно, что методичные формулировки гуманизма не очень-то будут привлекать внимание. Получается, что предпочитают краткосрочные ответы даже на вопросы, которые являются глобальными, и все методические ответы рассматриваются как сверхобобщение. Сегодня, в эпоху мондиализации, когда основные проблемы, с которыми мы сталкиваемся, являются структурными и глобальными, трудности не могут быть решены таким путём, и «краткосрочникам» придётся столкнуться с набором дисфункциональных ответов, которые по самой своей природе будут усложнять ситуацию в неконтролируемой цепной реакции. Конечно, если это происходит, то потому, что привилегированные круги со своими экономическими интересами управляют миром, а взгляды этого меньшинства обрели плоть даже в самых низших слоях общества. Жаль, что можно услышать в речи обычного гражданина те аккорды, которые прежде мы воспринимали от представителей правящего меньшинства через средства массовой информации. И это будет продолжаться, а глубокий диалог и согласованные действия на глобальном уровне не будут возможными, пока частные попытки решить ускоряющийся кризис в мире не потерпят поражение.

В настоящее время считается, что не следует осуждать глобальность современной экономико-политической системы, так как её можно усовершенствовать. Для нас же, напротив, эта система не может совершенствоваться и её невозможно постепенно реформировать. Также считаем, что неструктурированные решения не способствуют нужному обновлению. Данные две противоположные стороны могут стараться наладить диалог, но пред-диалогические факторы, существующие в обеих, непримиримы в качестве систем верований и восприимчивости.

Только с нарастающим крахом частных решений можно будет приблизиться к иному горизонту постановки вопросов и адекватным условиям диалога. Тогда новые идеи начнут постепенно признаваться и всё более разочарованные слои общества сами мобилизуются. Сегодня, когда ещё остаются люди, предполагающие, что некоторые аспекты нынешней системы можно исправить, на планете сохраняется предчувствие того, что в будущем ситуация будет только ухудшаться. И смутное ощущение не просто представляет апокалипсизм конца столетия, а скорее всеобщий дискомфорт, который, из недр безголосого большинства начинает распространяться по всем социальным слоям. В то же время, некоторые продолжают упорно противоречить, утверждая, что систему можно усовершенствовать.

Диалог, как решающий фактор общечеловеческого строительства, не может быть сведён к строгой логике или лингвистике. Диалог – это что-то живое, где обмен идеями, чувствами и переживаниями пропитан иррациональностью существования. Человеческая жизнь с убеждениями, надеждами и страхами, ненавистью, амбициями и идеалами – это то, что составляет основу любого диалога. Когда мы говорили: «Нет возможности полноценного диалога, пока не будут приняты во внимание элементы, предшествующие диалогу, на которых базируется необходимость такого диалога», – то обращали внимание на решение практических последствий такой формулировки. Не будет возможности полноценного диалога по основным вопросам современной цивилизации до тех пор, пока люди не начнут разувериваться в огромной иллюзии, питаемой нынешней системой. Между тем, диалог будет оставаться несубстанциальным, не связанным с мотивами, укоренившимися в обществе.

Когда я получил уведомление Российской академии наук о моём признании, то понял, что на некоторых географических широтах что-то новое начало двигаться; что начавшийся диалог специалистов со временем будет распространяться по площадям городов.

Выражаю благодарность этому великому учреждению, а всем вам – моё пламенное пожелание того, чтобы плодотворный диалог углубился и вышел за пределы академических стен.

Гуманистический форум

7 октября 1993 г.

Москва (Россия)

Дорогие друзья!

Цель Гуманистического форума – изучение и определение возможных подходов к решению глобальных проблем нынешнего мира. На данной основе форум является культурной организацией широкого спектра, занимающейся структурным анализом и обобщением явлений науки, политики, искусства и религии. Гуманистический форум ставить во главу угла свободу совести и идеологическое непредубеждение в качестве необходимых условий для ясного понимания сложных феноменов современного мира.

На мой взгляд, Гуманистический форум намеревается стать инструментом обмена информацией и мнениями между людьми и учреждениями, принадлежащими к самым различным культурам мира. Члены форума также стремятся придать своей деятельности постоянный характер таким образом, чтобы вся значительная информация могла бы циркулировать непосредственно и без задержки среди них.

Кто-то мог бы спросить, может быть, различные институты, существующие сегодня, проводили бы эту работу более успешно, учитывая их опыт, экономическую жизнеспособность, профессиональный и технический потенциал. Может быть, в университетских центрах, частных и государственных фондах, а также в культурных учреждениях ООН можно было бы найти больше возможностей как для исследований большого масштаба, так и для распространения их результатов, если бы у них была некая ценность. Мы не исключаем сотрудничество и обмен с различными структурами, но нам нужно больше самостоятельности, больше свободы суждений в постановке вопросов, в определении областей, представляющих интерес. И всё это не так просто, когда дело доходит до учреждений, которые имеют своеобразную динамику и, конечно же, материально и идеологически зависят. Гуманистический форум намеревается заложить основы будущей глобальной дискуссии. Но не следует априори дисквалифицировать вклад, внесённый до сегодняшнего дня различными идейными течениями, независимо от успеха или неудачи, постигшие их на практике. Гораздо интереснее было бы принять во внимание самые различные позиции, понимая, что в нашей цивилизации, становящейся планетарной, разнообразие взглядов, ценностей и образа жизни будет преобладать, несмотря на давление стандартизирующих течений. В этом смысле мы стремимся к универсальной человеческой нации, а она возможна только в условиях разнообразия. Трудно будет центральным регионам сохранить свой гегемонизм над периферическими, также как и гегемонизм их образа жизни, системы ценностей, идеологической или религиозной позиций за счёт исчезновения других. Уже сегодня мы видим, что централизация порождает сепаратистские движения, потому что нет уважения к подлинной природе городов и регионов, которые могли бы прекрасно объединиться и действовать как реальная федерация сообществ. Не надо думать, что экономический контроль способен творить чудеса. Или остаются ещё те, кто полагает, что, для того чтобы кредиты для развития стали доступными, придётся сначала реформировать государство и закон, позже изменить способ производства, затем обычаи и социальные привычки, а в конце концов, платье, диету, религию и мышление? Этому наивному абсолютизму становится всё труднее утверждать себя и, как в случае с сепаратизмом, как было отмечено выше, он, абсолютизм, только способствует ужесточению и радикализации позиций во всех областях. Действительно, если через диктатуру денег мы могли бы построить полноценное общество, то имело бы смысл продолжать эту дискуссию. Но если на выходе получается декадентское общество без смысла, как для народа, так и для отдельных лиц, а до этого ещё надо было бы согласиться и на инволюцию человечества, то в результате будет увеличение социального беспорядка и ещё большего несчастья для людей. Гуманистический форум не должен упустить из виду директиву разнообразия, не должен изучать различные культуры с перспективы зоологического примитивизма, согласно которому культура, к которой человек принадлежит, представляет собой вершину эволюции и пример для подражания. Гораздо важнее понять, что все культуры вносят свой вклад в великое человеческое строительство. Но Гуманистический форум должен установить минимальные условия. Во-первых, Форум не должен вовлекать те течения, которые способствуют дискриминации или нетерпимости; во-вторых, он не может привлечь те

течения, которые способствуют насилию в качестве методологии действий для навязывания своих концепций или идеалов, независимо от того, какими высшими они не были бы. Кроме этих ограничений нет необходимости в других.

Гуманистический форум является интернациональным. Но означает ли это, что будучи экуменистическим движением он лишает прав региональное или местное? Как это возможно лишить прав кого-то только лишь потому, что он любит свой народ, свою страну, свои обычаи, своих земляков, свои традиции? Можно ли просто приклеить кому-то ярлык «националист»? Ибо любить свои корни значит также быть великодушным, видя труд и страдания предыдущих поколений. «Национализм» искажается, когда собственное самоутверждение делается за счёт отказа признать другие общины, другие народы. Есть ли право у Форума отказываться от вклада тех, кто разделяет социалистические идеалы достижения справедливого и равноправного общества? Что мы могли бы отвергнуть, так это одну из многих возможных моделей, в которой этот идеал искажался навязанной ему унифицирующей тиранией. Почему бы этому Форуму не принять во внимание тех сторонников либерализма, которые считают свою экономическую модель инструментом благосостояния для всех, а не только для некоторой элиты? Будет ли Форум дискриминировать верующих или атеистов из-за их религиозных концепций? Может ли Форум сознательно поддерживать превосходство некоторых обычаев над другими? Конечно, нет. Думаю, что ограничений должно быть только два, упомянутых выше. Таким образом, Форум будет действовать, поддерживая, а не отвергая человеческое разнообразие.

В этом выступлении я не буду далее вдаваться в подробности, хотел бы только отметить несколько вопросов, по которым мы все хотим иметь чёткое понимание и в связи с которыми мы должны найти наилучшую практическую формулу действий. Вопросы, на мой взгляд, следующие: растущие в мире расизм и дискриминация; растущее вмешательство некоторых миротворческих организаций во внутренние дела стран; манипулирование правами человека в качестве предлога для вмешательства; истина о правах человека в мире; увеличение глобальной безработицы; рост бедности в различных регионах и в разных слоях социума, даже в богатых обществах; нарастающее ухудшение состояния здравоохранения и образования; действие сепаратистских сил; рост наркомании; увеличение количества самоубийств; религиозное преследование и радикализация религиозных групп; психосоциальные явления коллективного насилия; реальная опасность разрушения окружающей среды. Мы также хотели бы иметь чёткое представление о явлении дезинтеграции, которое, начиная с социальных и политических групп, в конце концов распространится на межличностные отношения, негативно повлияет на развитие культуры и на все совместные проекты людей. С другой стороны, я хотел бы привлечь внимание тех, кто будет формировать рабочие комиссии Форума, в том направлении, что нет необходимости в сложной организации, скорее нужен просто механизм контакта и обмена информацией. Форуму не нужны огромные ресурсы для своей работы, экономическая проблема не имеет решающего значения для организации этого типа. Форум должен располагать своими информационными ресурсами, ближе к периодическому бюллетеню, чем обычному журналу, с целью установления связей между людьми и учреждениями, которые возможно взаимодействовали бы, но географические расстояния препятствуют этому. Наконец, Форуму нужен мобильный корпус переводчиков. Возможно, комитет Форума сможет создать Мировой центр гуманистических исследований, что будет способствовать непрерывающейся деятельности заинтересованных людей, установлению приоритетов и планированию задач.

Посылаю свой братский привет членам этого Форума и наилучшие пожелания для реализации работ, которые сегодня начинаются.

Что мы понимаем под Универсальным гуманизмом

24 ноября 1994 г.

Сообщество Эману-Эль, Дом либерального иудаизма в Аргентине, Буэнос-Айрес

Я благодарю сообщество Эману-Эль и раввина Серхио Бергмана за возможность сегодня здесь выступить. Я ценю присутствие членов сообщества, докладчиков данного цикла лекций и всех друзей гуманизма.

В названии этого доклада говорится о существовании универсального гуманизма, но это утверждение, конечно же, должно быть проверено. Для этого мы должны рассмотреть то, что подразумевается под словом «гуманизм», так как, с одной стороны, не существует никакого общего согласия о значении этого слова, а с другой – необходимо обсудить, является ли «гуманизм» характерным для какого-либо региона и определённой культуры или он относится к корням и наследию всего человечества. Для начала будет уместно объяснить нашу заинтересованность в этих вопросах, так как если это не сделать, то можно предположить, что наша мотивация – не более, чем историческое любопытство или какая-либо культурная тривиальность. Для нас же значительное преимущество гуманизма в том, что он – не только история, но и проект будущего мира, а также инструмент для сегодняшней деятельности.

Мы заинтересованы в таком гуманизме, который способствовал бы улучшению жизни людей, боролся бы с дискриминацией, фанатизмом, эксплуатацией и насилием. В стремительно глобализирующемся мире, где видны столкновения между культурами, этническими группами и регионами, необходим универсальный, толерантный, конвергентный гуманизм. В мире, где деструктурируются страны, институты и человеческие отношения, должен существовать гуманизм, способный стимулировать воссоздание социальных сил. Миру, в котором потерялись смысл и направление в жизни, необходим гуманизм, способный создать новый доброжелательный, положительный климат для размышлений, где не противостояли бы никоим образом личное и социальное. Мы заинтересованы в творческом, а не повторяющемся гуманизме. Нам интересен новый гуманизм, который, рассматривая парадоксы нашего времени, стремился бы разрешить их. Эти вопросы, кажущиеся в некоторых случаях противоречивыми друг другу, будут освещены более подробно в данном выступлении.

Спрашивая, что мы понимаем сегодня под словом «гуманизм», мы имели в виду как происхождение, так и нынешнее состояние вопроса. Давайте сначала рассмотрим проявления гуманизма в западной истории, не закрываясь от того, что происходило в других частях мира, где гуманистическая позиция существовала уже до того, как определились понятия «гуманизм», «гуманист» и прочие. Что касается позиции, о которой я упомянул и являющейся общей для гуманистов разных культур, то я должен подчеркнуть её следующие характеристики: 1) установление человека в качестве главной ценности; 2) утверждение равенства всех людей; 3) признание личного и культурного разнообразия; 4) стремление к развитию знаний, вопреки тому, что принято за абсолютную истину; 5) утверждение свободы взглядов и убеждений; 6) отрицание насилия.

Вникая в европейскую культуру, особенно в культуру доренессансной Италии, мы отмечаем, что *studia humanitatis* (изучение гуманитарных наук), относилось к знанию греческих и латинских языков с акцентом на «классических» авторов. «Гуманитарные науки» включали историю, поэзию, риторику, грамматику, литературу и философию морали. Они имели дело с общечеловеческими вопросами, в отличие от предметов, характерных для «юристов», «канонистов», «правоведов» и «художников», где была определённая профессиональная подготовка. Конечно, последние также включали элементы гуманитарных наук, но их изучение было направлено на практическое применение, соответствующее какой-либо профессии. Разница между «гуманистами» и «специалистами» расширилась после того, как первые сделали упор на классические работы и на исследование других культур, отделив интерес к собственно человеческому и человеческим вопросам от своих профессиональных пристрастий. Данная тенденция продолжала развиваться и проникла в

области, далекие от принятых в то время «гуманитарных наук», что привело к великой культурной революции эпохи Возрождения.

На самом деле, гуманистическая позиция начала развиваться гораздо ранее. Мы можем убедиться в этом, рассматривая темы творений поэтов-голярдов и школ французских соборов XII века. Но слово «*umanista*», которое обозначало определённый тип учёного, в Италии начали использовать в 1538 году. В связи с этим я ссылаюсь на наблюдения А. Кампана в его статье «Происхождение слова "Гуманист"», опубликованной в 1946 году. С учётом вышесказанного я подчёркиваю, что первые гуманисты не признавали такое наименование, так как данное понятие сформировалось гораздо позже. И здесь мы должны упомянуть, что, близкое по смыслу слово «*humanistische*» («гуманистический»), согласно исследованиям Вальтера Рюэгга (Walter Rüegg) начало использоваться в 1784 году; а «*humanismus*» («гуманизм») начало распространяться благодаря работам Нитхаммера (Niethammer) в 1808 году. И только к середине девятнадцатого века термин «гуманизм» распространяется практически на все языки. Таким образом, речь идёт о недавних обозначениях и интерпретациях явлений, которые, несомненно, были пережиты их протагонистами совершенно иным образом, а не так, как рассматривалось в историографии или истории культуры XIX века. Этот момент мне кажется не праздным, я хотел бы вернуться к нему позже при рассмотрении значений слова «гуманизм», которые оно имело до сегодняшнего дня.

Отвлекаясь немного от главной темы, я упомянул бы, что в настоящий момент мы всё ещё замечаем и тот исторический субстрат, и различия между изучением гуманитарных наук, преподаваемых на факультетах и в институтах гуманитарного направления, и личным отношением людей, которое определено не по профессии или специальности, а по их взглядам на человека как главную ценность. Сегодня, когда кто-то определяет себя «гуманистом», то скорее имеет в виду не свои «гуманитарные» исследования, и не поэтому студент или учёный, занимающийся «гуманитарными науками», считает себя «гуманистом». Позиция «гуманиста» смутно понимается как нечто более широкое, чем просто университетские специальности.

В западном научном мире часто называют «гуманизмом» тот процесс трансформации культуры, который начался в Италии, в частности во Флоренции, в период конца XIV – начала XV веков и, закончившись в эпоху Возрождения, распространился по всей Европе. Данное течение появилось в связи с *humanae litterae* (это были сочинения, повествующие о человеческих делах), они отличались от *divinae litterae* (которые ставили акцент на божественном). И это одна из причин, почему их представителей называют «гуманистами». Согласно данной интерпретации, гуманизм, изначально литературное явление, имеет явную тенденцию возвращаться к шедеврам греко-римской культуры, которые задыхались от взглядов средневекового христианства. Следует отметить, что это явление возникло не просто из-за эндогенной модификации экономических, социальных и политических факторов в западном обществе; скорее оно преобразовалось от влияния других цивилизаций. Интенсивный контакт с еврейской и мусульманской культурами и расширение географического горизонта образовали контекст, поощряющий интерес к общечеловеческому и раскрытию человеческих вопросов.

Я думаю, что Сальваторе Пулелла прав, объясняя в своих «Исторических интерпретациях гуманизма», что пред-гуманистический средневековый европейский мир был, как с временной, так и с физической точек зрения, закрытой средой, имеющей тенденцию отрицать важность контакта с другими культурами. Контакта, который, по сути, активно развивался. История, с точки зрения средневековья, это история греха и искупления; знание других цивилизаций, не освещаемых благодатью Божьей, не интересно. В будущем просто готовится Апокалипсис и Божий суд. Земля находится в неподвижном состоянии в центре Вселенной, по учению Птолемея. Всё окружено неподвижными звёздами, а планетарные сферы вращаются, одушевлённые ангельскими силами. Система завершается на Небесах, местопребывании Бога – неподвижного двигателя, который всё вороочает. Социальная организация соответствует этому видению: иерархическая структура и наследственная разница между дворянами и слугами. На вершине пирамиды находятся Папа и император, временами союзники, временами борющиеся за иерархическое превосходство. Средневековый экономический режим, по крайней мере до XI века, является замкнутой экономической системой, основанной на потреблении продукта в месте его производства. Денежная масса небольшая. Торговля движается медленно и с трудом. Европа представляет собой закрытую континентальную державу, поскольку морские пути в руках византийцев и арабов. Но странствия Марко Поло и его контакт с дальневосточными культурами и технологиями; учебные центры в

Испании, где преподают еврейские, арабские и христианские учителя; поиск новых торговых путей, которые обходили бы барьер византийско-мусульманского конфликта; формирование всё более активного слоя людей бизнеса; рост всё более мощной городской буржуазии и развитие более эффективных политических институтов, таких как «сеньорио» в Италии, – всё это обозначает глубокие изменения в социальной атмосфере, и данная трансформация позволяет развить гуманистическую позицию. Не стоит забывать, что в процессе развития было множество достижений и неудач, пока новая позиция не стала сознательной.

Спустя сто лет после Петрарки (1304–1374) знание классиков у европейцев было в десять раз больше, чем на протяжении предыдущего периода в тысячу лет. Петрарка ищет древние кодексы, пытается исправить искажения в исторической памяти, тем самым он создаёт тенденцию к реконструкции прошлого и новую перспективу в курсе истории, к тому времени закупоренном неподвижностью мышления эпохи. Другой ранний гуманист Джаноццо Манетти в своей работе «De Dignitate et excellentia Hominis» («О достоинстве и превосходстве человека»), выделяет человеческое существо в отличие от документа «Contemptus Mundi», в котором говорится о презрении к миру, или о ничтожестве человеческого состояния (проповеди монаха Лотарио ди Сеньи, впоследствии Папы, известного как Иннокентий III). Позже в «De voluptate» («О наслаждении») Лоренцо Валла напал на этическую концепцию боли, существовавшую в обществе его времени. Итак, в то время, как происходят экономические изменения и социальные структуры преобразуются, гуманисты способствуют повышению в обществе осознания этого процесса, создавая каскад произведений; тем самым образуется течение, перешагнувшее область культуры и осуждающее власть церкви и монарха.

Многие эксперты отмечали, что уже в доренессансном гуманизме человек и личность появляются в новом образе. Личность основывается и выражается через действие, поэтому воле придаётся гораздо большее значение, чем рассудительному интеллекту. С другой стороны, возникает новое отношение к природе. Она является уже не просто творением Бога и юдолью слёз для смертных, но и окружением человека, а в некоторых случаях – жилищем и телом Бога. И наконец, это новое положение по отношению к физической вселенной укрепляет изучение различных аспектов материального мира, который стремятся объяснить как набор имманентных сил, не требующих для их понимания богословских понятий. Это показывает чёткую направленность к экспериментированию и тенденцию к господству над естественными законами. Мир превратился в царство человека, он должен овладеть им через научные знания.

Согласно этим характеристикам, учёные XIX века не только определили как «гуманистов» многочисленных литературных деятелей эпохи Возрождения, но также и Николая Кузанского, Родольфо Агрикола, Джона Рейхлина, Эразма, Томаса Мора, Жак Лефевра, Чарльз Буйе, Хуана Вивеса, туда же в этот ряд поместили Галилео Галилея и Леонардо да Винчи.

Известно, что многие темы, поставленные на повестку дня гуманистами, долго сохраняли актуальность и, в конечном итоге, вдохновили энциклопедистов и революционеров XVIII века. Но после американской и французской революций начинается упадок, когда гуманистическая позиция погружается во мрак. Критический идеализм, абсолютный идеализм и романтизм, вдохновляющие абсолютистские политические философии, уже оставили человека как главную ценность в прошлом, превратив его в эпифеномен других сил. Данная объективизация, данное «оно» вместо «ты», как чётко выразился Мартин Бубер, устанавливается на всемирном уровне. Однако трагедия двух мировых войн сотрясает общество до основания; перед лицом абсурда снова поднимается вопрос о смысле человеческого бытия. Это присутствует в так называемом «экзистенциализме» (философии существования). К современной ситуации в гуманизме я вернусь в конце выступления. Сейчас я хотел бы выделить некоторые основные аспекты гуманизма, среди которых мы находим его антидискриминационную позицию и склонность к универсальности.

Тема взаимной терпимости и последующей конвергенции очень ценна для гуманизма, поэтому я хотел бы вспомнить объяснение доктора Бауэра в его докладе от 3 ноября, когда он сказал: *«В мусульманском феодальном обществе, особенно в Испании, положение евреев было совершенно иным. Об их социальной маргинализации, также как и в случае христиан, нельзя даже говорить. И только в исключительных случаях могли бы возникнуть тенденции, которые сегодня мы назвали бы "фундаменталистическими". Господствующая религия не идентифицировалась с социальным порядком в той же степени, как и в христианской Европе. Здесь даже не подходит термин "идеологическое разделение", хотя различные культы и существовали параллельно и с взаимной*

терпимостью. В школы и университеты они ходили все вместе, что было немыслимо в средневековом христианском обществе. Великий Маймонид был молодым учеником и другом Ибн Рушда (Аверроэса). А если позже евреи и сам Маймонид страдали от давления и гонений со стороны фанатов африканского происхождения, захвативших власть в Андалузии, то арабский философ, который для них был еретиком, тоже не спасся от них. В этой атмосфере конечно мог возникнуть всеобъемлющий и глубокий гуманизм как среди мусульман, так и евреев... В Италии ситуация была похожей, не только во время краткого властвования ислама над Сицилией, но и после того; даже в течение долгого времени под непосредственным контролем папства. Монарх немецкого происхождения, император Фридрих II Гогенштауфен, живущий в Сицилии, был сам поэтом, он имел мужество провозгласить три идеологические основы его правления: христианство, еврейство и мусульманство, и даже через последнее – преемственность с классической греческой философией». Конец цитаты.

Что касается еврейской и арабской культур, не сложно найти следы гуманизма. Я только хотел бы упомянуть здесь несколько замечаний русского академика Артура Сагадеева из его лекции «Гуманизм в классической мусульманской мысли», прочитанной в Москве в ноябре 1993 года. Он подчеркнул следующее: *«Инфраструктура гуманизма в мусульманском мире определялась развитием городов и городской культуры. О степени урбанизации этого мира можно судить по таким цифрам: в трех крупнейших городах Савада (Южной Месопотамии) и в двух Египта проживало около 20 % населения, и по проценту жителей городов с населением свыше 100 тысяч Месопотамия и Египет в VIII–X веках превосходили западноевропейские страны XIX века, такие как Нидерланды, Англия, Уэльс и Франция. По самым осторожным подсчётам, Багдад в то время насчитывал около 400 тысяч жителей, а население таких городов, как Фустат (и его преемник – Каир), Кордова, Александрия, Куфа, Басра, – от 100 до 250 тысяч. Сосредоточение в городах громадных поступлений от торговли и налогового обложения обуславливало возникновение многочисленной прослойки средневековой интеллигенции, активизацию духовной жизни, расцвет науки, литературы и искусства, в центре внимания которых был Человек – и как родовое существо, и как уникальная личность.*

При этом средневековый мусульманский мир не знал деления культуры на городскую и ту, которая формировалась бы противостоящими бюргерству по своим ценностным ориентациям сословиями, представленными в Европе обитателями монастырей и феодальных замков. Носители теологической образованности и социальные группы, аналогичные феодалам в Европе, в мусульманском мире жили в городах и испытывали мощное влияние культуры, складывавшейся в недрах мусульманского бюргерства.

О характере же ценностных ориентаций средневекового мусульманского бюргерства можно судить по той референтной группе, на которую оно равнялось как на воплощение черт, обязательных для просвещенной и воспитанной личности. Такую референтную группу образовывали адибы – люди широких гуманитарных интересов, знаний и высокой нравственности. Адаб (совокупность качеств, свойственных адибу), подразумевавший идеалы городского, утонченного, куртуазного поведения, изысканность и остроумие, по своему социальному, интеллектуальному и нравственному призванию был синонимом греческого *paideia* и латинского *humanitas*. Адибы воплощали идеалы гуманизма и одновременно были распространителями гуманистических идей, иногда принимавших у них форму лапидарных речений: "Человек – проблема для человека" (цит. по: Arkoun M. *L'humanisme Arabe au IVe/Xesiècle: Miskawayh, philosophe et historien*. Paris, 1982. P. 357), "Кто плавает по нашему морю, для того не существует иного берега, кроме него самого" (Kraemer L. *Humanism of the Renaissance of Islam // Preperatory Studies: Journal of American oriental society*. Baltimore, 1984. № 104(1): P. 155). Упор на земное предназначение Человека, типичный для адаба, подчас вёл к религиозному скептицизму, появлению среди его носителей "модников", щеголявших своим атеизмом.

Адаб, первоначально обозначавший принятый среди бедуинов этикет, приобрёл окончательную свою гуманистическую завершённость благодаря тому, что халифат, впервые после Александра Македонского объединивший Средиземноморье с индоиранским миром, стал центром взаимообогащения различных культурных традиций и сосуществования разнообразных конфессиональных групп. Адаб в период расцвета средневековой мусульманской культуры, с одной стороны, венчался требованием знакомства приобщившихся к нему индивидов с античной философией, а с другой стороны, вобрал в себя программы образования, разработанные греческими

учёными. Для реализации этих программ мусульмане располагали огромными по тем временам возможностями. Достаточно сказать, что, по расчётам специалистов, в одной только Кордове было больше книг, чем во всей Европе за пределами аль-Андалуса.

Превращение халифата в центр взаимовлияния и смешения различных этносов способствовало становлению ещё одной черты гуманизма – универсализма, представления о единстве человеческого рода. В реальной жизни формированию этого представления способствовало то, что земли, обжитые мусульманами, простирались от Среднего Поволжья на севере до Мадагаскара на юге и от Атлантического побережья Африки на западе до Тихоокеанского побережья Азии на востоке.

Хотя со временем мусульманская держава дезинтегрировалась настолько, что образовавшиеся в результате этого малые государства сравнивали с владениями преемников Александра Македонского (диадохов); правоверные жили, объединённые одной религией, общим литературным языком, одним законом и единой культурой, в повседневной жизни общаясь и обмениваясь культурными ценностями с представителями разнообразных конфессиональных групп.

Дух универсализма, в частности, царил в учёных кружках или на собраниях (маджалис), которые сводили вместе разделявших общие интеллектуальные интересы мусульман, христиан, иудеев и атеистов со всех концов мусульманского мира. Их часто объединяла та "идеология дружбы", которая скрепила философские школы античности (стоиков, эпикурейцев, неоплатоников) и итальянского Возрождения (кружок Марсилио Фичино). В теоретическом плане принципы универсализма вырабатывались уже в русле калама, а затем стали основой мирозерцания как философов-рационалистов, так и мистиков-суфиев.

В организовывавшихся теологами-мутакаллимами (учителя калама) дискуссиях, участниками которых были представители разных конфессий, принималось за правило обосновывать истинность своих тезисов не ссылками на Писания (такие ссылки не имели доказательной силы в глазах представителей других религий), а опираясь исключительно на разум».

Моё чтение доклада Сагадеева не отражает, конечно, всё богатство описания, которое этот ученый делает об обычаях, быте, искусстве, религии, праве и хозяйственной деятельности мусульманского мира во время его гуманистического расцвета. Теперь позвольте мне перейти к другой работе, также русского академика, специалиста в области американских культур. В опубликованной в августе 1994 года монографии профессора Сергея Семёнова «Гуманистические традиции и инновации в ибероамериканском мире» представлен совершенно новый подход, как отследить гуманистические воззрения в великих культурах доколумбовой Америки.

Остановлю ваше внимание на его словах: «О гуманистических тенденциях в ибероамериканском мире мы можем судить прежде всего на материале художественного творчества, как массового, так и профессионального, воплощённого в памятниках материальной культуры и запечатлённого в народной памяти. Такой междисциплинарный подход к анализу конкретных проявлений гуманизма особенно плодотворен применительно к плюралистическому преимуществу ибероамериканскому миру, который олицетворяет собой культурный синтез по обе стороны Атлантического океана на просторах четырёх континентов. Ибероамериканская цивилизация, субстратом которой является европейская средиземноморская культура, принадлежит к числу пограничных цивилизаций. Она является продуктом трёхтысячелетнего органичного культурного синтеза-симбиоза по обе стороны Атлантического океана. Важнейшими вехами этого синтеза явились романизация Пиренейского полуострова, его включение в состав Арабского халифата, последующая реконкиста и формирование испанского и португальского государств, её распространение на территории Африки и Америки в период Великих географических открытий, провозглашение независимости народами заморских владений и складывание латиноамериканских государств, а спустя полтора века – африканских государств с их своеобразными и многообразными культурами, похожими и в то же время отличными друг от друга. Ибероамериканская цивилизация, развиваясь на стволе европейской культуры, получила многочисленные ближневосточные, африканские и древнеамериканские прививки. Опираясь на христианское римское наследие в его католической ипостаси, ибероамериканская цивилизация в то же время восприняла вклад карфагенской, финикийской, иудейской, византийской, древнеримской, кельтской, готской, арабской, африканской, многочисленных индейских культур, в том числе высоких цивилизаций Месоамерики и Анд. В каждой из этих культур содержались своеобразные гуманистические элементы и тенденции. Их рекомбинация, но уже на христианской основе, шла в труднейших условиях контрреформации и затем интервенции Священного союза на Пиренейский

полуостров. Испания была одним, едва ли не важнейшим, из центров контрреформации, что оказало крайне неблагоприятное влияние на гуманистическую мысль и особенно на гуманистический стиль жизни в этой стране и в её заокеанских владениях, существенно препятствовало ассимиляции и закреплению гуманистических традиций и элементов из других культур. В данной статье нет возможности рассмотреть эти элементы отдельно в каждой из культур. Здесь они представляют для нас интерес лишь в той мере, в какой оказали действительное влияние на развитие ибероамериканской культуры в целом и стали её общим культурным достоянием. Исключение составляют только высокие цивилизации доколумбовой Америки, поскольку с этими элементами оказалось возможным познакомиться в интерпретации испанских хронистов и их современников и продолжателей или же в интерпретации представителей культурного синтеза – потомков испанских завоевателей и индейской знати, интегрированной в испано-американское общество. Через Карфаген и особенно Рим ибероамериканский мир воспринял гуманистические элементы, содержащиеся в древнеегипетской, месопотамской и особенно в древнегреческой цивилизациях. Евангелизация Пиренейского полуострова позволила его народам освоить гуманистические тенденции, содержащиеся в христианстве (как в арианском, так и в католическом вариантах, а через Византию и славян-рабов – и в православном). Тысячелетними контактами с африканскими и азиатскими культурами пиренейский мир был подготовлен к встрече с культурами американскими и к творческому освоению их наследия. Эти контакты были весьма неоднородными, но в них особенно интересны гуманистические мотивы. Они, несомненно, укрепили позицию тех, кто настаивал на принадлежности американских индейцев и чёрных африканцев к единому роду человеческому и требовал от испанского и португальского государств защиты их прав от произвола конкистадоров и работорговцев. Это была гуманистическая позиция, нашедшая понимание и на римском престоле, и у испанской короны, хотя до её полного воплощения на практике пройдет ещё три столетия. Тем более важен пристальный интерес сторонников этой позиции к гуманистическим элементам в культурах доколумбовой Америки. Разумеется, эти элементы очень сильно отличались от гуманистической традиции Старого Света, но их сближали универсализм, признание принципиального единства всех людей независимо от племенной и социальной принадлежности. Такие элементы были отмечены как в Месоамерике, так и в Южной Америке. В первом случае речь идёт о мифе о Кетцалькоатле, во втором – о Виракоче, двух божествах, отвергавших принесение в жертву человека (обычно военнопленного), принадлежащего к иному племени. Человеческие жертвоприношения были обычны для Месоамерики вплоть до испанского завоевания. Однако индейские мифы и предания, испанские хроники и дошедшие до нас памятники материальной культуры показывают, что культ «пернатого змея» Кетцалькоатля, восходящий ещё к 1200–1100 годам до н. э., связывался в сознании народов этого региона с борьбой против человеческих жертвоприношений и с утверждением моральных норм, осуждавших убийство, воровство и войны. Согласно ряду преданий, тольтекский правитель города Толлан Се Акатль Топильцин, принявший имя Кетцалькоатль и живший около X века н. э., имел черты культурного героя. Он обучил жителей ювелирному искусству, запретил приносить в жертву богам людей и животных (разрешалось только приносить в виде даров цветы, хлеб и ароматические снадобья), осуждал убийство, войны и воровство. Его наделили внешностью белого человека (но не блондина, а бронеа). Мифы утверждали, что он скрылся в море, но обещал вернуться и принести счастливую жизнь. Этому герою приписывается утверждение в Месоамерике гуманистического стиля жизни, который именовался «тольтекайотль» и который был присущ не одним тольтекам, но и соседним и сменившим их народам. Такой стиль был основан на принципах братства всех людей, самосовершенствования, трудолюбия, честности, верности слову, познания природы, оптимизма. Примерно к этому же времени предания народов майя на Юкатане относят деятельность правителя или верховного жреца из г. Чичен-Итца Кукулькана (майяский аналог Кетцалькоатля). Другим представителем гуманистического направления был правитель города Тескоко, философ и поэт Несауалькойотль (1402–1472), который отрицал человеческие жертвоприношения, воспевал дружбу и оказал глубокое влияние на культуру народов Мексики. В Южной Америке аналогичное движение относится к началу XV века, связывается с именами инки Куси Юпанки, получившего прозвище Пачакутек ("Реформатор"), его сына Тупак Юпанки и с распространением культа верховного божества Виракочи. Как и в Месоамерике, Пачакутек присвоил себе титул божества – Виракочи. Известные моральные нормы, которыми официально руководствовалось общество Тауантинсуйо, были связаны с этим культом и с реформами Пачакутека, который, как и Топильцин, наделяется чертами культурного героя». Здесь заканчиваю цитату из работы, которая, на самом деле, гораздо более обширна и существенна.

Читая эти два материала, я привёл примеры того, что мы называем «гуманистической позицией», существовавшей в самых отдалённых регионах. Позиция, которую мы можем найти в чётко определённые периоды различных культур. Я говорю: «В чётко определённые периоды», – потому что данная позиция, кажется, движется то вперёд, то назад в пульсирующем режиме на протяжении всей истории и даже часто полностью исчезает во времена, откуда нет возврата, предшествующие краху цивилизации. Понятно, что установление связей между цивилизациями на основе гуманистических «моментов» – это обширная задача с огромными последствиями. Сегодня, когда этнические и религиозные группы становятся закрытыми для того, чтобы усилить свою идентичность, мы являемся свидетелями процесса своего рода культурного или регионального шовинизма, череватого столкновениями между разными этническими группами, культурами и религиями. А если кто-то очень любит свой народ и свою культуру, то нетрудно понять, что в нём и в его корнях существовал или существует тот «гуманистический момент», который делает его, по определению, универсальным и похожим на другого человека, с которым он сталкивается. Речь идёт о том разнообразии, которое никем не может быть сметено. Речь идёт о том разнообразии, которое является не помехой, дефектом или отставанием, а представляет собой само богатство человечества. Проблема не в этом, а в возможности конвергенции в разнообразии. Когда я говорю про точки конвергенции, то имею в виду именно эти «гуманистические моменты».

И наконец, я хотел бы вернуться к вопросу о гуманизме в настоящее время. Мы сказали, что после двух мировых катастроф философы-экзистенциалисты вернулись к обсуждению темы, которая казалась бы уже была закрыта в прошлом. Однако эта дискуссия началась с рассмотрения гуманизма как философии, когда на самом деле он никогда не являлся философской позицией, а скорее точкой зрения и определённым отношением к жизни и делам человека. Если в дискуссии было принято описание гуманизма как в XIX веке, то не удивительно, что такие мыслители, как Фуко, обвинили гуманизм в том, что он был изображён именно таким образом. Уже до этого Хайдеггер выразил свой антигуманизм, когда рассматривал гуманизм как ещё одну «метафизику» в своём «Письме о гуманизме». Возможно, дискуссия была основана на позиции экзистенциализма Сартра, который рассматривал этот вопрос, используя философские понятия. Глядя сегодня на эти вопросы, кажется чрезмерным принимать интерпретацию факта как сам факт и, исходя из этого, приписывать ему определённые характеристики. Альтюссер, Леви-Стросс и многие другие структуралисты объявили в своих произведениях о своём антигуманизме, в то время, как другие защищали гуманизм в качестве метафизики или, по крайней мере, антропологии. На самом деле, западный исторический гуманизм в ни коем случае не был философией, даже во взглядах Пико делла Мирандолы или Марсилио Фичино. Тот факт, что многие философы поддерживали гуманистические позиции, не означает, что гуманизм был философией. Кроме того, если возрожденческий гуманизм был заинтересован в вопросах «нравственной философии», то следует понимать эту заботу как ещё одну попытку помешать той манипуляции, которую в этой области совершила средневековая схоластическая философия.

Исходя из этих ошибок в интерпретации гуманизма как философии, легко дойти до натуралистических позиций, таких как те, которые выражены в «Гуманистическом манифесте» 1933 года, или до социально-либеральных позиций, как у «Гуманистического манифеста II» 1974 года. Таким образом, такие авторы, как Корлисс Ламонт, определили свои гуманистические тенденции, как натуралистические и анти-идеалистические, утверждая анти-сверхнатурализм, радикальный эволюционизм, несуществование души, самодостаточность человека, свободу воли, внутримирскую этику, ценность искусства и гуманитаризм. Я думаю, что они имеют полное право так охарактеризовать свои взгляды, но в то же время я считаю излишним утверждать, что исторический гуманизм шёл по этим направлениям. Более того, я думаю, что распространение разных вариантов «гуманизма» в последние годы вполне закономерно, в том случае, если они представлены в качестве вариантов и не абсолютизируют гуманизм в целом. В конце концов, я также считаю, что гуманизм сегодня в состоянии стать философией, моралью, инструментом действия и образом жизни.

Философская дискуссия вокруг гуманизма исторического, да ещё локализованного, имела ошибочные предпосылки. Дебаты только начинаются и возражения антигуманистов должны исходить из того, что предлагает сегодня Новый универсальный гуманизм. Мы должны признать, что всё это обсуждение было несколько ограниченным определённым регионом; много времени занимало до сих пор то, что гуманизм родился в одной географической точке, обсуждался в этой точке и, возможно, его даже хотели бы экспортировать в остальной мир в качестве модели из этой точки. Мы допускаем, что авторское право, монополия слова «гуманизм» принадлежит к одной географической точке. Действительно, мы говорили о западном, европейском и, в некоторой степени,

цицероновском гуманизме. Так как мы утверждали, что гуманизм никогда не был философией, а определённой точкой зрения и отношением к жизни, то разве не можем ли мы расширить область нашего исследования к другим регионам мира и признать, что это отношение проявлялось и у них подобным образом? И наоборот, если мы определяем исторический гуманизм как философию, а также и в качестве специфической философии Запада, то мы не только ошибаемся, но и ставим непреодолимый барьер для диалога с представителями гуманистических позиций всех культур на Земле. Я позволю себе настаивать на этом пункте не только из-за теоретических последствий, которые вышеупомянутые позиции имели и до сих пор имеют, но и из-за прямых практических последствий.

У представителей исторического гуманизма была твердая уверенность в том, что знание и управление законами природы приведёт к освобождению человечества, что такое знание существовало у различных культур и что мы должны учиться у них. Но мы уже убедились в том, что существуют манипуляции знаниями, наукой и техникой, а знание часто служило инструментом для господства. Мир изменился, а наш опыт возрос. Некоторые считали, что религиозность притупила сознание людей, поэтому они осуждали религии и по-отечески навязывали свободу. Сегодня в мире возрастают жёсткие религиозные проявления, где не чтят свободу совести. Мир изменился и наш опыт возрос. Некоторые думали, что культурные различия способствуют конфронтации между народами, поэтому необходимо унифицировать обычаи и образ жизни. Сегодня наблюдаются бурные реакции, когда определённые культуры пытаются навязать свои ценности, не уважая разнообразия. Мир изменился и наш опыт возрос...

И сегодня перед трагическим потемнением разума, перед ростом нео-иррационалистических симптомов, ещё слышны отголоски примитивного рационализма, в котором были воспитаны несколько поколений. Кажется, многие будто говорят: «У нас были основания захотеть положить конец религиям, потому что в этом случае сегодня религиозной розни не существовало бы; у нас были основания попытаться ликвидировать разнообразие, потому что, если бы мы достигли этой цели, то огонь борьбы между этническими группами и культурами не зажёгся бы сегодня!» Но всё-таки этим рационалистам не удалось навязать ни свой унифицирующий философский культ, ни унифицирующий образ жизни, ни свою унифицирующую культуру, а это – самое главное. Очень важно обсудить и найти наилучшие решения для серьёзных конфликтов, раскручивающихся сегодня. Сколько времени ещё потребуется, чтобы окончательно понять, что интеллектуальные или поведенческие модели одной культуры не являются образцами, которым должно следовать всё человечество в целом? Я говорю это, потому что, возможно, пришло время серьёзно задуматься о преобразовании мира и самих себя. Легко требовать, чтобы изменились другие, однако эти другие, конечно же, думают то же самое и про нас. Не пора ли нам признать этих «других», признать разнообразие всех «ты»? Я думаю, что сегодня более актуальна, чем когда-либо, необходимость преобразования мира, а это изменение будет положительным, только когда одновременно меняешь себя. В конце концов, моя жизнь имеет смысл, если я действительно хочу жить и могу выбрать условия или бороться за улучшение условий моего существования и жизни в целом. Антагонизм между личным и социальным не дал положительных результатов. Пора подумать, не больше ли смысла в конвергентности этих понятий? Антагонизм между культурами ведёт нас в не правильном направлении, необходимо пересмотреть формальное признание разнообразия и изучить возможность конвергенции культур на пути создания универсальной человеческой нации.

И, наконец, немало недостатков приписывается гуманистам разных эпох. Говорили, что Макиавелли также был гуманистом и пытался понять законы, управляющие властью; что у самого Галилея оказалась некая моральная слабость перед варварской Инквизицией; что среди изобретений Леонардо имелись передовые военные машины, спроектированные им для монарха. И далее по цепочке утверждали, что у многих писателей, мыслителей и современных учёных также были свои недостатки. Конечно, во всём этом есть доля правды. Но мы должны быть справедливыми, оценивая факты: Эйнштейн не имел ничего общего с изготовлением атомной бомбы, его заслуга заключается в изобретении фотоэлементов, благодаря которым развились многие направления промышленности, в том числе кино и телевидение; но прежде всего его гений преуспел в разработке целой теории – теории относительности. И этот Эйнштейн не был морально слаб перед новой Инквизицией. Как и Оппенгеймер, которому предложили проект Манхэттен для создания устройства, положившего бы конец мировой войне, при условии, что это будет только сдерживающее оружие, которое никогда не будет использовано против людей. Оппенгеймера подло предали, поэтому он поднял свой голос, взывая к совести учёных. В связи с этим его убрали с работы, и по этой же причине он был

преследован маккартизмом. Многие моральные недостатки, приписываемые людям гуманистического мышления, касаются не их позиции в отношении общества или науки, а как людей, действующих против боли и страдания в человеке. По моральной силе, фигура Джордано Бруно перед лицом мученичества предстаёт как образец классического гуманиста. А в наше время Эйнштейна и Оппенгеймера также можно законно считать полноценными гуманистами. Вне области науки почему бы мы не могли рассматривать как подлинных гуманистов Льва Толстого, Ганди и Лютера Кинга? Разве Швейцер не гуманист? Я уверен, что миллионы людей по всему миру поддерживают гуманистическое отношение к жизни, но упоминаю только нескольких как образцы гуманистов, признанных всеми. Я понимаю, что многие могут возражать против поведения, своевременности или такта упомянутых личностей, но нельзя отрицать их приверженность помогать другим людям. Кроме того, у нас нет намерения устанавливать, кто является гуманистом, а кто нет. Мы стараемся только проанализировать вопрос о гуманизме, ограничившись определёнными рамками. Но если кто-то потребует от нас определения гуманистической позиции в данный момент, мы могли бы ответить в нескольких словах, что «гуманистом является тот, кто борется против дискриминации и насилия, открывая пути, позволяющие человеку выразить свободу выбора».

На этом всё. Большое спасибо.

Тема Бога

29 октября 1995 г.

Встреча в рамках философско-религиозного диалога

Союз «Свет и сила» в Буэнос-Айресе (Аргентина)

Я постараюсь в течение тех двадцати минут, которые мне дали для выступления, высказать своё мнение по первой теме, предложенной организаторами этого мероприятия. Я имею в виду «тему Бога».

«Тему Бога» можно рассматривать по-разному. Я же выберу историческую и культурную перспективу, исходя не из личных предпочтений, а придерживаясь рамок, установленных для этой встречи. В эти рамки включены и другие пункты, такие как «религия в современном мире» и «преодоление индивидуального и социального насилия». Таким образом, предметом данного выступления будет «тема Бога», а не «Бог».

Почему мы должны обратить внимание на тему Бога? Что в данной теме интересно для нас, людей двадцать первого века? Разве не закончилась дискуссия после утверждения Ницше о том, что «Бог умер»? По-видимому, тема не может быть просто закрыта философским декретом. И это по двум важным обстоятельствам: во-первых, потому что не до конца было выяснено реальное значение темы; во-вторых, потому что, беря историческую перспективу, мы обнаруживаем, что те темы, которые до недавних пор считались «вне времени», сегодня провоцируют новые вопросы. И данные вопросы больше звучат не в башнях из слоновой кости мыслителей и специалистов, а на улице, в самом сердце простых людей. Некоторые могут сказать, что всё, что видно на сегодняшний день, является просто ростом суеверий или культурной особенностью народов, которые, для того чтобы защитить свою идентичность, фанатично возвращаются к своим священным книгам и духовным лидерам. Пессимистично и в соответствии с определёнными историческими интерпретациями можно сказать, что всё это означает возврат к тёмным векам. Можно говорить, что угодно, однако вопрос не исчезает, а именно это и значимо.

Я думаю, что заявление Ницше: «Бог умер!», – является поворотным моментом в истории долгой дискуссии на тему Бога, по крайней мере, с точки зрения отрицательной или «радикальной» теологии, как её любят называть некоторые защитники этой позиции.

Очевидно, что Ницше не был таким философским дуэлянтом, как дискутирующие теисты и атеисты, спиритуалисты и материалисты. Скорее всего, он задавался вопросом: разве всё ещё до сих пор люди верят в Бога или мы наблюдаем развитие процесса, который покончит с верой в Бога? В его книге о Заратустре говорится: *«И вот старик и человек расстались, смеясь как дети <...> Но когда Заратустра был один, он обратился к своему сердцу: "Разве это можно! Этот старый святой в своём лесу ещё не слышал, что Бог мёртв?!"»* В четвертой части той же книги Заратустра спрашивает: *«"Что все знают сегодня? Разве что уже не жив старый Бог, в которого все когда-то верили?" – "Ты прав, – ответил старик огорчённо. – А я служил этому Богу до последнего его часа"»*. Более того, в произведении Ницше «Весёлая наука» содержится притча о безумце, который, ища Бога на площади, говорил: «Я скажу вам, где Бог... Бог умер! Бог остаётся мёртвым!» Но так как слушатели его не понимали, безумец объяснял, что он пришёл преждевременно, что смерть Бога всё ещё происходит.

Видно, что в цитируемых фразах намекается на некий культурный процесс, где есть смещение убеждений, но не говорится определённо о наличии или отсутствии самого Бога. Это смещение убеждений имеет огромные последствия, потому что оно тянет за собой целую систему ценностей, по крайней мере так было на Западе в то время, когда Ницше писал. Кроме того, в предрекаемом автором для грядущих времён «приливе нигилизма» в качестве фона была объявленная смерть Бога.

В рамках этой концепции можно считать, что раз ценности определённой эпохи основаны на Боге, а Бог исчезнет, то обязательно появится новая система идей, которая будет затрагивать существование в целом и обоснует новую мораль. В такой системе идей должны быть концепции мира, истории, человека и его значения, общества и сосуществования людей, добра и зла, предложения о том, что делать и чего не делать. Идеи такого рода начали появляться давно, когда

рождались великие конструкции критического идеализма и абсолютного идеализма. В данном случае было не важно, применяется ли система мышления в идеалистическом или материалистическом направлении, поскольку структура и методология познания и образа действия были строго рациональными и, во всяком случае, не учитывали всей совокупности жизни. В ницшеанской интерпретации всё с точностью наоборот: идеологии возникли из самой жизни, для того чтобы обосновать и оправдать её саму. Напомним, что Ницше и Кьеркегор, которые оба боролись с рационализмом и идеализмом того времени, считаются прародителями философии существования. Тем не менее, в философский горизонт этих авторов ещё не вписывалось понимание структуры человеческой жизни. К этому пришли в более поздние времена. Было так, как будто на фоне их концепций по-прежнему действовало определение человека как «разумного животного», как природы, наделённой разумом, и этот «разум» можно было бы понять животными в эволюционном плане суждениями, или с точки зрения «отражения» и т. д. В то время ещё было целесообразным думать, что «разум» – это самое важное, или, наоборот, что инстинкты и тёмные силы жизни ориентируют разум. Второй случай соответствует Ницше и витализму в целом. Но после «открытия человеческой жизни» всё изменилось...

Вот здесь я должен извиниться за то, что не буду развивать эту идею, из-за ограничительных рамок сегодняшнего выступления. Тем не менее, я хотел бы немного исправить то странное ощущение, которое можно испытать, утверждая, что «человеческая жизнь» только недавно была открыта и понята. В двух словах: начиная с первобытных людей и до сих пор мы осознаём, что мы живые и что мы люди, мы все чувствуем жизнь, однако в области идей совсем недавно поняли человеческую жизнь с её характерной структурой и собственными свойствами. Другими словами, мы всегда жили с генетическими кодами ДНК и РНК в наших клетках, но только совсем недавно они были обнаружены и понято их функционирование. Таким же образом такие понятия, как интенциональность, открытость и историчность сознания, интересубъективность, умственный горизонт и т. д., лишь недавно были определены в области идей, с этим была осознана структура не жизни в целом, а «человеческой жизни»; в результате чего получили определение человека, которое радикально отличается от концепции «разумного животного». Так, например, животная жизнь, естественная жизнь, начинается в момент зачатия. А когда же начинается человеческая жизнь, если она по определению является «бытием-в-мире», что подразумевает открытость к социальной среде? Или: является ли сознание отражением природных и «объективных» условий или это интенциональность, которая настраивает и меняет заданные условия? Или ещё: совершён ли человек окончательно или он существо, способное модифицироваться и строить себя не только в историческом и социальном смысле, а также и в биологическом смысле? Таким образом, с бесконечными примерами новых проблем, возникших в связи с открытием структуры человеческой жизни, мы могли бы легко выйти за рамки вопросов, поднятых в эпоху, когда «Бог умер», а на историческом горизонте ещё в силе было определение человека как «разумного животного».

Возвратимся к нашей сегодняшней теме...

Если после смерти Бога не произошла бы замена, способная обосновать мир и человеческую деятельность; или если бы упорно внушать рациональную систему, в которой ускользает фундаментальное (жизнь), то хаос и крах ценностей стал бы неизбежным, повлекшим за собой всю цивилизацию. Вот что Ницше называл «приливом нигилизма», а иногда «Бездной». Ясно, что его исследований из «Генеалогии морали» и его идей из книги «По ту сторону добра и зла» было бы недостаточно для того, чтобы произвести ту «трансмутацию ценностей», которую он усердно искал. Скорее всего, в поисках чего-то, что могло бы превзойти его «последнего человека» XIX века, Ницше сотворил некоего сверхчеловека. Как и в недавних легендах о Големе его Сверхчеловек вставал и шёл бесконтрольно, разрушая всё на своем пути. Иррационализм и «жажда власти» обрели максимальное значение, составив идеологическую подоплеку одного из величайших уродств человеческой истории.

Концепция «смерти Бога» не могла быть преодолена с помощью нового и позитивного обоснования ценностей; в начале двадцатого века создание великих мыслительных конструкций прекратилось, не достигнув этой цели. В настоящее время мы не продвигаемся в вопросах: почему мы должны быть солидарными; за какое доброе дело мы должны рисковать своим будущим; почему мы должны бороться против несправедливости или просто по необходимости, или по историческим причинам, или по причине некоего естественного порядка? Разве восприниматься как необходимость старая мораль, основанная на Боге, но без Бога,? Ничего этого не достаточно!

И сегодня, когда мы сталкиваемся с исторической невозможностью появления новых, цельных, обоснованных систем, ситуация, по всей видимости, усложняется. Напомним, что последнее всеобъемлющее философское видение появилось в «Логических исследованиях» Гуссерля в 1900 году, так же как и всеобщее представление о человеческой психике, предложенное Фрейдом в «Толковании сновидений». В физике новое научное мировоззрение появилось в 1905 году и в 1915 году в виде Теории относительности Эйнштейна; систематизация логики – в «Principia Mathematica» Рассела и Уайтхеда в 1910 году и в «Логико-философском трактате» Витгенштейна в 1921 году. Уже с появлением работы «Бытие и время» Хайдеггера в 1927 году незаконченный труд, направленный на обоснование новой феноменологической онтологии, отмечает момент краха великих систем мышления.

При этом следует подчеркнуть, что мы говорим не о прекращении мышления, а о невозможности развития фундаментальных систем, способных всё обосновать. В эти же времена этот же импульс проявился в области эстетики колоссальностью произведений Стравинского, Бартока, Сибелиуса и Пикассо; художников-монументалистов, Ривера, Ороско и Сикейроса; многоречивых писателей, таких как Джойс; эпических кинематографистов как Эйзенштейна; строителей Баухауза во главе с Гропиусом; градостроителей и архитекторов Райта и Ле Корбюзье. А разве прекратилось художественное творчество в последующие годы или в настоящее время? Я не думаю, что это так, но творчество обрело другие характеристики, оно модулируется, деконструируется, адаптируется к различным средствам выражения, осуществляется группами специалистами, становится до крайности технологическим.

Бесчеловечные политические режимы, преобладающие в те времена и создающие иллюзию монолитности и полноты, могут быть восприняты как фактические остатки идей бредового романтизма, как титанические силы, пытающиеся преобразовать мир любой ценой. Они открывают эпоху варварских технологий для уничтожения миллионов людей, атомного террора, биологического оружия, загрязнения и разрушения в особо крупном масштабе. Вот прилив нигилизма, провозглашающего уничтожение всех ценностей и «смерть Бога» Заратустры! Во что же тогда людям верить? В новые альтернативные пути для жизни? Или просто плыть по течению, которое кажется им необузданным и никоим образом не зависит от их воли?

При этом неуклонно устанавливается преобладание техники над наукой, аналитический взгляд на мир, диктатура абстрактных денег над реальным производством. В этой магме возродились этнические и культурные конфронтации, которые, как предполагалось, должны были быть преодолены самим историческим процессом. Любые системы отрицаются деконструктивизмом, постмодернизмом и структуралистскими течениями. Расстройство мышления становится обычным явлением среди философов «слабого интеллекта». Мешанина стилей, сменяющих друг друга, дезинтеграция человеческих отношений и распространение всех видов суеверий напоминают времена имперской экспансии как, например, в старой Персии, мире эллинизма или во времена римских цезарей... Вышесказанным я не стараюсь изобразить своеобразную историческую морфологию и спиральную модель процесса, которая питается аналогиями. Скорее я пытаюсь осветить аспекты, которые нас ни коим образом не удивляют или выглядят невероятными, потому что они уже были в другие времена, хотя и в другом контексте мундиализации и материального прогресса. Также я не хотел бы передать атмосферу неумолимой механической последовательности событий, на которую человеческая интенциональность не в силах повлиять. Скорее наоборот, я думаю, что размышляя над историческим опытом человечества, мы в состоянии создать сегодня новую цивилизацию, первую планетарную цивилизацию в истории. Однако условия для прорыва такого масштаба – крайне сложные. Подумайте, например, о том, как увеличивается сегодня разрыв между постиндустриальными информационными обществами и отсталыми регионами; о росте маргинализации и нищеты в богатых обществах; о разрыве между поколениями, который, кажется, угрожает остановить поступательное движение исторического развития; об опасной концентрации международного финансового капитала; о массовом терроризме; о внезапных проявлениях сепаратизма; об этнокультурных столкновениях; об экологических дисбалансах; о демографическом взрыве; о мегаполисах на грани коллапса... Подумайте обо всём этом и, не впадая в апокалиптическое настроение, согласитесь, насколько сложен текущий сценарий.

На мой взгляд, проблема заключается в особо трудном переходе между тем миром, который мы знали, и миром грядущим. И как всегда, в конце одной цивилизации и начале новой, возможно, придётся проходить через экономический коллапс, административный развал, замену государств на

пара-государства; возможно, придётся столкнуться с повсеместной несправедливостью, унынием, унижением людей, разрывом отношений, одиночеством, растущим насилием, возрастающим иррационализмом – в мире, меняющегося со всё большим ускорением и становящегося всё более глобальным. Прежде всего, надо рассмотреть, какое новое мировоззрение мы с состоянием предложить; какое общество; какую экономику; какие ценности; какой тип межличностных отношений; какую форму диалога между каждым человеком и его соседом, между каждым человеком и его душой...

Тем не менее, для каких-либо новых предложений существуют, по крайней мере, две невозможности: 1) ни одна целостная система мысли не может закрепиться в эпоху деструктуризации; 2) ни один рациональный дискурс не может быть выстроен за пределами империализма практической жизни или за пределами технологии. Эти два препятствия ставят под угрозу возможность обоснования далеко идущих новых ценностей.

Если Бог не умер, то религии ответственны за выполнение некоторых задач на службе человечества. Сегодня они обязаны создать новую психосоциальную атмосферу, обратиться к своим верующим в воспитательных целях для искоренения всех следов фанатизма и фундаментализма. Они не могут оставаться равнодушными к проявлениям голода, невежества, недобросовестности и насилия. Они обязательно должны содействовать терпимости и развитию диалога с другими конфессиями и с любым человеком, кто взял бы на себя ответственность за судьбу человечества. Они должны быть открыты – я искренне прошу, чтобы это не принималось как непочтительность, – к Божественным проявлениям в различных культурах. Мы ждём от них этого вклада в общее дело в столь трудное для всех время.

Если, однако, Бог умер в сердце религий, мы можем быть уверены, что он возродится в новом жилище, как учит нас история возникновения цивилизаций. А это новое жилище будет в сердце человека, далеко от всяких институтов, всякой власти.

На этом всё, большое спасибо.